

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет
Направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция
Профиль «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности»

ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ И ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сборник статей магистрантов

Тверь, 2024

Ответственный за сборник
– к.ю.н., доцент, руководитель ООП 40.04.01 Юриспруденция
«Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности»,
доцент кафедры уголовного права и процесса
ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»
Ю.А. Дронова

**ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ И ПРАВАЗАЩИТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:** сборник научных работ. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2024. –
155с.

Сборник научных статей магистрантов представляет тематику их научных исследований по различным актуальным вопросам, в том числе влияния психологических факторов и информатизации всех сфер общественной жизни на правоохранительную и правозащитную деятельность.

Статьи содержат дискуссионные вопросы и представляют определенный интерес для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», а также практических работников судебных и правоохранительных органов. Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры уголовного права и процесса от 24 июня 2024года, протокол №14.

© Тверской государственной
университет, 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Баженов И.А.</i>	
Криминальная субкультура в информационно-телекоммуникационной сети интернет.....	7
<i>Буданова Ю.Ю.</i>	
Информатизация предварительного расследования.....	14
<i>Гордеев П.В.</i>	
Проблемы влияния использования информационных технологий на формы соучастия в преступлении.....	19
<i>Давыденко П.В.</i>	
Правовые и психологические аспекты взаимодействия врача и пациента.....	26
<i>Давыденко П.В.</i>	
Искусственный интеллект в здравоохранении Российской Федерации и медицине.....	33
<i>Дроздов П.П.</i>	
Психологический аспект совершения преступлений с административной преюдицией.....	40
<i>Дроздов П.П.</i>	
Уголовно-правовой анализ состава преступления с административной преюдицией ст. 274.2 УК РФ и перспективы ее применения в контексте информационных гроз.....	47
<i>Клименцова А.О.</i>	
Судебная защита избирательных прав в период выдвижения и регистрации кандидатов.....	53
<i>Кузьмина Е.Т.</i>	
Человек в мире информатизации.....	61
<i>Кузьмина Е.Т.</i>	
Цифровизация адвокатуры с внедрением комплексной информационной системы адвокатуры России.....	65
<i>Малинин А.И.</i>	
Психологические аспекты коррупционного поведения.....	72
<i>Матвеева С.А.</i>	
Умаление чести, достоинства и деловой репутации как вид психологического насилия.....	77
<i>Матвеева С.А.</i>	
Предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.....	86

<i>Матвеева С.А.</i>	
Особенности доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений в сети «интернет».....	95
<i>Матижев П.С.</i>	
Конфиденциальность как основной принцип деятельности адвоката.....	102
<i>Пархоменко П.П.</i>	
Конституционный контроль и legaltech: анализ.....	118
<i>Секорина К.С.</i>	
Некоторые вопросы судебной защиты прав граждан на социальное обеспечение.....	128
<i>Спахов Д.И.</i>	
Роль органов прокуратуры в защите права граждан на доступ к водным объектам общего пользования, расположенных в Тверской области.....	134
<i>Спахов Д.И.</i>	
Цифровая трансформация надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.....	142
<i>Черных Н.С.</i>	
Особенности применения мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним.....	148
<i>Юрченко А.М.</i>	
Использование электронных доказательств в гражданском процессе.....	152

ПРЕДИСЛОВИЕ

Правоохранительная и правозащитная деятельность является важнейшей в правовом государстве. Изменение и модернизация общественных отношений обуславливает необходимость новых подходов в понимании прав человека и гражданина и методов их защиты.

В сборнике представлены самые разнообразные аспекты правоохранительной и правозащитной деятельности и отражаются современные проблемы и вызовы. Прежде всего это относится к цифровизации и развитию информационных правоотношений. Как всякое явление информатизация имеет как позитивное, так и негативное влияние в сфере правоохранительной деятельности. Информационные технологии все больше внедряются в оперативно-розыскную и следственную работу, осуществление правосудия, многие вопросы уже с успехом решают с помощью искусственного интеллекта, это безусловно облегчает работу. Но информатизация породила и новые негативные явления: мошенничество с помощью информационных технологий, создание деструктивных групп, совершение целого ряда преступлений против личности с использованием интернет технологий. Существенное влияние Интернет оказывает на неприкосновенность частной жизни человека, его честь и достоинство, а устранение негативных последствий таких нарушений вызывает значительные трудности.

Совершенствование избирательных технологий в условиях цифровизации также имеет как положительные моменты, так и проблемные. Ускоряется и упрощается процесс составления списков избирателей, подсчета голосов, передачи информации от участковых избирательных комиссий территориальным и региональным. Но при этом осложняются периоды выдвижения кандидатов и агитации, поскольку возможны различные информационные провокации.

Значительно труднее обеспечивать соблюдение адвокатской тайны в условиях информационного обмена с использованием Интернета, но при этом информационные технологии позволяют более справедливо и объективно решать вопрос о распределении дел между адвокатами и судьями. Цифровизация меняет методы работы прокуратуры, следственных органов и суда, а электронные доказательства используются все чаще.

Правозащитная деятельность не ограничивается только работой правоохранительных и судебных органов, она пронизывает все сферы жизни, а особенно этот аспект важен в медицине и образовании.

В деятельности всех органов и организаций все большее внимание уделяется психологическим проблемам. Результат правоохранительной, педагогической и врачебной деятельности во многом зависит от того насколько правильно сумел следователь установить психологический контакт с обвиняемым, врач с пациентом, педагог с несовершеннолетним.

Все это обуславливает актуальность тематики и выводов, которые содержатся в предлагаемых статьях. Если эти статьи вызовут необходимость поспорить, а не только согласиться с авторами, это будет свидетельствовать о

подлинной научности того, о чем написали магистранты.

*Доктора юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Л.В. Туманова.*

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

И.А. Баженов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к. ю. н., доцент В.В. Харитошкин

В статье рассматривается общая структура криминальных идеологий в сети Интернет и основные каналы их распространения. Рассмотрено влияние информационно-телекоммуникационных технологий на формирование новых опасных форм криминальной идеологии, которые активно распространяются в сети Интернет и оказывают воздействие на поведение людей.

Ключевые слова: криминальная субкультура, криминальная идеология, сеть «Интернет», информационно-телекоммуникационные технологии.

В XXI веке приобрело широкое применение информационно-телекоммуникационных технологий. Такие новшества способствуют развитию многих сфер общественной жизни, упрощают процессы производства и несут в себе существенный потенциал для государства и социума. Вместе с тем, с развитием новых технологий, получают распространение идеи и ценности, которые крайне негативно влияют на общество. Примером, подобных деструктивных идей, является криминальная субкультура.

Ильницкий А.С. определяет криминальную субкультуру, как совокупность идей, взглядов и представлений, пропагандирующих, оправдывающих, поощряющих, стимулирующих и провоцирующих преступное поведение, распространяемых средствами обмена информацией, направленных на формирование криминогенных свойств личности на индивидуальном, групповом и массовом уровнях, оказывающих влияние на криминализацию и виктимизацию населения, детерминацию преступности и (или) развитие иных негативных социальных явлений [7, с. 35].

Данная субкультура распространяется двумя способами: традиционными способами передачи информации (кино, телевидение, музыка, радио, литература, жаргон, татуировки и другие средства распространения), а также современными способами через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

В соответствии с нормами Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], информационно-телекоммуникационная сеть - технологическая система, которая имеет предназначение для передачи по линиям связи информации, доступ к которой может быть реализован с применением средств вычислительной техники.

Ильницкий отмечает, что в юридической литературе информационно-телекоммуникационная сеть Интернет представлена как пространственно-распределенная глобальная сеть компьютерных технологий и информационных

структур пользователей, позволяющих осуществлять операции по обращению информации и предоставлять (получать) информационные услуги в целях удовлетворения потребностей физических, юридических лиц, органов власти и других субъектов информации, обеспечивать их контакты в режиме реального времени, функционирующая на основе технических стандартов, а также норм национального и международного права [7, с. 36].

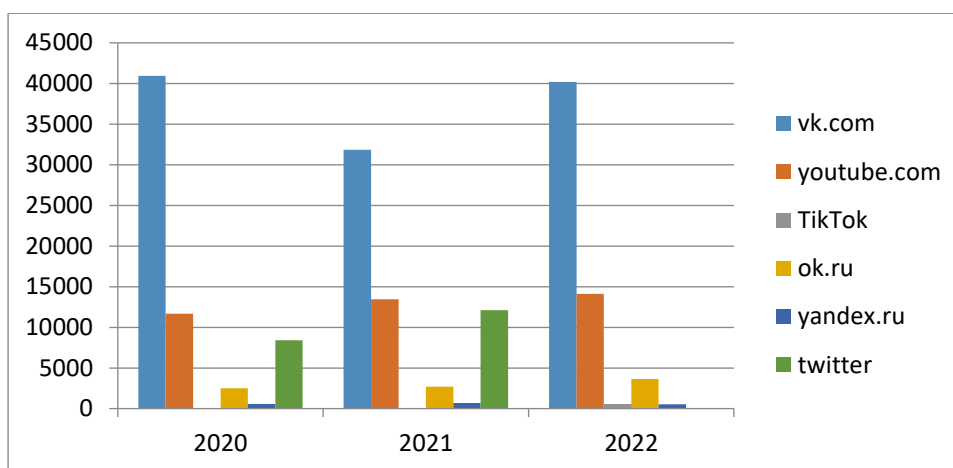
Возможности информационно-телекоммуникационного пространства используются для распространения криминальной идеологии, оправдывающей преступления и романтизирующей криминальную субкультуру. Эта идеология подвергается влиянию процессов информатизации, что приводит к изменениям в ее структуре и формах проявления. В результате возникают новые опасные формы криминальной идеологии, которые активно распространяются в сети Интернет, воздействуя на сознание и поведение людей.

Согласно информации Роскомнадзора, в Единый реестр запрещенной информации было внесено значительное количество указателей сайтов и/или страниц в сети Интернет, за разные периоды времени. Среди них было выявлено значительное число материалов, транслирующих криминальную идеологию [8], (рис. 1).

На графике видно, что количество заблокированных указателей сайтов и/или страниц в сети Интернет растет с каждым годом. Прирост в количестве заблокированных ресурсов увеличивается, особенно заметно в период с 2022 по 2023 год. Это может свидетельствовать о более активной работе по блокировке нежелательного контента в сети Интернет.

Следует отметить, что за разные периоды времени в Единый реестр было внесено значительное количество записей в отношении крупных интернет-ресурсов [8], (рис. 2):

Количество внесенных в Единый реестр записей в отношении крупных интернет-ресурсов (рис. 2)

Криминальная идеология в сети Интернет, содержит определенную структуру, состоящую из следующих элементов: 1. Центральная идеологическая тема включает в себя криминальные идеи и убеждения, которые распространяются через информационно-телекоммуникационную сеть с целью формирования у пользователей криминогенных ценностей и социальных установок. Эта идеология содержит пропаганду преступного поведения, призывы к совершению преступлений, героизацию преступников и поддержку преступлений по идеологическим мотивам; 2. Средства криминогенного воздействия в интернете включают в себя различные формы контента, такие как аудио-, визуальные, аудиовизуальные материалы, которые распространяются через информационно-телекоммуникационное пространство. Криминальная идеология может быть передана через видеотрансляции (стримы), чаты и совместную игру в онлайн-играх; 3. Каналы распространения обеспечивают функционирование средств воздействия криминальной идеологии в интернете. Они представляют собой ресурсы информационно-телекоммуникационной сети, используемые для распространения информации, отражающей криминальную идеологию в киберпространстве. Наиболее популярные способы распространения криминальной идеологии в сети Интернет: социальные сети («ВКонтакте», Instagram, TikTok, Facebook, Twitter и др.) и мессенджеры (Telegram, WhatsApp и др.).

Теперь можно выделить наиболее распространенные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет.

Суть идеологии АУЕ заключается в оправдании преступного образа жизни, а также создание негативного образа правоохранительных органов. Квашис В. Е. отмечает, что важную особенность феномена АУЕ представляет идея о неизбежности пребывания в местах лишения свободы, в связи с чем следует к нему подготавливаться: изучать традиции, нормы, обычаи арестантского сообщества и вести соответствующий образ жизни [4, с. 28].

Широкое распространение данная идеология получила, с помощью таких инструментов, как: социальные сети, видеохостинги, мессенджеры. Основными средствами распространения выступают: тематические цитаты, аудио-,

видеоконтент, лидеры мнений (блогеры) Также стоит отметить, что данная идеология, с учетом использования современных технологий оказывает значительное влияние на несовершеннолетних.

Намсараев Е. Д. отмечает, что криминальное движение активно расширяет свою сферу влияния и укрепляет свои криминальные позиции во многих регионах России, сражается с местной властью там, где недорабатывают правоохранительные органы и соответствующие муниципальные структуры и социальные службы, отвечающие за сопровождение детей, особенно находящихся в социально опасном положении, которые не реагируют на увеличение случаев насилия в отношении несовершеннолетних в семье и образовательно-воспитательных учреждениях [5, с. 247].

Таким образом, недостаточная реакция правоохранительных органов и социальных служб на угрозу, создаваемую криминальными структурами, может привести к дальнейшему усилению преступности и насилия.

Дакашев И. Х. указывает, что к числу основных целей вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру относятся: формирование смены за счет подростков, где "лидеры преступного сообщества особое внимание уделяют несовершеннолетним, впервые переступившим порог следственного изолятора"; корыстные цели - пополнение так называемого "общака" преступной среды; формирование у подрастающего поколения к моменту достижения возраста уголовной ответственности устойчивой картины мира с приоритетом в пользу криминальных ценностей [2, с. 122].

Достижение этих целей формирует у несовершеннолетних определенную картину мира, где для них существенную роль играют криминальные ценности. Под влиянием подобных ценностей у них деформируется сознание и мировоззрение, поскольку они начинают ошибочно верить, что криминальный мир это единственный для них путь.

Идеология криминального суицида. Основная идея этого явления состоит в создании положительного отношения к собственной смерти. Специалисты отмечают две технологии распространения данной идеологии.

Оба способа использовались в разные периоды времени: с 2014 по 2018 год основным способом распространения были социальные сети, такие как «ВКонтакте», а с 2018 года и до настоящего момента, мессенджеры, в частности «Telegram», стали основными каналами распространения. Особенностью данной криминальной идеологии выступают её способы воздействия. Среди них можно выделить интернет-мемы и суицидально ориентированные игры («тихий дом», «синий кит», «тихое место» и т. д.), а также сами «группы смерти».

Колумбайном, принято называть инциденты вооруженных нападений внутри образовательных организаций на обучающихся и (или) педагогов, а также иной персонал школы. Колумбайн, как и терроризм, - это идеология насилия. Но в отличие от терроризма в целом у него нет цели дестабилизировать деятельность органов власти или международных организаций. Последователи колумбайна не преследуют политические или религиозные цели, у них своя идеология, следуя

которой они совершают нападения. Основными способами распространения являются социальные сети, форумы и мессенджеры.

Объединяет эти идеи то, что в первую очередь они оказывают значительное психологическое воздействие на несовершеннолетних, то есть на лиц, которые ещё не способны критически воспринимать информацию, и являются наиболее внушаемыми для подобных разрушительных мировоззрений. Будучи под воздействием подобных идей несовершеннолетние подвергают себя риску стать участниками преступной деятельности.

В свою очередь специалисты предлагают разные способы противодействия распространению криминальных идей. Предложения Иванниковой Е.А. и Тонких В.Е. представляют различные подходы к борьбе с криминальной субкультурой, учитывая, как социальные, так и образовательные аспекты.

Иванникова Е.А. предлагает использовать информационные ресурсы в социальных сетях для выявления и противодействия группам, пропагандирующим криминальную культуру. Её предложение также включает создание рабочих мест для несовершеннолетних и увеличение молодежных общественных формирований и центров дополнительного образования для формирования иммунитета к преступным действиям [3, с. 178].

С другой стороны, Тонких В.Е. предлагает проводить профилактические беседы в школах, включать в учебные программы темы о предупреждении преступлений в интернете, а также ужесточить наказание за привлечение несовершеннолетних к преступной деятельности [6, с. 166]. Оба подхода имеют свои преимущества: подход Иванниковой Е.А. фокусируется на социальной адаптации, в то время как подход Тонких В.Е. сосредотачивается на предупреждении и наказании.

Включение тем о предупреждении преступлений в интернете в учебные программы является неотложной необходимостью в условиях распространения экстремистских и радикальных материалов в онлайн среде. Эта инициатива поможет не только повысить уровень осведомленности об интернет-угрозах, но и обеспечит детей необходимыми навыками для безопасного поведения в цифровой среде, особенно в контексте противодействия влиянию криминальных идеологий. Кроме того, такой подход способствует формированию ответственного отношения к использованию интернета и защите личной информации.

Предлагается внести поправки в законодательство в сфере образования, обязывающие общеобразовательные учреждения включить в свои учебные программы, обучение по предотвращению преступлений в интернете.

Для этого необходимо: разработать стандарты содержания учебных программ, определяющие необходимые темы, методики и подходы к обучению учащихся по вопросам кибербезопасности и противодействия влиянию криминальных идеологий; предусмотреть финансирование и проведение специальных тренингов для педагогов и преподавателей по темам безопасности в интернете, чтобы они могли эффективно передавать эту информацию учащимся; установить партнерство с экспертами по кибербезопасности для

обеспечения актуальности и качества обучающих материалов; предусмотреть механизмы регулярного мониторинга и оценки эффективности включения, данных тем в учебные программы для корректировки методик обучения и обновления материалов;

Реализация подобных мер позволит существенно уменьшить влияние криминальной субкультуры на общество, в особенности на несовершеннолетних.

Таким образом, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, является не только полезным и удобным инструментом в жизни государства и общества, но также выступает средством распространения криминальной субкультуры, представляющей значительную опасность, поскольку она способствует криминализации населения и формированию преступного поведения у несовершеннолетних.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3448.

2. Дакашев И. Х. Влияние криминальной субкультуры на преступность среди несовершеннолетних и молодежи: современное состояние и профилактика / И. Х. Дакашев, Ю. В. Зыбина // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 4(45). – С. 121-124.

3. Иванникова Е. А. Оперативно-розыскное противодействие распространению экстремистского сообщества «АУЕ» среди несовершеннолетних в сети интернет / Е. А. Иванникова // Сборник материалов международной научно-практической конференции, Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 174-179.

4. Квашис В.Е., Ильницкий А.С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2. С. 26–31.

5. Намсараев Е. Д. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру / Е. Д. Намсараев // Криминологические чтения : Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Прокуратуры России. В 2-х томах, Улан-Удэ, 27 мая 2021 года / Науч. ред. Э.Л. Раднаева, отв. ред. Н.С. Маркова. Том 1. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. – С. 245-249.

6. Тонких В. Е. Криминологические аспекты вовлечение несовершеннолетних в криминальную субкультуру с использованием сети «Интернет» / В. Е. Тонких // Актуальные проблемы российского права и законодательства: Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 25 мая 2020 года. – Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2020. – С. 165-167.

7. Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.4. / Ильницкий Александр Сергеевич; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»]; Диссовет Д 203.017.ХХ (03.2.005.01)]. - Краснодар, 2022. - 213 с.

8. Отчет о выполнении плана и показателей деятельности Роскомнадзора в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/plans/reports/p449/>

Об авторе:

БАЖЕНОВ Илья Александрович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ilya.bazhenov01@mail.ru

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Ю.Ю. Буданова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н, доцент Н.Г. Яковлева

В статье исследуется влияние использования информационных технологий на расследование преступлений. Приведены конкретные примеры использования IT-средств при производстве предварительного расследования. Анализируются проблемные аспекты использования информационных технологий при производстве предварительного расследования.

Ключевые слова: информационные технологии, предварительное расследование, базы данных, информатизация, цифровизация.

Одной из важных национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года провозглашается достижение цифровой трансформации, которая объективно обусловила расширение использования электронной информации в деятельности правоохранительных органов. В связи с этим реализуются ведомственные программы цифровой трансформации государственных органов, в том числе органов прокуратуры, суда, МВД России [1].

Информатизация в уголовном процессе – это данность нашего времени. Возврат к прошлому невозможен и использование цифровых технологий можно воспринимать только как положительное нововведение [2]. Использование информационных технологий в производстве предварительного расследования преступлений значительно повышает его эффективность, что позволяет значительно сократить время и усилия, затрачиваемые на сбор, хранение и анализ больших объемов данных, а также на координацию работы различных подразделений органов правопорядка.

Актуальность данной тематики подтверждается статистическими данными, представленными на сайте МВД РФ:

В 2023 году зарегистрировано рекордное количество IT-преступлений — 677 тыс. Согласно статистике ведомства, такое количество злодеяний зафиксировано впервые. В 2022-м эти показатели равнялись 522,1 тыс., или на треть меньше, в 2021 – 517,7 тыс. [3].

За прошедший год удельный вес таких дел вырос до 34,8% с 26,5%. Больше половины зарегистрированных преступлений, совершенных с помощью информационных технологий, относится к категориям тяжких и особо тяжких, отмечают в министерстве.

Больше всего в абсолютном выражении за год выросло количество преступлений с использованием интернета — с 381,1 тыс. до 526,7 тыс. На втором и третьем местах оказались мошенничества, совершенные с применением средств мобильной связи и пластиковых карт. Также участились

правонарушения с использованием компьютерной техники, программных средств и фиктивных электронных платежей, сказано в отчетности.

Расследование преступлений – трудоемкий и в большинстве случаев длительный процесс. Сложившаяся криминогенная обстановка заставляет правоохранительные органы внедрять новые технологии в повседневную деятельность, что позволяет ускорить процесс предварительного расследования.

К технологиям, используемым при производстве предварительного расследования, можно отнести систему видео-конференц-связи, с помощью которой можно вести допрос и иные следственные действия дистанционно, что нашло свое отражение в статье 189.1 УПК РФ [4]. Использование видео-конференц-связи особенно актуальным стало в условиях пандемии COVID-19, что существенно помогало сократить сроки предварительного расследования. Впервые технология видео-конференц-связи была применена в России в 1999 году при рассмотрении Челябинским областным судом кассационной жалобы, поданной осужденным гражданином Муртазиным [5]. Причинами использования данной системы связи послужили территориальная удаленность следственного изолятора, сложность конвоирования и значительность финансовых затрат.

Также в настоящее время законодательно урегулирована возможность использования аудио- и видеозаписи, съемки различных процессуальных и следственных действий, как с участием понятых, так и в их отсутствие (часть 2 статьи 166, часть 3 статьи 170 УПК РФ) [10, с.141].

Система «Полиграф» - комплекс IT-средств, используемый для выявления лжи у подозреваемых и свидетелей. Данная система включает в себя специальное оборудование для регистрации физиологических параметров человека (дыхания, пульса, кровяного давления) во время прохождения теста. Система была успешно применена в расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, таких как кражи, насилие и убийство.

Система «Фоторобот» - программное обеспечение, позволяющее создавать фотороботы преступников на основе описаний свидетелей. Система использует базу данных с фотографиями и характеристиками лиц, которые уже были арестованы. В случае успешного раскрытия преступлений на основе фоторобота, информация передается в базу данных о преступлениях.

Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» - это IT-система, разработанная для улучшения координации действий и служб, ответственных за обеспечение общественной безопасности и правопорядка.

Целью создания АПК «Безопасный город» является повышение уровня безопасности по основным направлениям жизнедеятельности населения города, в том числе антитеррористической защищенности мест массового пребывания граждан, объектов различных степеней важности, а также повышение оперативности работы правоохранительных органов за счет оптимизации управления силами и средствами органов внутренних дел.

Мобильное приложение «Помощник следователя» - программное обеспечение для смартфонов, которое помогает следователям организовывать

свою работу. Приложение позволяет следователям получать доступ к базам данным, взаимодействовать с коллегами и получать уведомления о новых материалах в расследовании уголовных дел.

Автоматизированная информационно-поисковая система «АБД-Центр» предназначена для информационного обеспечения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, проводимых подразделениями органов внутренних дел и другими правоохранительными органами, что позволяет вести централизованный учет преступлений и лиц, подозреваемых или обвиняемых в их совершении.

Формированием целых баз данных занимается главный информационно-автоматизированный центр УМВД России (ГИАЦ). В ГИАЦ МВД России информация имеет особое значение, поскольку её цель – обеспечение безопасности государства и борьба с преступностью.

Основные виды информации, используемые в ГИАЦ:

1. Оперативная информация – данные о преступлениях, преступниках, их действиях и местонахождении, которые поступают в ГИАЦ от оперативных подразделений МВД и других правоохранительных органов.

2. Аналитическая информация – информация, которая получена в результате анализа оперативной информации и других источников. Она позволяет выявлять тенденции и прогнозировать развитие событий [11, с. 660].

В последние годы значительно увеличилось число обращений, поступающих в органы внутренних дел от граждан [6, с. 475]. Для оптимизации работы правоохранительных органов и ведения электронного документооборота предусмотрена подача обращения в электронном виде [7, с. 87].

Согласно статистике с официального сайта МВД РФ, количество поступивших электронных обращений составило:

- в 2022 году 125233 обращения,
- в 2023 году 155277 обращений.

Процент прироста составил 19,3 %.

Полученное обращение распечатывается, регистрируется и передается исполнителю, ответ которого, изложенный на бумажном носителе, вновь переводится в электронный вид. На официальном сайте каждого территориального органа имеется вкладка «прием обращений». Однако полученное обращение распечатывается, регистрируется и передается исполнителю, ответ которого, изложенный на бумажном носителе, вновь переводится в электронный вид.

Нередко обращения распечатываются несколько раз, в связи с чем, исполнителю приходится их приобщать к имеющемуся материалу.

Между тем в настоящее время УПК РФ остается не урегулирован вопрос о возможности следователем вызова участников уголовного судопроизводства с помощью технических средств связи. Согласно части 1 и 2 статьи 188 УПК РФ свидетель, потерпевший вызывается на допрос повесткой, которая подлежит вручению под расписку вызываемому лицу. Отсутствие в законе уголовно-процессуальных норм, конкретизирующих порядок вручения повестки для явки

к следователю посредством средств связи и перечень указанных средств, влечет за собой риск нарушения конституционного права гражданина на личную неприкосновенность [9], что подтверждается судебной практикой.

Так, 16 июля 2020 года приговором Заельцовского районного суда города Новосибирска, осужден гражданин И. по части 2 статьи 318 УК РФ за оказание сопротивления заместителю командира отдельной роты патруль-постовой службы полиции при осуществлении последним по указанию дознавателя привода, причинив своими действиями сотруднику полиции легкий вред здоровью в виде закрытого перелома костей носа. В судебном заседании И. показал, что не знал об осуществлении в отношении него уголовного преследования, поскольку о вызове к дознавателю не уведомлялся, а действия сотрудника полиции, который был одет в гражданскую форму и пинавшего дверь его квартиры, расценил как угрозу, поэтому был вынужден защищаться.

Со слов дознавателя, он неоднократно звонил И., которые ни разу не ответил на телефонного звонок дознавателя [8].

В приведенном примере отсутствие ответа, осужденного на телефонного звонок дознавателя воспринято как игнорирование надлежаще произведенного вызова к дознавателю, что послужило основанием для привода. Несмотря на постоянное совершенствование информационных и цифровых технологий и внедрения их в использование при производстве предварительного расследования, в настоящее время уровень их использования правоохранительными органами далек от совершенства.

Это связано с тем, что для практики внедрения новых технологий необходима длительная и планомерная работа, а также отсутствие доверия со стороны российского общества к новым технологиям.

С процессом информатизации предварительного расследования, необходимо постоянно повышать уровень профессиональных навыков и умений сотрудников органов внутренних дел. Для реализации данной цели важно обеспечить следственные органы необходимым оборудованием, программным обеспечением, а также дополнительным финансированием, как территориальных органов, так и образовательных организаций МВД России.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что информатизация и цифровизация следственной деятельности является необходимым, но длительным процессом. В связи с чем, следует отметить перспективы его дальнейшего постепенного и планомерного осуществления, что значительно повысит уровень расследованиях преступлений.

Список литературы:

1. О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, № 20, ст. 2901
2. Дикарев И.А., Миликова А.В. Использование информационных технологий и психология принятия решений на предварительном следствии // Правовая парадигма № 3, 2023

3. Состояние преступности в России за 2021-2023 годы [Электронный ресурс] // Главный информационно-аналитический центр МВД России URL: <http://мвд.рф/> (дата обращения 20.05.2024)

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024)

5. Исполнилось 10 лет технологии видео-конференц-связи в российском правосудии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Челябинского областного суда. URL: <http://www.chel-oblsud.ru/index.php?html=news&nid=566> (дата обращения: 20.05.2024); Щерба С.П. Правовые основы применения видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и перспективы их совершенствования // Уголовное право. 2014. № 4. С. 109 -117.

6. Волынский, А.Ф. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография //А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич. – М.: Экономика, 2020. – 475 с.

7. Волынский, В.А., Тишутина И.В. Раскрытие и расследование бандитизма – первоначальный этап: учеб. пособие / В.А. Волынский, И.В. Тишутина. – М.: Кн. мир, 2005. – 87 с.

8. Приговор Заельцевского районного суда г. Новосибирска от 16 июля 2020 г. по делу № 1-144/2020 [Электронный ресурс] // https://zaelcovsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения 20.05.2024)

9. Малышева О.А., Самсонов П.А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления // Журнал российского права № 2, 2024

10. Исаенко В.Н., Ищенко П.А. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве, 2021, № 1, с. 136-143

11. Емельянова Н.Ю., Рахмонбердиев Б.Б. Применение информационных технологий в органах предварительного расследования // Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023, с. 659-662

Об авторе:

БУДАНОВА Юлия Юрьевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: zlayayuuli4ka@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

П.В. Гордеев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Г.Н. Захаров

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены формам соучастия. Рассмотрены вопросы разграничения таких форм соучастия, как организованная группа и преступное сообщество в условиях появления преступных групп, использующих в своей деятельности информационные технологии. В статье отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: формы соучастия; организованная группа; преступное сообщество.

Прогресс в сфере информационных технологий обусловил появление как новых преступлений, так и новых способов совершения давно существующих преступлений. Развитие технологий оказало влияние на способы организации и коммуникации различных социальных групп и всего общества в целом. Преступные объединения также стали пользоваться новыми технологическими возможностями для организации своей деятельности и налаживания связей между собой.

В январе - марте 2024 года зарегистрировано 179,2 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 17,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 31,5% в январе - марте 2023 года до 37,9%. Организованными группами или преступными сообществами совершено 11,5 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+19,5%), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 12,9% в январе - марте 2023 года до 15,5%. В Тверской области за указанный период зафиксированы наибольшие темпы прироста преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (118,3 %) [14].

Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (далее – высокотехнологичные преступления) чаще всего имеют групповой характер, то есть совершаются в рамках определённой формы соучастия. Данная особенность связана с тем, что подготовка к совершению высокотехнологичных преступлений требует от субъектов указанных преступлений высокого уровня знаний и навыков в сфере ИТ, а также соответствующего технического сопровождения. Всё это обуславливает необходимость привлечения специалистов ИТ сферы, увеличивая тем самым состав преступной группы [10, с. 118]. Включение в свой состав специалистов ИТ сферы, чьи профессиональные

знания превосходят познания субъектов расследования, является особенно важным этапом подготовки совершения преступлений такими группами [7, с. 50].

Становится актуальной проблема влияния процесса внедрения информационных технологий в деятельность преступных групп на структуру и организацию таких групп. Возникает вопрос о том, насколько точно имеющиеся легальные формулировки форм соучастия позволяют квалифицировать деятельность преступных групп, совершающих преступления с использованием новых технологий.

Форма соучастия – это категория, отражающая степень согласованности действий соучастников [11, с. 138]. На основании положений ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ) принято выделять следующие формы соучастия: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация) [1]. Верховный Суд РФ указывал: «в ст. 35 УК РФ предусмотрены формы совершения групповых преступлений, которые отличаются между собой по степени сплоченности, внутренней организованности, способами связи внутри системы» [20].

В доктрине уголовного права обозначен ряд дискуссионных вопросов и проблем, наличие которых подтверждается недостаточным единообразием судебной практики. Неразрешённой остаётся проблема разграничения организованной группы и преступного сообщества. Дискуссия о том, какие именно критерии должны отличать преступное сообщество от организованной группы, присутствует в науке уголовного права и сегодня, а в правоприменительной практике продолжают встречаться достаточно противоречивые решения по указанному вопросу.

Применение информационных технологий при совершении групповых преступлений порождает дополнительные проблемы при квалификации данных преступлений в рамках конкретной формы соучастия. Научная дискуссия в сфере данной проблематики на данный момент не дала однозначного ответа на вышеуказанные вопросы. В правоприменительной практике также нет единого мнения относительно вышеописанных проблем. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» не уделено должного внимания вопросам формы соучастия, в рамках которой могут совершаться указанные преступления [18].

Рассмотрим проблемы квалификации высокотехнологичных преступлений совершенных организованной группой. Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В легальном определении организованной группы указан отличительный признак данной формы соучастия – устойчивость.

Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях указывал, что признак устойчивости может проявляться в большом временном промежутке существования группы, неоднократности совершения преступлений членами группы, технической оснащенности, длительности подготовки преступления [17]; стабильности состава группы, тесной взаимосвязи между ее членами, постоянстве форм и методов преступной деятельности [16]. А.И. Чучаев указывает, что устойчивость означает установление между соучастниками тесных связей, неоднократность контактов для детализации и проработки будущих действий [15, с. 102].

Преступные группы, совершающие высокотехнологичные преступления отличаются особым способом формирования. Подбор участников осуществляется через Интернет (посредством социальных сетей, форумов). Указанный способ сочетается с традиционными методами (личные встречи, вовлечение через посредников). Таким образом, возникает вопрос о достижении указанными объединениями необходимой степени устойчивости для возможности их отождествления с организованными группами.

В.Д. Ларичев, Т.В. Якушева отмечают, что стабильность состава и тесную взаимосвязь участников нельзя в полной мере отнести к характерным признакам действующих в киберпространстве преступных объединений, что не исключает возможности их идентификации как организованных групп согласно критериям, установленным национальным законодательством [9, с. 95]. Д.А. Бронников указывает, что большинстве сетевых преступных организаций отсутствуют такие признаки, как единое руководство, стабильность состава группы, тесная связь между ее членами, осознание участниками преступления своей причастности к деятельности такой группы [4, с. 130]. То есть преступные группы, совершающие высокотехнологичные преступления, могут быть квалифицированы как организованные группы, если опираться исключительно на легальное определение, закреплённое в УК РФ. Однако толкования признака устойчивости (стабильность состава группы, тесная взаимосвязь между ее членами), указанные в Постановлениях Пленума ВС РФ, требуют пересмотра.

Согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой, или иной материальной выгоды. Обязательным признаком преступного сообщества является наличие единого руководства. В доктрине уголовного права с данным признаком связывается наличие иерархии и соподчинённости по вертикали [6, с. 57]. А.А. Бессонов указывает, что иерархия является имманентным свойством организованной группы. Данное свойство позволяет отграничить организованную группу от группы лиц по предварительному сговору [3, с. 107]. Говоря о структурированной организованной группе как форме преступного сообщества, следует отметить, что её иерархия включает в себя как минимум три

уровня. Высший уровень – руководитель (руководители) преступного сообщества, средний уровень – руководители структурных подразделений, низший уровень – обычные исполнители, участники структурных подразделений.

Преступные группы, совершающие высокотехнологичные преступления, всё чаще переходят к сетевому принципу организации. Исследователи указывают, что современные организованные группы и преступные сообщества основываются на смешанной структуре, сочетающей элементы сетевого строения и иерархической вертикали [13, с. 639]. Преступность развивается вместе с обществом, следовательно, внедрение принципов сетевого управления в преступные группы было вопросом времени. Указанные принципы имеют очевидные преимущества перед традиционной иерархией.

Благодаря сетевому принципу взаимодействия, можно в относительно короткие сроки выявить и согласовать интересы участников, сформулировать стратегическую цель и определить конечный результат взаимодействия, исходя из имеющихся потенциальных возможностей участников сети [5, с. 184]. При таком способе организации действует принцип комплементарности: действия одного участника, связанные с решением поставленных перед ним задач, способствуют решению задач другими участниками группы.

В условиях увеличения количества участников преступных сообществ и организованных групп немалая часть управленческих функций неминуемо передается на нижестоящие уровни, которые приобретают все большую свободу в выборе действий. На основании данных доводов Л.В. Глазкова предлагает дополнить легальное определение термина «преступное сообщество» следующим образом: объединение организованных групп или структурированная организованная группа в составе нескольких лиц (не менее трех), которые объединились по иерархическому принципу (под единым руководством) либо по сетевому принципу (на основе комплементарности) с целью занятия преступной деятельностью [6, с. 58]. На наш взгляд, в изменении легального определения преступного сообщества нет необходимости.

Следует отметить, что степень децентрализации управления преступными группами может быть различна. В некоторых группах внедрение современных способов коммуникации вполне сочетается со сложной иерархической структурой. Так, например, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2023 № 74-УД22-10СП-А5 указано, что подсудимые действовали в рамках преступного сообщества, которое было создано для систематического распространения наркотиков бесконтактным способом через сеть «Интернет» от имени интернет-магазинов для получения финансовой выгоды. Сообщество отличалось сложной иерархической структурой с наличием обособленных по функциональному и территориальному признакам подразделений, представленных организованными и устойчивыми группами [19].

Часть исследователей полагают, что, отказываясь от оставления всех властных полномочий за собой, руководитель преступной группы делегирует

существенную их часть отдельным участникам. Решения стратегических вопросов руководитель оставляет за собой. Признаки организованности, совместности преступной деятельности и тщательного ее планирования, традиционно свойственные организованным группам, у кибергруппы сохраняются, функционально перераспределяясь между руководителем всего объединения и его активными участниками согласно имеющимся договоренностям [9, с. 95].

В.Д. Ларичев, Т.В. Якушева указывают, что единое руководство преступным сообществом по замыслу законодателя не тождественно иерархичности. Статья 210 УК РФ описывает криминализуемое деяние посредством альтернативных действий, одним из которых (не упоминаемым в ч. 4 ст. 35 УК РФ) является координация действий организованных групп. Данные авторы делают вывод о том, что современное уголовное законодательство РФ позволяет отождествить преступные группы, совершающие высокотехнологичные преступления, с организованной группой либо с преступным сообществом [9, с. 97]. Представляется, что данный подход является вполне обоснованным. Определение, данное в ч. 4 ст. 35 УК РФ, рассматриваемое в совокупности с диспозицией ст. 210 УК РФ, является актуальным для квалификации действий преступных групп, совершающих высокотехнологичные преступления.

Ряд исследователей обосновывают необходимость введения в УК РФ новых форм соучастия, связанных с киберпреступностью. И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова и С.Г. Никитин указывают, что возникла новая форма преступных объединений - хакерское сообщество, в связи с чем, предложено включить в УК РФ новую норму, криминализирующую организацию и участие в таком объединении [2, с. 102]. Данная мера представляется преждевременной. Следует согласиться с тезисом А.И. Коробеева, Р.И. Дремлюги и Я.О. Кучиной: «устойчивая тенденция к выделению киберпреступности в отдельный вид на самом деле представляет собой эволюцию существующих преступлений, а именно способов и средств их совершения» [8, с. 422]. Киберпреступность не стоит отождествлять с отдельным видом преступлений, а преступные кибергруппы не следует идентифицировать как новые формы соучастия. Полагаем, что при рассмотрении подобных вопросов необходимо руководствоваться идеей о том, что изменение уголовного закона должно осуществляться по принципу минимизации вносимых поправок [12, с. 77].

Следует отметить, что существует необходимость учесть новые способы создания и функционирования преступных групп - в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). Учитывая опасность высокотехнологичных преступлений, предлагается дополнить ст. 210 УК РФ частью 3.1 предусматривающей более строгую ответственность за деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях. При этом остаётся необходимость закрепить ряд признаков, позволяющих отделить преступное сообщество, которое специализируется на высокотехнологичных преступлениях, от традиционного преступного сообщества. К таким признакам

могут быть отнесены: сетевые способы организации сообщества; необязательность его иерархического построения; использование ИКТ в качестве единственного или главного средства коммуникации между членами сообщества. Указанные признаки следует закрепить на уровне Постановления Пленума ВС РФ.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что существующие легальные определения форм соучастия позволяют квалифицировать соответствующие деяния кибергрупп в рамках одной из данных форм. Изменения следует вносить в Постановления Пленума ВС РФ, так как именно в них содержится широкий перечень критериев (часть из которых устарели), позволяющих определить существенные признаки организованной группы и преступного сообщества.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
2. Бегишев И.Р., Хисамова З.И., Никитин С.Г. Организация хакерского сообщества: криминологический и уголовно-правовой аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 1. С. 102–103.
3. Бессонов А.А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 108–119.
4. Бронников Д.А. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на формирование новых форм организованной преступности в сфере экономики // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 4 (46). С. 130–131.
5. Василенко Н.В. Принципы сетевых взаимодействий в образовании // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 183–185.
6. Глазкова Л.В. Особенности современных организованных преступных групп // Мониторинг правоприменения №1. 2019. С. 54–60.
7. Комаров И.М. «Цифровая» криминалистика в актуальных тезисах // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2018. № 4. С. 50.
8. Коробеев А.И., Дремлюга Р.И., Кучина Я.О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 422.
9. Ларичев В.Д., Якушева Т.В. Организованная преступность и киберпреступность: вопросы соотношения и законодательного урегулирования // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 82–99.
10. Поляков В.В. Групповая форма совершения преступлений как один из признаков высокотехнологичной преступности // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 117–126.
11. Рарог А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров 2-е изд., перераб. и доп. Москва. Проспект, 2023. 624 с.
12. Русскевич Е.А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 77.
13. Скуратов Ю.И., Глазкова Л.В., Грудинин Н.С., Незнамова А.А. Развитие организованной преступности в России: системный анализ // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 638–648.

14. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - март 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/49477631/> (дата обращения: 04.05.2024).

15. Чучаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва. Контракт, 2012. 624 с.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Российская газета. 30.01.1997. № 20.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 18.01.2003. № 9.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета. 28.12.2022. № 294.

19. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2023 № 74-УД22-10СП-А5 // СПС «Консультант Плюс».

20. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2023 № 5-УДП22-155-К2 // СПС «Консультант Плюс».

Об авторе:

ГОРДЕЕВ Прохор Валерьевич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: pvgordeev@edu.tversu.ru

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА

П.В. Давыденко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ф.н., доцент А.В. Афтахова

В статье анализируются проблемные вопросы взаимоотношений врача и пациента с точки зрения правового обоснования. Предложены возможные варианты поведения врача при возникновении конфликтных ситуаций. Приведены примеры реальных конфликтных ситуаций. Рассмотрен вопрос об уголовной и административной ответственности пациента, в случае противоправных действий в отношении медицинского работника. Обобщён порядок рассмотрения жалобы пациента.

Ключевые слова: врач, пациент, конфликт, жалоба на врача, причинение вреда здоровью медработника.

На сегодняшний день врачи довольно часто сталкиваются с агрессивным поведением со стороны пациентов. Более того, в новостных источниках практически каждый месяц появляются заголовки о неблагоприятном исходе взаимоотношений врача и пациента, который приводит к госпитализации первого. Безусловно, «в споре рождается истина», однако данное высказывание необходимо рассматривать с точки зрения спора в праве с учетом принципа состязательности.

Однако, стоит отметить, что любой конфликт – это уже результат недопонимая врача и пациента. В психологии конфликт определяется как столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций в сознании отдельно взятого индивида, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями [6, С. 143].

Конфликты возникают практически во всех сферах человеческой деятельности. Ничего странного в этом нет. Как образно заметил американский психолог Б. Вул, жизнь – процесс решения бесконечного количества конфликтов. Человек не может избежать их. Поскольку каждый конфликт всегда связан с эмоциями, то человек начинает испытывать дискомфорт, напряжение, которые могут привести даже к стрессовым ситуациям, нанося тем самым ущерб здоровью. К сожалению, для большинства людей характерно неумение находить достойный выход из конфликтных ситуаций [7, С. 56].

С позицией Б. Вула трудно не согласиться, так как на сегодняшний день большинство пациентов поддаются реактивному мышлению и переходят границы взаимодействия с врачом. Однако не стоит забывать и о возможном некорректном поведении со стороны конкретного врача.

По данным опроса врачей, медсестер, фельдшеров скорой, администраторов, санитаров, фармацевтов и провизоров 90% российских медицинских работников

сталкивались с агрессией пациентов на рабочем месте, при этом 13% сообщили, что дело доходило до физического контакта [10].

Так, в новогодние праздники 2023 года в Саратовской области жительница в состоянии алкогольного опьянения, несколько раз ударила фельдшера приехавшей на вызов бригады затылком об стену. Медика госпитализировали [14]. В Воронежской поликлинике № 5, где посетительницы избили терапевта, у 60-летней женщины диагностировали сотрясение мозга и ушибы мягких тканей головы. Две посетительницы - мать и дочь - вторглись в кабинет без приглашения во время лечения другого больного. Они были недовольны врачом - тот отказал в предоставлении платной услуги бесплатно, и не постеснялись высказать претензии при посторонних. А когда их попытались вывести, они устроили потасовку [13].

Таким образом, повод для возникновения серьезной конфликтной ситуации и агрессивного поведения пациентов, которое повлечет за собой привлечение к уголовной ответственности, может быть вполне незначительным.

Однако, по нашему мнению, такие ситуации, как правило, не могут включать в себя, как первопричину, так и следствие, а им явно предшествует какой-либо спор или конфликт. При этом их исходы, в большинстве случаев, обусловлены тем, что медицинский персонал на сегодняшний день не обучен грамотному поведению в случае возникновения конфликта с пациентом. При этом сложившаяся между врачом и пациентом конфликтная ситуация, вызванная религиозными верованиями последнего или иными личными убеждениями, может привести к возникновению тяжких последствий, за которые предусмотрена уголовная ответственность.

С 06 августа 2019 года вступили в силу два федеральных закона, которые призваны защитить медработников от посягательств при оказании медпомощи:

- Федеральный закон от 26.07.2019 № 206-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников» [4];

- Федеральный закон от 26.07.2019 № 229-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь» [5].

Законами были дополнены КоАП РФ [2] ст. 6.35 – «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи», а также УК РФ [1] новой статьей 124.1 «Воспрепятствование оказанию медицинской помощи». Разницу в квалификации деяний, как административного правонарушения или уголовного преступления составляет признак «если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью пациента». Авторы законов указали, что медицинские работники при оказании медпомощи постоянно подвергаются насилию со стороны пациентов, их родственников и посторонних людей [12]. Особенно страдают сотрудники скорой помощи, дежурные бригады и персонал приемных отделений.

Теперь, если человек в какой бы, то ни было форме препятствует «законной деятельности медицинского работника по оказанию медицинской помощи», ему грозит уголовная ответственность. Отвечать перед законом нарушителю придется в двух случаях: если здоровью пациента причинен тяжкий вред или если пациент умер, что является объективной стороной данного состава преступления. Наказание за тяжкий вред – от штрафа 80 000 руб. до двух лет лишения свободы. Если пациент умер, максимальное наказание – до четырех лет лишения свободы.

При этом субъективная сторона данного преступления выражается в том, что виновный действует (бездействует), руководствуясь своими интересами и мотивами, не осознавая возможности наступления тяжких для здоровья (жизни) человека последствий либо рассчитывая на их предотвращение. То есть конструкция состава преступления строится на психологических и субъективных факторах, которые предшествуют его совершению и которыми может руководствоваться пациент при принятии противоправного решения.

Многие юристы в 2019 году считали, что статья 124.1 УК РФ не будет использоваться правоприменителем в должной мере. Ее формулировки можно толковать очень широко. Под понятие «препятствующие действия» может подойти практически любое деяние: неважно, человек не пропустил автомобиль скорой медицинской помощи или не открыл медицинским работникам дверь в собственную квартиру. В то же время будет очень сложно доказать, что именно действия виновного повлекли вред здоровью. Ведь оно могло ухудшиться даже при оказанной помощи. Значит, в суде придется доказывать, что если бы медработники оказали помощь раньше, то негативные последствия точно не наступили бы.

При этом в открытых источниках по состоянию на 07.12.2023 не было найдено ни одного судебного акта, в котором применялся состав данного преступления, что говорит о том, что в правоприменительной практике он не является «популярным» и актуальным, что подтвердило описанную выше точку зрения.

Изменению подвергся и п. «г» ч. 2 ст. 115 УК РФ. За причинение легкого вреда здоровью медработника, который выполнял свои профессиональные обязанности, грозит до двух лет лишения свободы.

Данный состав нашел уже большее применение в судебной практике. Например, 16 февраля 2023 года в Краснодаре суд вынес приговор женщине виновной в умышленном причинении легкого вреда здоровью. Так, 23 февраля 2021 года женщина вызвала "скорую" для своего трехлетнего ребенка. Когда она садилась с ним в машину, фельдшер сделал ей замечание по поводу отсутствия медицинской маски, за что получил удар по лицу [9].

Стоит отметить, что в медицинскую организацию приходит достаточно большое количество людей с душевной и физической болью – тяжело больные, пациенты с зависимостью от психоактивных веществ, с расстройствами поведения, усиливающимися на фоне соматических заболеваний. В таком случае

врачу очень сложно выполнять свои рабочие функции, как врача, и выполнять функции психолога, пытаясь успокоить пациента.

Возникает вопрос о том, что необходимо предпринимать врачу, чтобы избежать конфликтных ситуаций. Конфликтные ситуации, как правило, возникают из-за недовольства пациента качеством, сроками оказания ему услуг, а также психологических особенностей пациента, связанными с оказанием ему медицинской помощи.

В таком случае врачу стоит провести спокойно беседу с конфликтным пациентом. При общении с конфликтным пациентом врач должен помнить, что самое главное при общении с человеком, который агрессивен настроен, - быть спокойным и рассудительным, то есть не давать эмоциям «взять верх» над ситуацией, не дать реакцию на необоснованную критику пациента.

Так, Г.Ф. Тулитбаева предлагает модель общения, следование которой поможет разрешить возникшее напряжение между пациентом и врачом. Следование этапам модели поможет снять возникшее напряжение и погасить конфликт, не допуская его эскалации. Модель погашения конфликта состоит из 3 этапов: налаживание контакта с пациентом, поиск вариантов решения проблемы пациента, окончание взаимодействия [8, С. 60].

На первом этапе врач должен дать пациенту высказаться о произошедшем. Необходимо сосредоточить внимание на сути претензии. Это поможет понять, что является первопричиной конфликтного и агрессивного поведения пациента. Возможно, это реальная проблема, которая требует решения. Как правило, реальные или предметные конфликты возникают, если не удовлетворены ожидания и требования пациента. Конечная цель для конфликтующего – получить определенный результат. Нереалистичные или беспредметные конфликты являются следствием накопившихся отрицательных и часто сдерживаемых эмоций у пациента. Цель такого пациента – это не результат, а эмоциональные реакции в ходе выяснения взаимоотношений. В силу личностных особенностей такие пациенты могут действовать по-разному.

Обращаться к пациенту необходимо на «Вы» или по имени-отчеству. Нужно соблюдать дистанцию и исключить излишнюю жестикуляцию и мимику. На данном этапе необходимо дать понять пациенту, что его выслушали и услышали. В таком случае есть несколько техник, которые помогут донести до пациента мысль о том, что его услышали и ему сочувствуют: техника выражения психологического присоединения, сопричастности, подчеркивания общности с пациентом; техника подчеркивания значимости собеседника, его мнения; техника вербализации чувств пациента; техника вербализации своих чувств и знаний; техника подачи пациенту субъективной оценки и др.

На втором этапе врачу необходимо взять на себя ответственность за решение проблемы конфликтного пациента. Возможно, также стоит уточнить, как пациент видит разрешение данной конфликтной ситуации, как видит исход конфликта пациент.

На третьем этапе происходит окончание взаимодействия врача и пациента. Как правило, в данном случае врач уже должен предложить вариант разрешения

ситуации. Это создает «иллюзию» выбора, при котором пациенту остается подтвердить решение. Кроме того, этим врач перекладывает ответственность за решение проблемы предложенным способом на пациента.

Таким образом, отношение к пациентам должно быть уважительное и доброжелательное. Если пациент ведет себя некорректно или ситуация внештатная, т.е. не просто возникает устная конфликтная обстановка, врач должен четко знать, как действовать: вызвать охрану, дежурного врача или полицию. Если ситуация конфликта зашла в «тупик», успокоить пациента не удалось, то врачу в данном случае следует постараться решить конфликт в правовом поле и объяснить пациенту, что любые действия, направленные на причинение вреда здоровью врача, влекут за собой установленную уголовным кодексом РФ ответственность, например, по ст. 115 УК РФ.

Агрессивный человек стремится причинить вред собеседнику, умышленно создать напряженную ситуацию. Такой человек открыто демонстрирует враждебное отношение. Агрессивное поведение присуще определенным типам людей. Они есть как среди пациентов, так и среди их родственников. Обычно эти люди отстаивают свои интересы и одновременно игнорируют права собеседника. Они не отвечают за последствия своих слов и действий и добиваются своих, возможно, противоправных целей любой ценой. Во многом поведение таких людей зависит от уровня эмоционального интеллекта и социального статуса. Агрессора можно распознать по специфическому стилю общения. Скорее всего, он будет пытаться манипулировать медицинскими работниками, позволит себе персональные обвинения и оскорбления в их адрес.

Как ведет себя пациент, когда назревает конфликт: движения импульсивные и резкие, на лице нервный румянец, взгляд исподлобья, острый и проницательный; повышает голос; провоцирует медработника или пытается показать, «кто здесь главный»; перебивает врача, спорит без аргументов. Иногда пациент, наоборот, говорит очень тихо, невнятно. Медработник чувствует дискомфорт от того, что не может понять посетителя. Переспрашивать пациента в таких случаях опасно. Это может спровоцировать вспышку агрессии, поскольку пациент нестабилен. Не все пациенты, которые ведут себя агрессивно, делают это намеренно. Как правило, агрессия – результат скрытой обиды, непонимания, растерянности. Обычно агрессию провоцируют сами медицинские работники.

Врач должен уметь превратить конфликт в конструктивную беседу:

1. При беседе с возбужденным пациентом нельзя делать в его присутствии какие-либо записи.

2. Необходимо соблюдать дистанцию 50–70 см – расстояние вытянутой руки. Это «безопасная зона» между персоналом и пациентом.

3. Чтобы установить контакт, необходимо задать пациенту нейтральные отвлекающие вопросы. Например, можно ли ему сейчас измерить давление, это позволит психологически отвлечься пациенту и немного «остыть».

4. Нельзя спорить с пациентом и разубеждать его. Нужно дать высказаться, проявить терпимость и понимание. Необходимо выразить сожаление по поводу

сложившейся ситуации, но без частностей. Не отделять врачу себя от медицинской организации и от коллег, даже если виноваты коллеги. Однако безоговорочно соглашаться со всеми претензиями и обидами пациента нельзя.

5. Вопросы нужно задавать в доброжелательной манере. Не стесняться переспрашивать непонятные слова. Пациент почувствует заинтересованность и поддержку, что предотвратит более серьезные недоразумения, исключит недопонимание.

6. Если недовольство пациента обоснованно, то лучше сразу согласиться с ним. Если нет, то согласиться с оговоркой сути ситуации, но не переходить на личности. Мнимое согласие и мнимое признание вины погасит конфликт.

7. Необходимо высказывать, как видите проблему вы-врач, но не забывать уточнять позицию пациента. Делать акцент на общих целях и интересах, предлагать вместе найти выход из сложной ситуации [11].

В случае, если врачу не удалось разрешить конфликтную ситуацию, но были сделаны для этого значительные попытки, пациенты и их родственники вместо проявления агрессивного поведения могут оставить обращение в виде заявления, жалобы, предложения. Виды обращений регламентированы в Федеральном законе от 02.05.2006 N 59-ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" [3]. Согласно ст. 4 указанного закона, заявление и жалоба являются видами просьбы гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или о восстановлении, или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов.

Еще одним возможным путем разрешения ситуации взаимоотношения пациента и врача с точки зрения его уголовно-правовой оценки может стать наличие аудиозаписи разговора, в которой присутствуют угрозы со стороны пациента или иные оскорбления, которые могут выступать доказательствами. Она позволит посмотреть на ситуацию объективно, со стороны, и исключить «человеческий фактор» при решении конфликта. Также ее можно использовать в суде как доказательство слов пациента и врача.

Таким образом, исходя из проанализированных положений и рекомендаций по поведению врача с пациентом, необходимо помнить, что любой конфликт можно решить. Следует соблюдать психологические техники, например, «активное слушание» и другие. Если уже сложилась такая ситуация, что пациент все-таки агрессивно настроен, диалога конструктивного не получится, врач должен «сохранять лицо», не поддаваться на агрессию, не включать реактивное мышление. Ведь даже если такой пациент напишет жалобу, можно расценивать это с точки зрения того, что он воспользовался своим правом. В отношении врача главное — это спокойное поведение и желание помочь разрешить ситуацию, погасить конфликт. На сегодняшний день, уж так сложилось, что врач — это не только про спасение жизни, но еще и про «психологию». Однако, не стоит забывать и том, что в случае возникновения конфликтных ситуаций, влекущих наступление тяжких и общественно опасных последствий с привлечением к уголовной ответственности, конфликт должен быть разрешен в правовом поле.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. 17 июня. № 25. ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря. № 256.
3. Федеральный закон "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" от 02.05.2006 N 59-ФЗ // Российская газета. 5 мая 2006. № 95.
4. Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части защиты жизни и здоровья пациентов и медицинских работников" от 26.07.2019 N 206-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 июля. № 166.
5. Федеральный закон "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части обеспечения прав граждан на медицинскую помощь" от 26.07.2019 N 229-ФЗ // Российская газета. 2019. 31 июля. № 166.
6. Бекмаганбетова Г.Г. Конфликтность как психологическая проблема // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2007. №4. С. 141-144.
7. Психология и этика делового общения: учебник и практикум для вузов / В. Н. Лавриненко. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 376 с.
8. Тулитбаева Г.Ф. Урегулирование конфликтных ситуаций (модель общения) // Врач. 2020. № 4. С. 59-61.
9. В Краснодаре супругов осудили за избивание фельдшера скорой помощи. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2023/02/16/reg-ufo/v-krasnodare-osudili-suprugov-za-izbienie-feldshera-skoroj-pomoshchi.html> (дата обращения: 27.10.2023).
10. Врачи выявили в пациентах агрессивность. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5172900?ysclid=lo4422oe76559564932> (дата обращения: 27.10.2023).
11. Медикам объяснили, как надо общаться с пациентами. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/12/21/po-shpargalke.html?ysclid=lo4rhaamsb806202720> (дата обращения: 27.10.2023).
12. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: [Электронный ресурс] https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/2d2/Proekt_izmeneniy_v_UK_i_UPK.pdf (дата обращения: 27.10.2023).
13. Психиатры объяснили, почему пациенты нападают на врачей. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2023/01/18/reg-cfo/psihiatry-obiasnili-pochemu-pacienty-napadaiut-na-vrachej.html?ysclid=lo44r4o2gj27869489> (дата обращения: 27.10.2023).
14. Пьяная россиянка попыталась проломить голову фельдшера скорой помощи о стену. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2023/01/05/pacientka/> (дата обращения: 27.10.2023).

Об авторе:

ДАВДЫДЕНКО Полина Вячеславовна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: pvdavydenko@edu.tversu.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЕ

П.В. Давыденко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Г.Н. Захаров

В статье анализируются проблемные вопросы применения искусственного интеллекта в здравоохранении и судебной медицине РФ. Уголовно-правовая проблема применения искусственного интеллекта остаётся на сегодняшний день не разработанной в российском уголовном праве, в связи с этим автором подчёркивается острая необходимость более оперативной разработки норм уголовно-правового характера, регулирующих правовые отношения в сфере медицинской деятельности. В заключительной части статьи автором предложены варианты квалификации при определении субъектного состава, причиняющего вред.

***Ключевые слова:** искусственный интеллект; цифровая медицина, уголовно-правовые риски.*

10 октября 2019 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным подписан Указ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2], в соответствии с которым была представлена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. В рамках статьи 22 «Использование технологий искусственного интеллекта в социальной сфере» предусмотрен пункт, касающийся сферы здравоохранения. При этом указанная сфера является наиболее перспективной. Размер глобального рынка ИИ в здравоохранении к 2028 году возрастёт в 28 раз с 4,9 млрд долларов до 45,2 млрд долларов.

Согласно данным Министерства здравоохранения РФ госзакупки ИИ-решений для здравоохранения за год достигли 0,5 млрд рублей в 2023 году. В то же время в течение 2023 года были сгенерированы более 1 млрд электронных медицинских документов. Количество цифровых профилей на основе данных ОМС достигло 45 млн (Рис. 1). А в январе 2024 года стало известно о запуске первого в России ИИ-сервиса, который полностью самостоятельно заполняет медицинские карты за врачей. По крайней мере, именно так позиционируют свой продукт разработчики. Платформа получила название LazyDoc [12]. В то же время Сбер совместно с «Р-Фарм» разработал уникальное AI-решение, которое позволяет значительно сократить срок создания новых перспективных биологических препаратов, а нейросетевая модель Сбера GigaChat сдала экзамен высшего медицинского учреждения по направлению подготовки «Лечебное дело», необходимый для получения квалификации «врач-лечебник» [11].

Все это позволяет сделать вывод, что технологии искусственного интеллекта вплотную подбираются к врачебным специальностям и способны в будущем, если не заменить медицинских работников, то составить им достойную конкуренцию и сотрудничество.

Рис. 1 Развитие цифровых технологий в здравоохранении

В связи с активным развитием искусственного интеллекта в сфере здравоохранения возникает целый ряд вопросов, касающихся правовой оценки действия систем и тех, кто будет нести ответственность в случае причинения вреда. Позиций в отношении этого очень много. Часть авторов предлагает рассматривать ИИ как объект авторского права таким образом, чтобы разработчик программы искусственного интеллекта не нес ответственность за причиняемый вред.

В то же время, если обратиться к уголовному праву, то не получится найти ни одной нормы об ответственности за совершение деяния посредством нейронных сетей или ИИ. При этом указанные системы функционируют в прямой зависимости от деятельности конкретного физического лица.

Обусловленность существования норм об уголовной ответственности напрямую зависит от характера и степени общественной опасности деяния. К сожалению, в сфере применения искусственного интеллекта отсутствует

объективная статистика, что связано с тем, что преступлений, совершённых посредством информационных сетей, минимальное, если не практически нулевое значение, так как ИИ только начал активно внедряться во все сферы деятельности человека. Именно поэтому необходимо, чтобы уголовное право работало на опережение, что позволит более тщательно подойти к разработке данных норм [6, С. 128].

Однако Верховный суд РФ 21.05.2024 пояснил, что заканчивает работу над поручением президента России Владимира Путина по изучению практики применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) при расследовании преступлений. Об этом сообщила председатель Верховного суда РФ Ирина Подносова на пленарном заседании Совета судей РФ.

В то же время применение искусственного интеллекта все чаще используется в криминалистическом анализе для обработки больших объемов данных, выявления закономерностей и прогнозирования событий, что открывает множество возможностей, но также вызывает этические вопросы, такие как конфиденциальность, предубеждения и справедливость [4, С. 66].

Одним из наиболее перспективных направлений применения ИИ в криминалистике является автоматизация процесса сбора и анализа улик. Например, нейросети могут использоваться для распознавания отпечатков пальцев или идентификации лиц по фотографии или видеозаписи. Также ИИ может помочь в составлении профилей подозреваемых, анализе образцов ДНК и других биологических следов, определении поддельных документов и многое другое. Искусственный интеллект имеет большой потенциал в генетическом анализе в различных областях. Некоторые приложения включают использование ИИ для анализа геномных данных, полученных в результате секвенирования ДНК, идентификации генов, связанных с заболеваниями, прогнозирования рисков наследственных заболеваний и оценки эффективности лекарств на основе генетического профиля пациента [7, С. 109].

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в судебно-медицинскую экспертизу открывает новые возможности для расследования преступлений и обеспечения общественной безопасности. Тем не менее, существуют этические проблемы, которые необходимо учитывать при разработке и внедрении ИИ в этой области.

Подотчетность и прозрачность являются ключевыми проблемами, когда речь идет об использовании ИИ в криминалистике. Необходимо решить вопрос об ответственности за действия ИИ и возможные ошибки. Чтобы обеспечить понятность и контроль, алгоритмы и модели ИИ необходимо сделать прозрачными. Необходимо разработать механизмы для обнаружения и исправления ошибок ИИ, одновременно гарантируя безопасность для общества и правоохранительных органов [3, С. 104].

Защита персональных данных имеет решающее значение при использовании ИИ в криминалистике, поскольку она предполагает доступ к значительным объемам информации, включая сведения о подозреваемых, свидетелях и жертвах. Конфиденциальность этих данных необходима для предотвращения

несанкционированного доступа или неправильного использования. Для достижения этой цели необходимо установить строгие правила и механизмы обработки и хранения данных при соблюдении существующих правовых норм, касающихся защиты персональных данных.

Таким образом, экспериментальное внедрение ИИ в криминалистику позволяет оценить его возможности, выявить слабые места и устранить их. Это может привести к повышению эффективности судебной экспертизы во всем мире. ИИ предлагает новые возможности для анализа генетической информации, повышая эффективность судебно-медицинской экспертизы. Тем не менее, при использовании ИИ необходимо учитывать этические проблемы и ограничения. В целом, интеграция искусственного интеллекта в судебную медицину является важнейшим достижением для более эффективного и точного расследования преступлений [5, С. 137].

Разработчики медицинских изделий, оснащенных технологией искусственного интеллекта, должны постоянно следить за всеми инструментами искусственного интеллекта в медицине, чтобы убедиться, что они работают должным образом и не причиняют вреда конкретному пациенту. Технологии искусственного интеллекта должны быть понятны разработчикам, медицинским работникам, пациентам и регулирующим органам в отношении использования решений, доверия к ним и исходным данным. Медицинские изделия на основе искусственного интеллекта должны быть разработаны таким образом, чтобы позволять медицинским работникам впоследствии объяснять полученные данные и интерпретировать их результаты. Профессиональная деятельность медицинских работников направлена на излечение больных, а с другой - она связана с причинением вреда здоровью пациентам в случае некачественной работы медицинского персонала, в том числе применяющего технологии искусственного интеллекта в своей деятельности.

Основой определения норм об ответственности за преступление с использованием систем ИИ выступает цель деятельности системы, так как она не может быть связана с причинением вреда. При определении необходимой нормы важны объективные признаки и перечень субъектов преступной деятельности. Деяние является преступлением при наличии причинения или угрозы причинения вреда жизни и здоровью человека.

При этом наиболее сложными являются вопросы в отношении субъектного состава совершаемых ИИ преступлений в медицинской сфере. Безусловно, в основе существования и функционирования ИИ находится разработчик указанной программы и производитель продукции, наделенный искусственным разумом. В случае причинения вреда правоприменитель может использовать нормы об ответственности за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Достаточно часто медицинские работники привлекаются к ответственности за неосторожное причинение вреда жизни или тяжкого вреда здоровью пациентов вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ [1]). Несомненно, наиболее важным

является установление прямой причинно-следственной связи между деянием медицинского работника при оказании им медицинской помощи и наступившими последствиями. Поэтому и сам медицинский работник, который является пользователем программы должен при причинении вреда жизни и здоровью пациента нести за это непосредственную ответственность, если его действия повлекли нарушение работы программы или, например, заражение ее вирусом, который изменил компьютерный алгоритм. В этом случае будет иметь место совокупность преступлений в сфере компьютерной безопасности и преступлений против личности.

Так, например, в 2020 году в Германии наступил первый в истории летальный исход, косвенной причиной которого стал взлом компьютерных программ, а пациентку, которой понадобилась срочная госпитализация, не приняли в госпиталь из-за взлома компьютерных систем и отправили в соседний город [10]. А в 2018 году исследователи информационной безопасности Билли Риос и Джонатан Баттс нашли способ взломать одну из моделей кардиостимуляторов [13].

Следовательно, необходимо будет устанавливать, какие стандарты, порядки оказания медицинской помощи, а также клинические рекомендации нарушил медицинский работник в процессе лечения с использованием технологий искусственного интеллекта. Так, если врач выбирает лечение, которое не соответствует стандартам оказания медицинской помощи, в результате которого пациент погибает, то в действиях виновного содержатся признаки состава преступления, предусмотренного частью 2 ст. 109 УК РФ.

Стоит отметить, что в России ежегодно возбуждается около 2 тыс. уголовных дел в отношении медицинских работников: по данным Следственного комитета РФ, в 2024 году поступило более 6 тыс. заявлений о преступлениях, по 2 тыс. из которых были возбуждены уголовные дела – из них 176 дел было направлено в суд с обвинительным заключением (Рис. 2).

Поступило заявлений	Возбуждены уголовные дела	Направлено в суд с обвинительным заключением	Осуждено
6 000	2 000	176	16

Рис. 2 Статистика совершаемых преступлений медицинскими работниками и назначения наказаний

Проблема также осложнена тем, что действующие стандарты оказания помощи пациентам не предусматривают использования искусственного интеллекта в целях реализации задач, возложенных на цифровое здравоохранение. Искусственный интеллект может просматривать снимки мозга людей, страдающих потерей памяти, и определять, у кого разовьется полномасштабная болезнь Альцгеймера, а у кого нет. Вероятно, что, когда эти

технологии станут более доступными, каждая из них может стать частью стандарта лечения пациентов.

Полагаем, что необходимо разработать и включить в действующие стандарты оказания помощи пациентам использование технологий искусственного интеллекта в целях реализации задач, возложенных на цифровое здравоохранение. Однако указать, что решающая роль остается за медицинским работником, а данные, полученные с помощью систем искусственного интеллекта, носят рекомендательный характер и не могут быть использованы медицинским работником как единственный объективный источник информации; непосредственное решение о постановке диагноза или выборе метода лечения, назначении лекарства остается именно за врачом.

Таким образом, современное здравоохранение стоит на пороге цифровой революции, что, помимо достижения общественно полезной цели, создаст угрозу причинения вреда общественным и личным интересам. Всё это обусловит необходимость существенного пересмотра различных отраслей законодательства, в том числе и уголовного. Существующие нормы не могут в полной мере охватить все случаи причинения вреда системами ИИ, что, в свою очередь, позволит лицам, использующим информационные системы в здравоохранении для совершения преступления, избежать ответственности. Возможным решением данной проблемы станет комплексная разработка правовых норм, которые будут затрагивать все отрасли права, где так или иначе присутствует здравоохранение и информационные технологии. Эти обновленные нормы в УК РФ, Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ, ГК РФ, Приказы Министерства здравоохранения РФ, локальные акты медицинских организаций, должностные инструкции должны предусмотреть всю перспективу и новую траекторию, по которой должна организовываться система здравоохранения в Российской Федерации в ближайшие годы, а также конкретные меры ответственности и условия наступления такой ответственности в случае совершения преступлений при помощи цифровых технологий и искусственного интеллекта. В частности, необходимо определить субъекта ответственности при совершении преступлений с искусственным интеллектом, а также выделить в УК РФ отдельный состав.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. 1996. 17 июня. ст. 2954.
2. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. N 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. №41. 2019. 14 октября. ст. 5700.
3. Поляков В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике // Юрислингвистика. 2022. С .103-105.
4. Шутова А.А. Особенности квалификации преступлений, совершаемых лицами, использующими технологии искусственного интеллекта в здравоохранении // журнал "Lex Russica". № 12. декабрь 2023 г. С. 65-70.

5. Шутова А.А., Бегишев И.Р. Этические принципы создания и применения технологии искусственного интеллекта в здравоохранении // журнал "Правоприменение". N 1. январь-март 2024 г. С. 135-140.

6. Черных Е.Е. Искусственный интеллект в здравоохранении России: современное состояние и уголовно-правовые риски // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 127–131.

7. Яковец Е. Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М.: Издат. дом И. И. Шумиловой, 2020. 219 с.

8. ВС заканчивает анализ практики применения ИИ при расследовании преступлений. [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240521/309905206.html (дата обращения: 22.05.2024).

9. Искусственный интеллект в медицине России [Электронный ресурс]. URL: https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%B2_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%B5_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 22.05.2024).

10. Не успели спасти: пациентка умерла из-за хакерской атаки. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/09/18/13255255/ransomware_death.shtml (дата обращения: 22.05.2024).

11. Сбер: GigaChat. [Электронный ресурс]. URL: https://zdrav.expert/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82:%D0%A1%D0%B1%D0%B5%D1%80:_GigaChat#.2A_.D0.9F.D1.80.D0.BE.D1.85.D0.BE.D0.B6.D0.B4.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D0.B5_.D1.8D.D0.BA.D0.B7.D0.B0.D0.BC.D0.B5.D0.BD.D0.B0_.D0.BF.D0.BE_.D0.BD.D0.B0.D0.BF.D1.80.D0.B0.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8E_.D0.BF.D0.BE.D0.B4.D0.B3.D0.BE.D1.82.D0.BE.D0.B2.D0.BA.D0.B8_.C2.AB.D0.9B.D0.B5.D1.87.D0.B5.D0.B1.D0.BD.D0.BE.D0.B5_.D0.B4.D0.B5.D0.BB.D0.BE.C2.BB (дата обращения: 22.05.2024).

12. Сбер и «Р-Фарм» разработали AI-решение для повышения скорости разработки лекарственных препаратов. [Электронный ресурс]. URL: <https://sberlabs.com/news?news=1347> (дата обращения: 22.05.2024).

13. Хакеры нашли способ остановить сердце через кардиостимулятор. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180810/1526331570.html> (дата обращения: 22.05.2024).

Об авторе:

ДАВЫДЕНКО Полина Вячеславовна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: pvdavydenko@edu.tversu.ru

ПСИХОЛОЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

П.П. Дроздов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ф.н., доцент А.В. Афтахова

В статье анализируются проблемные вопросы психологических аспектов и факторов, которые могут повлиять на повторное совершение преступлений с административной преюдицией. Предложен подход аналитики психологических и социальных особенностей личности с целью предотвращения совершения вновь административного правонарушения, подлежащего в силу признака повторности уголовно-правовой оценке, как преступление с административной преюдицией.

Ключевые слова: административная преюдиция; психология; нравственные аспекты, повторное совершение преступления, личность преступника.

Важным аспектом криминализации совершения повторных административно наказуемых деяний является психология преступника, побудившая его повторно совершить правонарушение, за которое он уже был привлечен к административной ответственности.

Следует помнить, что с точки зрения философии права результат от применения наказания должен, во-первых, служить осознанию справедливости понесенного наказания; во-вторых, способствовать изменению противоправного поведения виновного лица; в-третьих, являться предупреждением для других граждан; в-четвертых, содействовать воздержанию от противоправных действий в будущем, то есть выполнять превентивную функцию.

Повторность совершения деяния, за которое на лицо было возложено взыскание, делает очевидным для него факт общественного неприятия и наказуемости его поведения. При повторном аналогичном нарушении общественные отношения страдают в той же мере, что и при первичном, однако субъективная оценка виновным собственного поведения характеризуется осознанным, циничным и пренебрежительным отношением к правилам, установленным в обществе, дерзости и озлобленности. Такое отношение к совершаемому деянию, подтверждаемое формальным статусом подвергнутости административному наказанию, требует, очевидно, более суровой кары, однако нельзя утверждать, что вследствие этого общественно вредные деяния станут общественно опасными [3, С. 281].

Уголовное наказание в этом случае играет субсидиарную роль, когда административное взыскание не возымело действия на последующее за нарушением поведение виновного лица.

В.В. Устименко отмечает, что отрицательные социально-психологические свойства личности преступника являются признаком специального субъекта преступления с административной преюдицией [10, С. 111]. Б.В. Волженкин в своих трудах указывал, что повторность совершения деяния и предварительное

применение мер административного или общественного воздействия – обстоятельства, характеризующие повышенную опасность личности [2, С. 94].

Следовательно, первопричиной совершения гражданином преступления является непосредственно его личность в психологических, социальных и биологических характеристиках.

А.Н. Дерюга и Н.Н. Дерюга в работе, посвященной поиску механизмов, влияющих на снижение количества совершаемых преступлений, отмечают, что для понимания природы совершения административных правонарушений, а значит, и способов противодействия им требуются знания психологии и социологии [5, С. 5]. Применение уголовно-правовых норм всегда сугубо индивидуально, обращено к конкретному человеку, и в условиях современного общества их применение должно быть не только законным, но и нравственно оправданным, так как их конечная цель - способствовать тому, чтобы даже человек, ставший на путь совершения преступлений, вновь оказался полезным членом общества.

Личность преступника включает в себя достаточно значительный набор характеризующих признаков. Так, в качестве обособленных классификационных групп таких признаков выделяются: 1) социологические: пол, возраст, род занятий, семейное положение, количество находящихся на иждивении лиц и др.; 2) юридические: вид совершенного преступления, наличие судимости, характер и размер причиненного преступлением вреда, форма вины при совершении преступления и др.; 3) медико-биологические: общее состояние здоровья, наличие патологий, временных и хронических заболеваний; 4) нравственно-психологические (характеризуют особенности формирования решения о совершении преступления), и другие [4, С. 87].

Примечательно, что криминализация деяний с "однократной" административной преюдицией (ст. 151.1, 171.1, 264.1 УК РФ) обосновывалась важностью (значимостью) охраняемого объекта или существенностью угрозы, значительным ростом количества правонарушений в рассматриваемой сфере и неэффективностью существующих мер административной ответственности.

Например, согласно данным с портала государственной статистики число осужденных за преступления за 2022 год по ст. 264.1 УК РФ - управление ТС в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, составило 55 602 человек, за аналогичный период 2021 года - 56 774 человек [13].

Казалось бы, наблюдается положительная динамика, но эти данные составляют 9,6% от всех осужденных по всем преступлениям УК РФ за 2022 год. Учитывая, что это только лишь одна статья Кодекса, показатели говорят о том, что преступники, уже привлеченные к административной ответственности за аналогичное деяние, все равно продолжают управлять транспортным средством в состоянии опьянения, создавая угрозу жизни и безопасности другим участникам движения. В этой связи с целью понимания мотивов совершения преступления необходимо обратиться к личности виновного.

Так, например, приговором Щербинского районного суда города Москвы по делу №1-275/2017 [15] гражданин С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, в соответствии с которым он, находясь в состоянии опьянения, управляя автомобилем, совершил нарушение ПДД, повлекшее по неосторожности смерть человека, будучи ранее уже подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Суд, оценивая обстоятельства дела, учитывал влияние назначаемого наказания на исправление подсудимого и на условия его жизни (отсутствие влияния ввиду повторного совершения преступления), отсутствие постоянного и легального источника доходов, воспитание в несовершеннолетнем возрасте опекуном ввиду смерти матери и лишения отца родительских прав, нахождение на диспансерном наблюдении в наркологическом диспансере с диагнозом: психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя, синдром зависимости от алкоголя 2 степени.

Таким образом, можно сделать вывод, что в отношении данного преступника существовал целый комплекс психологических данных, характеризующих его личность и способствующих совершению преступления. В частности, это могут быть психологические критерии формулы неменяемости, складывающиеся из недостатков воспитания и быта, конфликтных отношений, отсутствия постоянного источника доходов, наличие психических расстройств личности в связи с зависимостью от алкоголя.

Именно поэтому недооценивание и абсолютизация нравственных оснований уголовного наказания опасны для правопонимания [9, С. 170]. Ведь в случае, если после того, как преступник был впервые подвергнут административному наказанию, была бы проведена работа по устранению причин совершения данного правонарушения, то оно, возможно, и не было бы совершено повторно.

Для того, чтобы комплексно подойти к проблеме, необходимо разобраться в причинах почему автомобилисты вновь управляют транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Так, в 2022 году Научный центр безопасности дорожного движения МВД России составил социальный портрет данных водителей. Виновниками «пьяных» аварий чаще всего становились мужчины в возрасте от 30 до 39 лет со средним или средним специальным образованием, нетрудоустроенные. Причем автомобилисты с ученой степенью в 2021 году не совершили ни одного ДТП в нетрезвом состоянии.

Чаще всего нетрезвые виновники аварий ранее уже привлекались к административной ответственности за нарушение ПДД. Среди всех ДТП с участием водителей, ранее лишенных права управления ТС, более 40% из них имели признаки опьянения, а среди ранее привлекавшихся к уголовной ответственности факты управления транспортным средством в состоянии опьянения устанавливались в 43,8% случаев [12]. Более того, почти 40% опрошенных водителей признались в употреблении алкоголя за рулем [14].

За 6 месяцев 2023 года почти каждое десятое ДТП (8,9%) произошло с участием водителей в состоянии либо с признаками опьянения. При этом погибшие в данных происшествиях составляют шестую часть (16,4%) от общего числа погибших на дорогах страны. Всего произошло 5 022 (19,9%) ДТП, в которых погибли 967 (36,5%) человек и 6 811 (17,3%) получили ранения различной степени тяжести. Показатель тяжести последствий достаточно высокий (12,4) [6, С. 24].

Исходя из проанализированных данных Научного центра безопасности дорожного движения МВД России, можно отметить, что водители, которые совершают управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, полностью не осознают всю ответственность не только за свою жизнь, а самое главное, ответственность за жизни других лиц, например, пассажиров и пешеходов, других невиновных водителей.

Так, 14 января 2023 г. в 06:50 на 233 км ФАД Р-255 «Сибирь» в условиях снегопада, водитель 1969 г.р., ранее привлекавшийся к уголовной ответственности, находясь в состоянии алкогольного опьянения, управляя автомобилем ЗАЗ ШАНС, при совершении обгона на мосту автомобилями HYUNDAI и SUBARU, не справился с управлением, произвел наезд на барьерное ограждение моста, после чего совершил столкновение с автобусом НЕФАЗ 5299, двигавшимся во встречном направлении (осуществлял регулярную межмуниципальную пассажирскую перевозку). От удара автобус развернуло, и он совершил столкновение с автомобилями HYUNDAI и SUBARU. В результате ДТП от полученных травм на месте ДТП скончались водитель и 4 пассажира ЗАЗ ШАНС. Кроме того, ранения получил водитель автомобиля HYUNDAI, также с травмами за медицинской помощью обращался пассажир SUBARU. [6]

Исходя из приведенного примера, назначение административного наказания лишь вновь побудит преступника в третий раз совершить административное правонарушение, а уголовная ответственность позволяет минимизировать эти риски, поскольку более целенаправленно повлияет на осознание личностью неправомерности своих поступков. Но и это тоже не всегда является действующим решением.

Например, из содержания приговора мирового судьи судебного участка №1 Центрального судебного района г. Кемерово от 17 марта 2017 года [16] можно сделать вывод, что Р. на момент вынесения судебного акта уже был признан виновным семь раз в совершении преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, так как, являясь подвергнутым административному наказанию за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, управлял автомобилем, находясь в состоянии опьянения. После этого Р. совершил еще шесть разновременных аналогичных эпизодов в период, когда он являлся лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение вышеописанного административного правонарушения. То есть даже назначение уголовного наказания не способствует исправлению подсудимых. Полагаем, что

лишь только лишение свободы позволит в полной мере обеспечить безопасность общества.

Изоляция водителя – это единственный верный способ на сегодняшний день, как исправления осужденного, так и предотвращения совершения им общественно опасных деяний, угрожающих жизни и здоровью других граждан. Данная позиция подкрепляется тем, что вождение в состоянии алкогольного опьянения, как правило, приводит к причинению смерти по неосторожности других участников дорожного движения. Предполагается, что административная преюдиция в данном случае будет презюмироваться, то есть вне зависимости от количества времени, прошедшего с момента первого привлечения к административной ответственности, второе и все последующие деяния будут квалифицироваться по нормам УК РФ. Это исключит риск того, что уже будучи лишенным права управления ТС или привлеченным к административной ответственности за управление ТС в состоянии алкогольного опьянения, водитель вновь совершит это преступление.

В то же время дискуссионным вопросом остается назначение наказания за повторное совершение правонарушения. Возникает дилемма – следует ли изменить законодательство и назначать в таком случае административное наказание вновь, что будет более гуманным, либо продолжать следовать существующей букве закона и привлекать преступника к уголовной ответственности. С одной стороны, подход, которым руководствуются УК РФ, и судебная практика является разумным, ведь если преступник уже совершил правонарушение, которое никак не повлияло на его восприятие ситуации, не выполнило главной пресекающей функции, то следует назначать уголовное наказание, как более жесткое, дабы изолировать субъекта от общества с целью дальнейшего перевоспитания. Но, с другой стороны, такая позиция совершенно не учитывает психологические факторы, способствующие совершению преступления. Возможно, при назначении наказания следует проработать причину, послужившую поводом для противоправного деяния, проанализировать психологические особенности, влияющие на личность деструктивные факторы.

В таком случае все также остается не решенной проблема по работе с причинами и психологическими особенностями личности преступника. Именно поэтому проблемные вопросы понимания содержания административной преюдиции обуславливают необходимость дальнейшего изучения этого института не только с точки зрения развития уголовного законодательства путем совершенствования юридической техники, но и с позиций философского осмысления сущности, смысловой и ценностной составляющей данного явления: как одно из средств борьбы с преступностью уголовное право должно соответствовать укладу жизни людей, общественным отношениям, идеологии и социальной структуре общества, его этическим и правовым взглядам, складывающимся на этой основе.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 N 3-П "По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан" // «Российская газета». 2003. №61.
2. Волженкин Б.В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 90-98.
3. Горбачева Т.И. Понятие административной преюдиции в современном уголовном праве // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы. 2021. №1. С. 279-289.
4. Грачева М.Л., Мальцев С.А., Дрозд Е.Д. Классификация и типология личности преступника в криминологии // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 87 - 88.
5. Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Нормы КоАП РФ в синтезе права, социологии и психологии // Административное право и процесс. 2022. N 6. С. 4-9.
6. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2023 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2023. 150 с.
7. Максименко М.В., Крыжевская Н.Н. Административная преюдиция: философское осмысление института // Философия права. 2019. №3 (90). С. 168-173.
8. Максименко М. В. Этические начала в науке уголовного права // Юридическая наука в XXI веке: сборник научных статей по итогам работы пятого Международного круглого стола. Шахты, 2018. С. 168-173.
9. Плохова В.И. Роль криминологических исследований в совершенствовании уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 362-364.
10. Устименко В.В. Административная преюдиция и состав преступления // Проблемы социалистической законности. Республиканский межведомственный тематический научный сборник. 1988. Вып. 21. С. 109-111.
11. Шаклеин С.Н. Влияние психологических и социологических аспектов на применение административных наказаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. №4 (62). С. 75 – 83.
12. В МВД составили социальный портрет пьяного водителя. [Электронный ресурс] URL: <https://www.autonews.ru/news/62823b919a7947073886c5ff?ysclid=lo1xtbph73378554948> (дата обращения: 12.10.2023).
13. Портал Судебной статистики РФ. [Электронный ресурс] URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 12.10.2023).
14. Почти 40% опрошенных водителей признались в употреблении алкоголя за рулем. [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/auto/2021/11/15_a_14205505.shtml?ysclid=lo1xztr8m1295827853 (дата обращения: 12.10.2023).
15. Приговор Щербинского районного суда города Москвы от 21.12.2017 по делу №1-275/2017 // Официальный портал судов общей юрисдикции гор. Москвы. [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/shcherbinskij/services/cases/criminal/details/db6d329e-16a7-4d00-ae32-e0a41d0a084c?caseNumber=1-275/2017> (дата обращения: 12.10.2023).
16. Приговор Судебного участка № 1 Центрального судебного района города Кемерово от 17 марта 2017 года по делу № 1-11/2017 [Электронный ресурс] // Судебный участок № 1 Центрального судебного района города Кемерово: офиц. сайт. URL: http://0641.kmr.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=cs&case_id=14282348&delo_id=1540006 (дата обращения: 12.10.2023).

Об авторе:

ДРОЗДОВ Павел Павлович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ppdrozdov@edu.tversu.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ СТ. 274.2 УК РФ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ

П.П. Дроздов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Г.Н. Захаров

В статье анализируются проблемные вопросы состава преступления, предусмотренного ст. 274.2 УК РФ. Раскрыто содержание состава данного преступления. Приведена статистика по количеству совершенных преступлений в 2023 г., однако поскольку данный состав преступления появился в 2022 г. говорить об эффективности его применения преждевременно. В то же время данный состав требует внесения изменений, по исключению из конструкции обязательного элемента в виде административной преюдиции.

Ключевые слова: административная преюдиция; повторное совершение преступления, информационные угрозы.

Ст. 274.2 УК РФ [1] предусматривает ответственность за нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования. Данное преступление при этом относится как к категории преступлений с административной преюдицией, так и преступлений в сфере компьютерной информации.

Данная статья была введена Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" [3]. При этом первопричиной ее появления стало проведение специальной военной операции, которая потребовала большего внимания к охране сетей связи от угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования. Однако стоит отметить, что при изучении самого законопроекта невозможно понять документальное обоснование в виде приложенного к тексту законопроекту сопроводительного документа, поскольку в первоначальной редакции выделение статьи 274.2 УК РФ не планировалось [9, С. 92]. Данные изменения начали обсуждаться только во втором чтении законопроекта в Государственной думе РФ. Однако стоит отметить, что причины, ставшие поводом для внесения соответствующих изменений, являются достаточно очевидными, ведь обеспечение информационной безопасности государства в значительной степени зависит от деятельности операторов связи, которые в случае несоблюдения стандартов информационной защиты, заключающихся в том числе в части установки и эксплуатации технических средств противодействия информационным угрозам, объективно представляет опасность общественной безопасности.

Согласно статистике Минкомсвязи РФ [11] на сегодняшний день в России действует почти 4 тысячи операторов связи, однако за последние годы число операторов связи в России сократилось на 5%. Все они, образуя единую сеть, участвуют в обеспечении целостности, и безопасности информационной инфраструктуры страны. В то же согласно данным Минцифры РФ, ежедневно фиксируется около 170 целевых атак на российские ресурсы [12]. За 2023 г. в сети было взломано и похищено более 445 млн строк конфиденциальных данных. Число событий информационной безопасности (ИБ) в III квартале 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. выросло на 85%, количество критичных инцидентов – в полтора раза (Рис. 1).

Рис. 1. Статистика информационных угроз в Российской Федерации

Именно из-за прямой связи с деятельностью операторов связи в Российской Федерации ст. 274.2 УК РФ имеет бланкетную диспозицию, отсылающую к п. 5 1 ст. 46, п. 3 ст. 65 1 Федерального закона от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ "О связи" [4] и постановлению Правительства РФ от 12 февраля 2020 г. N 126 "Об установке, эксплуатации и о модернизации в сети связи оператора связи технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования" [5].

Субъект преступления специальный - лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее функции в коммерческой или иной организации, а равно индивидуальный предприниматель, подвергнутые административному наказанию за соответствующие деяния, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации [7, С. 103]. В примечании к статье 274.2 УК РФ уточняется, что должностное лицо – «лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации». В то же время субъективная сторона преступления характеризуется всегда умышленной формой вины. Это означает, что данное преступление не может быть признано совершенным по неосторожности. Согласно ч.2 ст. 25 УК РФ Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления. В то же время возможен и косвенный умысел, когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично [8, С. 105].

В статье 274.2 УК РФ получили свое определение два самостоятельных преступных деяния. В части первой статьи 274.2 УК РФ установлена ответственность за нарушение порядка установки, эксплуатации и модернизации в сети связи технических средств противодействия угрозам устойчивости функционирования сети "Интернет" и сети связи общего пользования либо несоблюдение технических условий их установки или требований при использовании [10, С. 58]. Объективная сторона такого преступления может выражаться:

- в целенаправленном воспрепятствовании дистанционному управлению радиочастотной службой техническими средствами противодействия угрозам;
- в нарушении требований, содержащихся в эксплуатационной документации;
- в отключении технических средств противодействия угрозам от электропитания;

- в блокировании доступа к соответствующему оборудованию представителям радиочастотной службы и т.д.

В части второй статьи 274.2 УК РФ объективная сторона заключается в нарушении требований к пропуску трафика через технические средства противодействия угрозам. Соответствующие требования определены приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 26 января 2022 года N 44 "Об утверждении Требований к порядку пропуска трафика в сетях передачи данных". В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2020 года N 127 "Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования" [6] оператор связи имеет право не направлять трафик через технические средства противодействия угрозам в следующих случаях:

- нарушение функционирования технического средства противодействия угрозам, при котором прекращается пропуск трафика через техническое средство, при условии соблюдения требований к эксплуатации технических средств противодействия угрозам;

- нарушение функционирования технического средства противодействия угрозам, при котором параметры пропуска трафика не соответствуют параметрам, указанным в проектной документации на установку и функционирование технических средств противодействия угрозам, при условии соблюдения требований к эксплуатации технических средств противодействия угрозам;

- выявление информации или информационных ресурсов, доступ к которым не подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации, но доступ, к которым ограничивается.

Таким образом, можно прийти к выводу, что направление трафика помимо технических средств противодействия угрозам в иных случаях, не предусмотренных Постановлением N 127, может быть квалифицировано как нарушение требований к пропуску трафика по смыслу части 2 статьи 274.2 УК РФ.

Стоит отметить важный момент, что оба состава преступления сконструированы с использованием института административной преюдиции, то есть для привлечения виновного лица к уголовной ответственности необходимо повторное нарушение правил в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за ранее совершенное аналогичное деяние (часть 2 статьи 13.42 и часть 2 статьи 13.42.1 КоАП РФ [2]).

На сегодняшний день ни одного преступления по данной статье не зарегистрировано, поэтому сложно говорить об эффективности новеллы. (Рис. 2)

Год	Статья	Осужден о	Оправ дано	Лишени е свободы	Усл. лишение свободы	Ограничени е свободы	Штраф	Исправительн ые работы	Обязательн ые работы	Принудительн ые меры к невменяемым
2023	Статья 274.2 часть 1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2023	Статья 274.2 часть 2	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Рис. 2. Статистика совершения преступлений, квалифицированных по ст. 274.2 УК РФ и наказаний по ним

И все же, установление уголовной ответственности за административную преюдицию, которая имеет место в рассматриваемой статье, видится не совсем правильным, именно поэтому формулирование диспозиций встретило критику еще на этапе обсуждения законопроекта в Государственной Думе. Можно сказать, что ежегодно совершается большое количество латентных преступлений, которые за счет слишком короткого срока административной преюдиции остаются безнаказанными. Более того, лицо, которое умышленно пренебрегает нормами действующего законодательства с большой долей вероятности совершит повторно аналогичное деяние, но в период двух-трех лет после совершения первого, за которое оно было привлечено к административной ответственности. Именно поэтому использование административной преюдиции для криминализации деяний приводит к тому, что в качестве единичного преступления объявляются несколько административных правонарушений, даже не имеющих между собой внутренней связи.

Таким образом, следует исключить из текста статьи 274.2 УК РФ требование о первичном привлечении лица к административной ответственности, а именно весь признак административной преюдиции и криминализировать совершение данного преступления впервые.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. 1996. 17 июня. ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Российская газета. № 256. 2001. 31 декабря.
3. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Российская газета. № 154-155. 2022. 19 июля.
4. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ "О связи" // Российская газета. № 135. 2003. 10 июля.
5. Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2020 г. N 126 "Об установке, эксплуатации и о модернизации в сети связи оператора связи технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и сети связи общего пользования" // Собрание законодательства Российской Федерации. №8. 2020. 24 февраля. ст. 1001.

6. Постановление Правительства РФ от 12 февраля 2020 г. N 127 "Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования" // Собрание законодательства Российской Федерации. №8. 2020. 24 февраля. ст. 1002
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный; издание одиннадцатое, перераб. и доп.) (коллектив авторов; под ред. докт. юрид. наук Г.А. Есакова). - М.: "Проспект", 2023. - 896 с.
8. Прокофьева А.В., Дубин А.С., Алякин С.С. Уголовно-правовой анализ статьи 274.2 УК РФ и перспективы ее применения в контексте информационных угроз // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. CLVII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 2(156). С. 105-108.
9. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе (С.В. Шевелева, журнал "Журнал российского права", N 3, март 2024 г.) С. 89-93.
10. Уголовно-правовые риски в деятельности, связанной с аутсорсингом ИТ-инфраструктуры предприятия (Е.А. Рускевич, журнал "Имущественные отношения в Российской Федерации", N 5, май 2023 г.). С. 56-65.
11. В России сократилось число операторов связи. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/01/2022/61f198fb9a79472e9228e297 (дата обращения: 22.05.2024).
12. Информационная безопасность: турбулентный 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iksmedia.ru/articles/5966113-Informacionnaya-bezopasnost-turbule.html> (дата обращения: 22.05.2024).

Об авторе:

ДРОЗДОВ Павел Павлович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ppdrozdov@edu.tversu.ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ПЕРИОД ВЫДВИЖЕНИЯ И РЕГИСТРАЦИИ КАНДИДАТОВ

А.О. Клименцова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н, профессор Туманова Лидия Владимировна

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены судебной защите избирательных прав в период выдвижения и регистрации кандидатов. В статье отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: судебная защита, избирательное право, выборы, ЦИК РФ.

Избирательный процесс в Российской Федерации включает в себя установленную законом совокупность стадий, состоящих из конкретных избирательных процедур и избирательных действий.

Стадии избирательного процесса — это этапы организации и проведения выборов, в рамках которых совершаются предусмотренные законами избирательные действия, а также избирательные процедуры, обеспечивающие реализацию избирательных прав граждан РФ и иных участников выборов, целостность и легитимность избирательного процесса при формировании представительного органа, избирании выборного должного лица. Только совокупность юридически необходимых и достаточных процедур и действий, стадий, как элементов избирательного процесса, может обеспечить конституционно-правовую легитимность выборов.

Начальной стадией избирательного процесса является назначение выборов. Выборы назначает уполномоченный на то орган путем установления дня голосования. Решение о назначении выборов подлежит официальному опубликованию в СМИ. Далее происходит порядок выдвижения и регистрации кандидатов, что является важной частью избирательного процесса, так как именно на этой стадии определяются силы кандидатов, предварительный исход результатов выборов.

В период выдвижения и регистрации кандидатов на выборах важно обеспечить судебную защиту избирательных прав. Это связано с тем, что от правильной регистрации кандидатов зависит корректность и законность выборов. Практика проведения выборов имеет немало случаев нарушения пассивного избирательного права. ЦИК РФ, а также судебные органы являются субъектами защиты пассивного избирательного права кандидатов на стадии выдвижения и регистрации [1].

Реализация пассивного избирательного права имеет более существенные ограничения наряду с реализацией активного избирательного права, поэтому важнейшим признаком демократизма в избирательном процессе является законный порядок выдвижения и регистрации кандидатов.

Выдвижение кандидатов может быть непосредственным (самовыдвижение/выдвижение избирательным объединением) либо в составе списков кандидатов (выдвижение политической партией).

После выдвижения кандидатов начинается процесс регистрации, для осуществления которого необходимо собрать определенное количество подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата (списка кандидатов) (за исключением случаев, установленных Федеральным законом № 67-ФЗ, в том числе и преодоление заградительного барьера на предыдущих выборах) [2].

Завершающим на данном этапе является представление кандидатом в ЦИК РФ всех необходимых документов по итогам, рассмотрения которых, ЦИК РФ в 10-дневный срок принимает решение о регистрации или об отказе в регистрации кандидата на должность Президента Российской Федерации.

Приведем пример, 15-17 марта 2024 г. состоятся выборы президента Российской Федерации. Четирем кандидатам на выборы Президента РФ Центризбирком отказал в регистрации. Основания для отказа в регистрации — недостаточное количество подписей или выявление более 5% недостоверных подписей. Так, Сергей Малинкович предоставил 104 тыс. подписей, после проверки 60 тыс. выявили 8,9 тыс. недостоверных (14,9%). Достоверными признаны 96 тыс. подписей. Основание для отказа: более 5% недостоверных и недействительных подписей. Борис Надеждин предоставил 104 тыс. подписей, после проверки 60 тыс. выявили 9,1 тыс. недействительных (15,2%). Достоверными признаны 95,5 тыс. подписей. Основание для отказа: более 5% недостоверных и недействительных подписей. Анатолий Баташев предоставил 313 из 300 тыс. необходимых самовыдвиженцу подписей. Основание для отказа: недостаточное количество подписей, непредставление других необходимых документов. Рада Русских предоставила 476 из 300 тыс. подписей. Основание для отказа то же, что и у Анатолия Баташева.

Исходя из анализа процедуры выдвижения и регистрации кандидата, можно сделать вывод, что иногда нарушения прав кандидата и вовсе не происходит на этой стадии, а отказ в регистрации связан с невыполнением кандидатом определенных законодательством требований.

На практике значительное количество дел в сфере защиты избирательных прав рассматривается судами в связи с обжалованием отказов со стороны избирательных комиссий в регистрации кандидатов или списков кандидатов.

В Российской Федерации сформирована достаточно обширная система федерального законодательства, посвященная, в частности, вопросам защиты всей системы избирательных прав, которые закреплены Конституцией РФ, в том числе и пассивного избирательного права.

Хотя общая структура избирательного законодательства сформирована, процесс её совершенствования все еще активно идет, это обусловлено, в том числе и выявлением случаев систематического нарушения избирательных прав. Основная проблема состоит в том, что подавляющее количество изменений направлено на изменение процедуры выборов, в то время как вопрос о защите

избирательных прав любым из законных способов остается практически на том же уровне развития.

Существенно сдерживают повышение эффективности судебной защиты права быть избранным такие общие факторы, как наличие противоречивой терминологии, несовершенство реализации закрепленных в законе принципов избирательного права, не полное соответствие принятых на уровне субъектов Федерации актов в сфере избирательного законодательства уровню федерального законодательства. Стоит отметить, что в связи с принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [3] (далее - КАС РФ) актуальность рассмотрения ряда отдельных категорий дел, по сравнению существовавшим до этого гражданским процессуальным законодательством, стремительно повысилась.

Еще Н.М. Коркунов писал: «...особенности административного иска, направленного на разрешение споров о публично-правовых отношениях, делают необходимым особое устройство судов, призванных рассматривать эти иски, и особую организацию самого судопроизводства». «Дела о защите избирательных прав и прав на участие в референдуме не являются новой категорией дел, ранее такие дела рассматривались в порядке гражданского судопроизводства и относились к производству по делам из публичных правоотношений» [4].

Особая значимость судебной защиты права быть избранным может быть подтверждена и тем обстоятельством, что гарантия защиты избирательных прав - вполне может рассматриваться как одна из стадий избирательного процесса. В конституционном праве выделены несколько видов ответственности за нарушение избирательных прав, в числе которых административная, уголовная, конституционно-правовая. При этом способы защиты права быть избранным определяются в административном и судебном порядке. Вне всяких сомнений, наиболее действенной остается именно судебная защита избирательного права, так как этот вид защиты позволяет достигнуть конкретно-определенного результата, даже при отсутствии добровольного исполнения законного и обоснованного решения суда, так как в установленном порядке может быть реализовано исполнительное производство, что позволит обеспечить принудительное исполнение того или иного решения [5].

Нельзя не отметить позицию Е.В. Лариной, которая считает, что «судебная защита, вместе с административно-правовой защитой, международной правовой защитой является составным элементом конституционного механизма гарантирования» [6].

На данном этапе вопросам судебного разбирательства отдельно посвящена Глава 24 КАС РФ. В ней раскрыт ряд основополагающих вопросов разбирательства по делам о защите избирательных прав граждан, в том числе, и права быть избранным. В частности, речь идет о раскрытии таких наиболее важных вопросов судебного разбирательства, как порядок обращения в суд, сроки подачи исковых заявлений и сроки их рассмотрения, порядок прекращения производства, рассмотрения дел и др.

Необходимо остановиться подробнее на некоторых из них. Одним из показательных фактов, позволяющих судить о высокой эффективности восстановления нарушенных избирательных прав, следует назвать своевременность защиты права быть избранным, что предполагает рассмотрение и разрешение дела судом в разумные сроки. Но и этот критерий в российском законодательстве определен довольно размыто в ряде кодифицированных актов.

При отсутствии понимания данной категории, очевидно, что довольно проблематично обеспечивать на высшем уровне быстрое рассмотрение и разрешение конкретных дел, исключив затягивание судебных процессов. Процессуальные сроки, связанные с рассмотрением и обжалованием заявлений о защите избирательных прав, характеризуются определенной дифференциацией. К примеру, общие требования к вступлению решения суда в законную силу установлены в ст. 186 КАС РФ и определяются истечением срока, установленного настоящим Кодексом для апелляционного обжалования.

Однако, по некоторым категориям административных дел, предусмотрен иной порядок их исполнения. Связанно это в первую очередь с тем, что судебным решением затрагивается та сфера общественных отношений, восстановление нарушенного права, по которому не требует отлагательства. Примером решения суда такого порядка может являться требование административного ответчика о включении гражданина в список избирателей. Решение суда может быть обращено к немедленному исполнению, если административный истец выразит такое ходатайство, но в данном случае, суд будет должен обосновать принятое решение достаточными данными о наличии специальных обстоятельств.

Показательным в данном случае можно признать Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 31.08.2016 № 30-АПГ16-2 [7], в соответствии с которым, исходя из характера спора, наличия в производстве Центральной избирательной комиссии РФ заявления заинтересованного лица на постановление Избирательного комитета Карачаево-Черкесской Республики об отказе в регистрации кандидата, Верховный Суд данного субъекта Федерации посчитал, что решение по делу должно быть немедленно обращено к исполнению.

Исходя из этих правил можно прийти к выводу, что сроки рассмотрения дел о защите права быть избранным должны рассматриваться как отрезок времени, исчисляемый днями, второй случай — это порядок, предполагающий немедленное рассмотрение. Значимость классификации важна, так как сроки рассмотрения меняются исходя из этапа избирательной кампании, о котором идет речь. Очевидно, что чем быстрее будет разрешено дело и принято судебное решение по нему, тем качественнее и эффективнее будет сама защита нарушенного права. Следует упомянуть о важности обеспечения гражданам защиты нарушенных или оспариваемых избирательных прав, а также, в связи с этим, об особом порядке исчисления сроков. Этот особый порядок предусмотрен главой 8 КАС РФ, и применяется в том случае, если речь идет о выходных днях.

Так как в России введен единый день голосования для выборов всевозможных уровней, это привело к проведению выборов чаще всего в воскресный день.

Поэтому, в том случае, «если дата, до которой судом может быть принято решение по административным исковым заявлениям, приходится непосредственно на выходной день, нерабочий праздничный день, суд обязан обеспечить рассмотрение дела, в том числе, в выходной или нерабочий день, но только, если последний день срока рассмотрения приходится на выходной, нерабочий праздничный день, а также, если до данного дня дело еще не было рассмотрено или оно не могло быть рассмотрено».

Один из проблемных моментов главы 24 КАС РФ видится в том, что допускается возможность обращения в суд субъекта избирательных правоотношений лишь, когда имеет место нарушение субъективных прав.

Существует пример из судебной практики по защите пассивного избирательного права по итогам выборов.

Так, Кировским районным судом г. Санкт-Петербурга было отказано в удовлетворении административных исковых требований. С. являлся кандидатом на выборах в МС ВМО СПб МО Нарвский округ 6 созыва по многомандатному избирательному округу № 2. С. оспаривая результаты проведенных выборов, полагает, что на данных выборах был обозначен факт незаконного внесения избирателя в списки избирателей, факт нарушения порядка ведения дополнительного списка избирателей на муниципальных выборах, факт отсутствия по неизвестным причинам в день голосования на участке трех членов комиссии с правом решающего голоса. Также, С. указал в иске, что не согласен с тем, что голоса, отданные избирателями, не соответствуют действительности. Второму кандидату отдали незаконно 185 вместо 67, а административному истцу 122 вместо 124.

Судом было установлено иное, что все протоколы по подсчетам голосов имеют одинаковое числовое выражение по каждому пункту, правильное соотношение контрольных цифр, подписано большинством членов комиссии с правом решающего голоса. Особых мнений к протоколу не приложено [8].

Когда речь идет о нарушении избирательного законодательства, в суд с исками имеют право обращаться избирательная комиссия и прокурор. Прокурор обращается и в защиту избирательных прав граждан в порядке ст. 239 КАС РФ. Все это позволяет в общей совокупности говорить о наличии правовой неопределенности.

В защиту этой позиции неоднократно высказывался и Конституционный Суд РФ в своих Постановлениях от 25 апреля 1995 года № 3-П [9]; от 15 июля 1999 года № 11-П [10]; от 11 ноября 2003 года № 16-П [11]: «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет

к произволу, а значит - к нарушению принципов равенства и верховенства закона».

Как отмечает А.О. Филатова в «отношении конституционного судопроизводства по жалобам на нарушение пассивного избирательного права необходимо отметить, что в решениях Конституционного Суда РФ четко не прослеживаются отличительных особенностей защиты пассивного избирательного права, поскольку в большинстве решений Конституционного Суда РФ пассивное избирательное право рассматривается неотделимо от активного избирательного права, что соответствует логике ч. 2 ст. 32 Конституции РФ» [12].

Целесообразно остановиться еще на одной важной особенности правового регулирования вопросов судебной защиты избирательных прав граждан. В КАС РФ определен круг лиц, имеющих право подачи административного искового заявления по каждому из видов дел. Например, с административным иском заявлением на решение об отказе в регистрации кандидата, списка кандидатов в суд могут обратиться избирательная комиссия, зарегистрировавшая кандидата, список кандидатов, кандидат, избирательное объединение, в отношении которых вынесено такое решение, кандидат, зарегистрированный по тому же избирательному округу, избирательное объединение, список кандидатов которого заверен или зарегистрирован по тому же избирательному округу (ч. 10 ст. 239 Кодекса).

Такое положение дел связано с концепцией Кодекса, согласно которой в случае обжалования действий избирательной комиссии, на нее законом возлагается процессуальная обязанность обосновать с предоставлением надлежащих доказательств законность и правомерность обжалуемых решений или действий (бездействия). Заявитель освобождается от обязанности доказывать незаконность обжалуемых им решений или действий (бездействия), но обязан доказать факт нарушения своих прав и свобод соответствующим решением или действием (бездействием) избирательной комиссии. Однако в ходе реализации такого подхода периодически выявляются пробелы, которые требуется исправлять путем внесения изменений в Кодекс.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что кандидаты, чьи права нарушены на стадии их регистрации в кандидаты в органы публичной власти, вправе защитить свои нарушенные права как в административном, так и в судебном порядке. Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что большинство судебных актов вынесены не в пользу кандидатов, так как в ходе судебного следствия судом устанавливаются факты о нарушении прохождения процедуры регистрации в кандидаты (отсутствие пассивного избирательного права у кандидата; непредставление необходимого пакета документов для регистрации и др.). По мимо этого, однозначно требуется продолжить совершенствовать законодательство и систему субъектов, имеющих право обращаться с иском, чтобы исключить данные аспекты правовой неопределенности законодателя. Проведенное в настоящей части исследование позволяет вполне обоснованно утверждать, что

КАС РФ - хотя и не обновляет полностью порядок судебного разбирательства при рассмотрении и разрешении дел о защите права быть избранным, но все-таки, предусматривает несколько значимых правил и нормативных аспектов, позволяющих судить о постепенном улучшении нормативно-правового регулирования вопроса защиты нарушенного избирательного права.

А это, в свою очередь, постепенно приводит к повышению эффективности защиты избирательных прав граждан в нашей стране, что важно не только на национальном уровне, но и с позиции учета мнения международных судебных инстанций, что только повышает мировой авторитет нашей страны, та как «высокая востребованность института судебной защиты в избирательных правоотношениях обуславливает актуальность его всестороннего изучения».

Список литературы

1. Авилов Я.Д. Выдвижение и регистрация кандидатов как центральная стадия в процессе реализации пассивного избирательного права // *Юридический мир*. 2018. № 1. С. 21.
2. Авилов Я.Д. Выдвижение и регистрация кандидатов как центральная стадия в процессе реализации пассивного избирательного права // *Юридический мир*. 2018. № 1. С. 23.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 9 марта 2015 г. № 10. ст. 1391.
4. Акимова И.Л., Коваленко А.С., Аничкин Е.С. Виды судебных споров по делам по защите избирательных прав граждан Российской Федерации // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2021. № 4. С. 7.
5. Акимова И.Л., Коваленко А.С., Аничкин Е.С. Виды судебных споров по делам по защите избирательных прав граждан Российской Федерации // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2021. № 4. С. 8-9.
6. Ларина Е.В. Судебный порядок защиты избирательных прав граждан Российской Федерации // В сборнике: *European Scientific Conference. сборник статей VIII Международной научно-практической конференции*: в 3 ч.. 2018. С. 152.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 31.08.2016 № 30-АПГ16-2 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31082016-n-30-apg16-2/> (дата обращения: 20.01.2024 г.)
8. Решение Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2А-5251/2019 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uJlXGgVNGslw/> (дата обращения: 20.01.2024 г.)
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н.Ситаловой» // ИПС Гарант.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // ИПС Гарант.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда» // ИПС Гарант.
12. Филатова А.О. Особенности судебной защиты права быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления // *Вестник Калужского университета*. 2019. № 2. С. 59.

Об авторе:

КЛИМЕНЦОВА Алеся Олеговна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Е.Т. КУЗЬМИНА

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ф.н, доцент А.В. Афтахова

В статье поднимаются вопросы, касающиеся современного состояния общества, живущего в условиях информационного глобального пространства. В процессе исследования выявляются проблемные аспекты, связанные с влиянием роботизации на психологическое здоровье населения, а также предлагаются пути решения возникших проблем.

Ключевые слова: психология, информационные технологии, информатизация, искусственный интеллект, цифровая среда, человек.

Развитие информационных технологий в значительной степени изменило жизнь человечества. Уже в начале XXI века отчетливо стала проявляться тенденция к применению информационных технологий. Обилие различных приложений, моделей телефонов, компьютеров стало трендом в новых реалиях. Кажется, что создание новых технологий призвано облегчить жизнь человека. А так ли это на самом деле?

Бесспорно, сферы, которые со временем были автоматизированы, упрощают бытие человека, но одновременно с этим наблюдается развитие номофобии и в целом слияние населения с информационной средой. Мы не можем представить себя отдельно от социальных сетей.

Стоит согласиться с доктором философских наук Труфановой Еленой Олеговной, которая утверждает, что по мере распространения и роста доступности цифровых технологий цифровая среда становится обязательным «расширением» «физической» («офлайн») среды. «Онлайн» и «офлайн» миры переплетаются, становясь все более взаимозависимыми, так что человек не может больше пребывать исключительно цифровой или исключительно телесной сущностью — он включен в оба мира, его «онлайн»-образ и его «офлайн»-личность неразрывно связаны. Все большее проникновение цифровых технологий в социальные отношения делает практически невозможным отказ от «онлайн»-составляющей человеческой жизни: цифровые коммуникации становятся повседневностью, а их избегание — моветоном, показателем социальной дезадаптации и даже преступлением [1]. И действительно, как соцсети, так и селфи-культура неким образом культивируют заикленность индивидуума на одобрении его жизнедеятельности у окружающих.

В результате можно констатировать, что информатизация повлияла на внутренний мир человека. В разрезе современного мирового состояния наблюдаются совершенно другие приоритеты у населения. И это очевидно исходя из того, как активно развивается мир IT.

Не могу не затронуть тот момент, что развивающиеся технологии могут принести вред и опасность обществу. Данную проблему в настоящее время поднимают не только психологи и научные деятели. Всю серьёзность и

рискованность ситуации описывают в своих книгах писатели, показывают в своих фильмах режиссеры. Например, Чарли Брукер – создатель сериала «Черное Зеркало» открыл зрителю мир антиутопических технологий. Чарли говорил: «Если мы считаем технологии средством в медицинском смысле, то я скажу, что они — наркотик и именно об их побочных эффектах от восторга до дискомфорта и рассказывает мой новый сериал».

Автор в этой кинокартине показывает возрастающую тенденцию к миру автоматизации, однако, несмотря на появляющиеся красочные возможности, люди невольно стали находиться под тенью «дамоклова меча». В частности, в одной из серий описывается, как солдатам «вшили» линзы с технологией дополненной реальности. По итогу технология, искажающая реальность, становится причиной массовых убийств невинного населения. Солдаты превращаются в машины для убийств.

Другая, не менее интересная серия охватывала сферу телевидения. Так, люди проводят рабочее время на тренажерах, переводя свою кинетическую энергию в электричество и получая за это баллы-призы. Перед ними целый день экраны с набором каналов. Вернувшись «домой» в жилые кубики, каждая стена которых — экран, они продолжают смотреть. Пропустив рекламу, раздаётся сигнал «смотрите или оплатите штраф за пропуск рекламы прямо сейчас» [2]. Автор явно хотел донести до нас мысль о безысходности такой жизни. Телевидение, по его мнению, делает человека не свободным, ведь людям в любом случае придется и дальше крутить педали, чтобы выжить.

Еще одним, довольно показательным художественным произведением, является книга Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» [3]. Клара из названия — это «искусственная подружка», которая составляет компанию больной 14-летней девочке Джози. История разворачивается в антиутопическом будущем, где детям делают операции, чтобы увеличить их умственные способности, вследствие чего интеллектуальная конкуренция между роботами и людьми сокращалась. Этот процесс сопряжен с риском, и именно поэтому Джози больна. Кроме того, зритель видит, что дети учатся исключительно в онлайн-школах, поэтому лишены живого общения, и вместо сверстников у многих из них есть друзья-роботы, такие как Клара, чтобы восполнить недостаток социального контакта. Автор книги строит сюжет так, будто технологии «возвышаются» над их создателями, и, как следствие, человечество пытается угнаться за роботами, прибегая к различным рискованным методам.

Безусловно, ситуации из выше представленных примеров являются вымышленными, однако, на мой взгляд, развитие технологий вполне может привести к описанным последствиям. В какой-то степени такой процесс уже запущен. Мы можем видеть, как постепенно роботизация проникает в промышленность, бизнес-процессы и другие сферы. Несомненно, такое внедрение способствует высокой производительности труда и в целом облегчает и физическую, и интеллектуальную работу. Однако, такая «автоинтрузия» несет некий амбивалентный характер.

Исследование сервиса Зарплата.ру для РИА Новости показало, что более 20% работающих россиян опасаются, что их могут заменить роботами [4]. В соответствии с этим у людей возникают психологические проблемы, в частности депрессия. Человек начинает чувствовать бесполезность и ненужность своего существования. Помимо этого, формируется проблема адаптации и сомнений в своих способностях. Всё это пагубно может отразиться на будущем психоэмоциональном состоянии населения и может привести к снижению уровня жизни. Кроме изучения данной темы в России, подобное крупное мета исследование было проведено учеными из Университета Сан-Диего. Анализ показал, что молодые люди сегодня заболевают психическими расстройствами в шесть — восемь раз чаще, чем их сверстники в 1938-м [5]. При этом среди племен, сохранивших традиционный образ жизни охотников и собирателей, уровень распространенности депрессии, по данным антропологов Колумбийского университета, невысок [6]. Очевидным является тот факт, что процессы информатизации невольно влияют на психологическое состояние населения.

На основании выше представленного вытекает следующий вопрос: какова ценность и значимость человека в мире продвинутых технологий? Сейчас при условии, что планета — это глобальный рынок, она определяется в пользу человека как доминирующей рабочей силы, двигателя прогресса. Однако, что случится, если в этом не будет необходимости? Какая ценность обеспечит его право на существование? Как человек сможет найти свою нишу и в целом гармонизироваться с миром, который образуется?

На наш взгляд, для разрешения сложившейся ситуации необходимо начать, прежде всего, с самой личности, а вернее с источником творческой силы-сознанием. Необходимо заложить в сознании мысль о том, что развитие IT уже не остановить. Нам следует лишь приспособиться и начать воспринимать этот процесс не как угрозу, а как перспективу для собственного роста.

Важно принять тот факт, что автоматизация процессов представляет собой выполнение рутинной и монотонной работы. Всё это дает толчок для того, чтобы мы могли сконцентрироваться на творческих, эмоциональных и креативных видах деятельности, которые робот заменить не сможет.

Также необходимо создать так называемое гармоничное взаимодействие между человеком и роботом. Информатизация должна выполнять функцию полезности, и быть помощником, для того чтобы расширить возможности человека, но никак не иначе.

Несомненно, путь становления и развития личности начинается с детства и образования. Многие преподаватели говорят о том, что раньше, чтобы написать реферат требовалось немало просидеть в библиотеках и вручную переписывать текст. Всё это кажется немыслимым и тяжелым трудом. Однако именно такой процесс приводит к достойному результату по усвоению материала. Использование современных технологий в образовании, могут негативно влиять на когнитивные способности человека. Человек попросту перестает запоминать нужную информацию, записывать ее, проще найти ее в

Интернете. Это все приводит к снижению умственных и творческих способностей. В связи с этим является важным и необходимым уменьшение роли компьютеризации и в целом информатизации в школах и университетах.

Таким образом, стоит упомянуть, что процесс информатизации неизбежен и уже активно внедряется в каждую отрасль деятельности и в общество в целом. В связи с таким эволюционным процессом население должно быть готово к изменениям и адаптации в таких условиях. Однако не стоит забывать о том, что человек - это существо, обладающее разумом, сознанием и созиданием. Развитие интеллекта произошло благодаря использованию различных умственных навыков и способностей, которые помогли преодолеть примитивные инстинкты и стать интеллектуально развитым существом.

Список литературы

1. Труфанова Е.О., Человек в цифровом мире: "распределенный" и целостный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. №3. С.371. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-tsifrovom-mire-raspredeleennyu-i-tselostnyu> (дата обращения: 18.10.2023).

2. Брукер, Чарли. B89 BlackMirror. Внутри Черного Зеркала / Чарли Брукер, Аннабель Джонс, Джейсон Арнопп ; [пер. с англ. С. Карпова]. — Москва: Эксмо, 2019. С.32.

3. Кадзуо Исигуро, Клара и Солнце / Кадзуо Исигуро; [перевод с английского Л. Мотылева]. — Москва: Эксмо, 2023. -352 с.

4. РИА новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20210623/robot-1738172975.html>(дата обращения: 18.10.2023).

5. Twenge JM, Gentile B, Dewart CN, Ma D, Lacerfield K, Schurtz DR. Birth cohort increases in psychopathology among young Americans, 1938–2007: A cross-temporal meta-analysis of the MMPI. Clin Psychol Rev. 2010; 30(2): 145–54.

6. Варламова Д., Зайниев А. Сумасойти! Путеводитель по психическим расстройствам для жителя большого города / Дарья Варламова, Антон Зайниев; новое, доп. изд. — М.: Альпина Паблицер, 2022. С.23.

Об авторе:

КУЗЬМИНА Екатерина Тимуровна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: etkuzmina@edu.tversu.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АДВОКАТУРЫ С ВНЕДРЕНИЕМ КОМПЛЕКСНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ АДВОКАТУРЫ РОССИИ

Е.Т. КУЗЬМИНА

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Г.Н. Захаров

В статье рассматриваются и анализируются современные цифровые возможности в сфере адвокатуры. Были выявлены практические проблемы, возникающие при использовании адвокатом информационных технологий в процессе своей профессиональной деятельности, а также вопросы, связанные с обеспечением информационной безопасности такой деятельности.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, информационные технологии, юриспруденция, комплексная информационная система адвокатуры, цифровизация, конфиденциальность.

На сегодняшний день информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Не стала исключением и сфера юриспруденции, в частности институт адвокатуры.

Толчком для внедрения цифровизации в институт адвокатуры послужил Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» (далее – Указ) [1]. В Указе закреплено, что целью развития информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации является обеспечение свободного доступа граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления к информации на всех этапах ее создания и распространения. Таким образом, в данном документе введен так называемый путь развития информационного общества в России, а именно создание такого благоприятного поля, которое бы помогло развить отечественные разработки в сфере ИТ.

Возвращаясь к обозначенной теме, стоит упомянуть, что в век непрекращающейся интеграции, унификации, всё более быстрым темпом развиваются и актуализируются информационные технологии. При таком стремительном ритме адвокатам «вольно-невольно» приходится идти «в ногу со временем». Особенно это стало заметно с 2020 года, когда до России добралась короновирусная инфекция – COVID-19. С этого момента всему юридическому сообществу пришлось срочно принимать меры для разрешения сложившихся проблем, связанных с оказанием юридической помощи и т.д.

Так, на сегодняшний момент у адвокатов имеются следующие цифровые возможности:

- сайты ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», «Судакт». Данный инструментарий позволяет в дистанционном формате подавать документы в суды, следить за ходом дела, знакомиться с правоприменительной практикой.

- справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант» предоставляют возможность пользователю ознакомиться с правками в законодательстве, найти шаблоны различных документов и судебную практику.

- комплексная информационная система адвокатуры России (далее – КИС АР) – это автоматизированная информационная система, принадлежащая на праве собственности Федеральной палате адвокатов и предназначенная для комплексной автоматизации деятельности Федеральной палаты адвокатов, адвокатских палат, адвокатских образований и адвокатов по реализации установленных настоящим Федеральным законом прав и исполнению обязанностей по обеспечению всех видов информационного взаимодействия (обмена).

22 апреля 2024 года был принят Федеральный закон № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Им в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» внесена глава, определяющая параметры Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) и ее принадлежность Федеральной палате адвокатов РФ.

Данная система была разработана российской адвокатурой. Цель внедряемого механизма заключалась в создании такого искусственного интеллекта, с помощью которого стало бы возможно взаимодействие всех адвокатов, адвокатских образований, адвокатских палат субъектов и федеральной палаты адвокатов в единой корпоративной информационной среде с различным уровнем доступа.

О необходимости такой системы говорились на IV всероссийском съезде адвокатов, проходившем в Москве 18 апреля 2019 года. На съезде было принято решение о создании общероссийского сервиса, с помощью которого адвокатские палаты смогут работать удаленно.

В рамках внедрения КИС АР были разработаны и подготовлены следующие задачи:

- создание электронного реестра адвокатов и адвокатских образований;
- оптимизация делопроизводства адвокатских палат;
- упорядочивание внутреннего и внешнего документооборота;
- развитие современных цифровых сервисов для адвокатов;
- оптимизация и повышение эффективности управленческих процессов в адвокатских палатах;
- взаимодействие с электронными сервисами государственных органов и судебной системы разных уровней;
- выполнение требований закона о защите персональных данных.

По мнению Первого вице-президента ФПА РФ, первого вице-президента АП Московской области Михаила Толчеева «это событие без преувеличения можно назвать эпохальным. Оно открывает дорогу к интеграции платформы адвокатуры с судебными, следственными и иными государственными платформами в сфере правоприменения, что, в частности, ведет к созданию прозрачной системы оплаты дел по назначению, дает возможности направления

адвокатского запроса в электронном виде и формирования цифрового ордера адвоката, моментально поступающего следователю или в суд, и многое другое».

Статистика, размещенная на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [2] отражает тот факт, что в настоящее время более 27 тыс. организаций являются пользователями КИС АР, из них адвокатских образований – более 16,7 тыс. Более 51 тыс. пользователей КИС АР – физические лица, из которых более 33,5 тыс. – уполномоченные лица (дознаватели, следователи, судьи). Кроме того, системой пользуются более 10,6 тыс. уполномоченных органов, из которых 1 276 – федеральные суды.

27 тыс. организаций, являющиеся пользователями КИС АР		51 тыс. пользователей, КИС АР-физ.лица		
16,7 тыс. - адвокатские образования	10,3 тыс. - иные организации	33,5 - уполномоченные лица (дознаватели, следователи)	10,6 – уполномоченные органы	6,9 тыс. - иные физ.лица

Статистические данные показывают популярность данной программы и эффективность, что позволяет облегчить работу, касающуюся назначения адвокатов. Стоит отметить, что одними из пользователей КИС АР являются следователи, дознаватели судьи, т.е. со стороны государственных органов отсутствует недоверие, настороженность относительно использования таких технологий. Однако Михаил Толчеев признался, что в самом начале пользования КИС АР у некоторых присутствовал некий скепсис, основанный на нежелании делиться, в общем-то, открытой информацией и соучаствовать в системном взаимодействии. Такого рода барьер удалось преодолеть, ведь доверие к правосудию и правоприменению, в сущности, базируется не на отстаивании серых, во многом недоступных зон, а на создании четких и прозрачных механизмов процессуального взаимодействия и устранения недостатков.

Таким образом, КИС АР позволяет адвокатам:

1. Удобная рабочая среда.
2. Персональный документооборот.
 - подача документов в суд в электронном виде;
 - удаленное участие адвокатов в судопроизводстве с использованием видеоконференцсвязи;
 - направление адвокатского запроса в электронной форме;
 - подача заявлений на оплату за участие в делах по назначению;
 - подача налоговых деклараций и других документов;
3. Осуществление документооборота с адвокатским образованием и с адвокатской палатой по всем вопросам, связанным со статусом адвоката и осуществлением адвокатской деятельности.

4. Сопровождение работы по назначению в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в системе бесплатной юридической помощи.

5. Настройка информации о занятости адвоката, например, для участия в делах по назначению.

6. Электронный рабочий календарь.

7. Прием поручений за защиту в делах по назначению.

8. Учет проделанной адвокатом работы в делах по назначению.

9. Ведение статистики и контроль оплаты по срокам и суммам.

10. Дистанционное повышение квалификации.

11. Автоматический учет часов повышения квалификации.

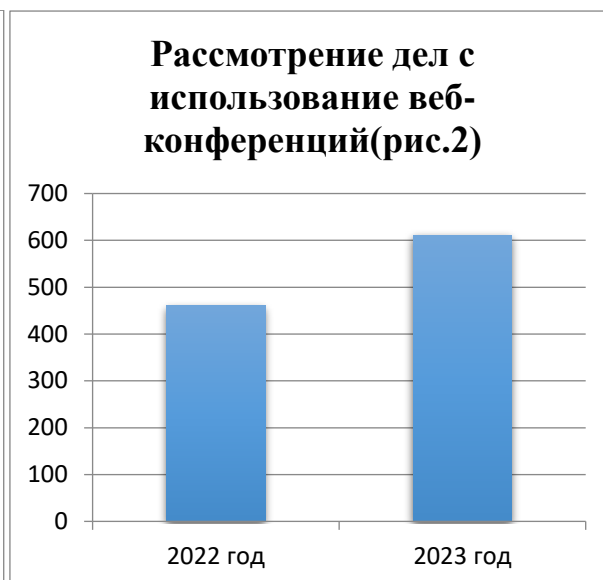
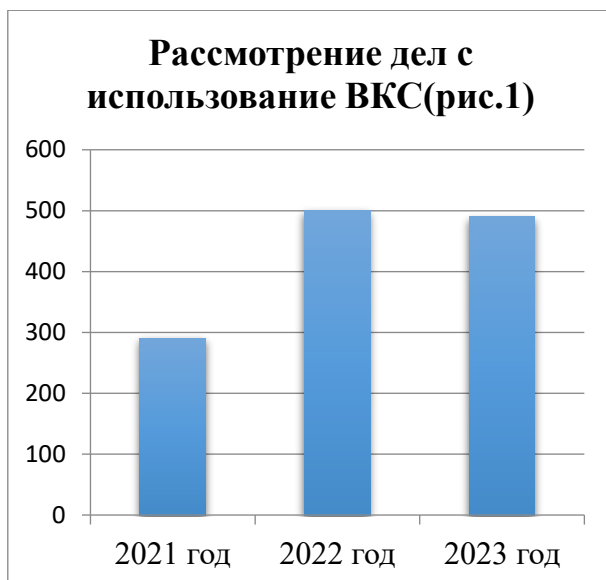
12. Ведение персонального бухучета, в том числе электронное отчисление средств на содержание адвокатского образования и на общие нужды адвокатской палаты.

Это далеко не все виды информационных технологий и способов их использования, применяемых в адвокатской деятельности, и дальнейшее совершенствование информационных технологий, несомненно, будет только углублять процесс их использования в профессиональной деятельности адвоката.

Таким образом, Президент Федеральной палаты адвокатов Юрий Пилипенко сообщил об активном внедрении Комплексной информационной системы адвокатуры: «Мы можем гордиться и тем, что идем в ногу со временем в вопросах цифровизации: на сегодняшний день Комплексная информационная система адвокатуры России (КИС АР) является самым масштабным LegalTech-проектом в нашей стране. Путем интеграции с информационными системами органов юстиции, судов, правоохранительных и иных государственных органов КИС АР станет частью системы цифровой экономики России» [3].

Обозначив целый спектр плюсов введения информационной составляющей в адвокатскую деятельность, необходимо констатировать, что присутствует и ряд негативных моментов, которые могут отразиться как на работе адвоката, так и на репутации и имидже всего адвокатского сообщества.

Для начала необходимо представить статистические данные Судебного департамента при Верховном суде за 2021-2023 года (рис.1,2) [4].

Исходя из статистики, можно отметить нарастающую динамику применения судами как видео-конференц-связи, так и введенные с 2022 года веб-конференции.

Таким образом, активное внедрение информационных технологий может повлечь за собой риск нарушения информационной безопасности и конфиденциальности.

Одним из важнейших этапов профессиональной деятельности адвоката является обмен информацией, осуществляемый между адвокатом и его клиентом, который во многих случаях происходит с применением информационных технологий. Обмен такой информацией требует создания условий для обеспечения сохранности ее конфиденциальности.

За последние годы резко возросло количество киберпреступлений. В современном цифровом обществе все компьютеры пользователей связаны между собой и при желании можно получить доступ к любой информации. Соответственно адвокаты как носители профессиональной тайны становятся более уязвимыми.

В научной литературе подчеркивается, что «сведения, составляющие адвокатскую тайну, часто могут передаваться в незашифрованном виде и, как результат, случайно или умышленно стать доступными третьим лицам. Так, например, адвокат может по ошибке отправить электронное письмо на другой адрес» [5].

В этой связи довольно показательным является дело, рассмотренное Верховным судом Российской Федерации [5]. Высшая инстанция изучила жалобу жителя Тверской области, осужденного за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и угрозу убийством. В жалобе обвиняемый, в частности, указал, что президиум областного суда нарушил его право на конфиденциальное общение с адвокатом: сам он участвовал в деле путем использования системы видео-конференц-связи, которая не обеспечивает эффективных консультаций с защитником, находившимся в зале суда, и не гарантирует защиту от прослушивания третьими лицами. При этом президиум оставил без должного внимания и реагирования его просьбы об обеспечении личной встречи с

защитником, отмечает осуждённый. Суд отметил, что участие в судебном процессе путем использования видеосвязи, само по себе не противоречит принципам справедливости и публичности слушаний, но необходимо сделать так, чтобы было обеспечено эффективное и конфиденциальное общение с защитником. В связи с этим, Судебная коллегия определила постановление президиума Тверского областного суда отменить, а дело передать на новое рассмотрение.

Кроме того, 31 мая 2024 года Правительство внесло в Государственную Думу Российской Федерации пакет законопроектов, предлагающий разрешить адвокатам свидания с подозреваемыми по видеосвязи [7].

На мой взгляд, данные изменения хоть и положительно скажутся на обеспечении прав арестантов, и снизят нагрузку на сотрудников СИЗО, однако, конфиденциальность общения остается под вопросом. Нельзя исключать злоупотребления своих полномочий сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции. Ещё одним следствием из предложенных поправок является наличие технической возможности у учреждений на такое онлайн-общение. По моему мнению, не все следственные изоляторы оборудованы необходимой техникой для реализации положений внесенного проекта.

Таким образом, информационные технологии в разрезе сегодняшнего быстро развивающегося мира приняли устойчивое положение и крепко закрепились во всех отраслях деятельности человека. Технологии в буквальном смысле заставили подчиниться людей и принять вызов в освоении и внедрении ИТ. В этом контексте институт адвокатуры не стал исключением.

Применяемые институтом адвокатуры технологии действительно стали полезным инструментарием в работе адвоката. Однако с внедрением глобальных информационных технологий, у адвокатуры появилась важная и ответственная задача сделать данный институт одним из институтов цифровой среды доверия. Это необходимо для того, чтобы поднять статус адвокатуры и дать возможность защитникам взаимодействовать с государством на равных доверительных основаниях.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [Электронный ресурс] URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/?ysclid=lwkh7vw2d5681134269(дата обращения: 23.05.2024).
2. Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс] URL:<https://fparf.ru/news/fpa/samyu-mnogochislennyi-i-professionalnyy-institut-grazhdanskogo-obshchestva/> (дата обращения: 23.05.2024).
3. Официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс] URL:<https://rg.ru/2022/05/31/cifrovaia-sistema-advokatury-budet-integrirovana-s-sudami-i-pravoohranitelnyimi-organami.html>(дата обращения: 23.05.2024).
4. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] URL:<https://www.vsrfr.ru/press-center/mass-media/32156/> (дата обращения: 23.05.2024).
5. Коган М. И. Обеспечение сохранения адвокатской тайны при использовании адвокатом современных технологий и электронных девайсов / М. И. Коган // Вестник МГЮА им. О. Е. Кутафина. — 2020. — № 11. — С. 218–223.

6. Официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/638765-8> (дата обращения: 23.05.2024).

Об авторе:

КУЗЬМИНА Екатерина Тимуровна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: etkuzmina@edu.tversu.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Малинин А.И.

ФГБУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ф.н., доцент А.В. Афтахова

В статье рассматриваются психологические аспекты коррупционного поведения личности на основе анализа и обобщения теоретического материала, а также возможность использования для предупреждения и прогнозирования коррупционного поведения специального психологического метода.

***Ключевые слова:** коррупционное поведение, психология коррупционного поведения, личность коррупционера, мотивы коррупции, предупреждение коррупционного поведения.*

Коррупция приводит к катастрофическим последствиям, является прочной основой для развития преступности. Основными негативными факторами проявления коррупции являются разрушение государственной системы, аппарата и правоохранительных органов, происходит торможение экономического развития, возрастает политическая нестабильность. В связи с этим возрастает актуальность исследования психологических аспектов коррупционного поведения, поскольку в существующих исследованиях данный вопрос проанализирован опосредованно и фрагментарно. Необходимость в научном исследовании обусловлена потребностью в системном анализе психологических аспектов коррупционного поведения, а также необходимостью прогнозирования проявления такого поведения для своевременного применения средств и методик предупреждения противоправного поведения.

Согласно Федеральному закону от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также от имени или в интересах юридического лица [1].

Исходя из указанного определения коррупции, можно определить, что под коррупционным поведением следует понимать совокупность поступков и действий должностного лица, определяемых причинами психологического характера и затрагивающих интересы отдельных людей, социальных групп и общностей или общества в целом, прямо или косвенно направленных на получение личной выгоды, полученной с использованием служебного положения. При этом коррупционное поведение следует представлять, как многоуровневое и системно-организованное явление коррупции, имеющее

экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую, политическую, а также психологическую составляющую.

В психологии коррупционное поведение исследуется в том числе через анализ свойств личности, склонной к такому поведению. Личность имеет специфические свойства и деформации. В свою очередь, способность противодействовать коррупционному поведению позволяет оценить индивидуально-психологические и социальные качества человека: особенности его темперамента, характера, воли, мотивации, ценностные ориентации, профессионально-нравственные убеждения. На этом основании О.В. Ванновская выделила пять уровней психологических основ коррупционного поведения [3, с. 326].

1. Первый уровень включает в себя содержание жизненных целей, стремлений, смыслов и ценностных ориентаций личности, что составляют основу жизни человека. Однако искажение ценностно-смысловой направленности может являться потенциальной причиной коррупционного поведения.

2. Следующим уровнем выступает когнитивно-нравственная совокупность поведенческих установок личности, которые определяют содержание и склонности человека к коррупционному поведению.

3. Третий уровень отражает эмоциональную сферу человеческой жизни и напрямую связан с проявлением коррупционного поведения, поскольку отражает эмоциональное отношение человека, удовлетворенность или неудовлетворённость жизнью, профессией, личным статусом, тем самым отражая стремление человека к совершению коррупционного поступка.

4. Регулятивный уровень представляет внутреннее волевое отношение человека к принимаемым решениям, способности или неспособности к осуществлению коррупционного поведения.

5. Заключительный, пятый уровень включает поведенческую способность человека противодействовать совершению коррупционного поступка.

Одной из теоретических основ исследования личности, склонной к коррупционному поведению, выступает ценностно-нормативная теория личности преступника, согласно которой лица, совершающие коррупционные преступления, отличаются не столько наличием каких-либо отдельных специфических социальных и психологических свойств и качеств, сколько особенностями правосознания, спецификой ценностно-нормативной и мотивационной системы [5, с. 16]. К числу наиболее существенных характеристик относят такие качества, как: высокая эмоциональная устойчивость, развитый самоконтроль, способность к продуктивной деятельности в сложных и стрессовых условиях [4, с. 98].

Лица, склонного к коррупционному поведению, коммуникабельны, прагматичны, отличаются направленностью на достижение конкретных практических результатов любой деятельности, не склонны к нарушению общественного порядка, в отличие от преступников, совершающих общеуголовные преступления. Для них характерно наличие обширных связей в

профессиональной области, обусловленных служебными отношениями, а также наличие познаний в психологии, что позволяет вовлекать в коррупционную деятельность других субъектов.

В свою очередь, Э.А. Нурмухаметов, И.Ф. Нурмухаметова и О.И. Политика в своём исследовании предположили, что коррупционное поведение личности формируется ввиду отсутствия или малого количества социальных, личностных и средовых ресурсов человека, мировоззрения личности в целом, что приводит к проявлению деструктивного поведения [8, с. 55]. Данный подход к исследованию психологического анализа личности, склонной к коррупционному поведению, учитывает не только личность, но и ситуативные факторы, что позволяет эффективнее использовать средства и методики предупреждения и прогнозирования коррупционного поведения.

Исследование психологии коррупционного поведения направлено на изучение психологических мотивов такого поведения, которые проявляются через потребности, цели и средства достижения цели. Так, мотивы коррупционного поведения можно разделить на две группы:

1. внешние мотивы, выражающиеся в общественном мнении, социальном одобрении;
2. внутренние мотивы, выражающиеся в личностных предпочтениях, корысти, карьерных амбициях, плохо развитом чувстве самоконтроля и социальной ответственности, неспособности личности противостоять давлению коррупционного поведения.

О.В. Ванновская выделяет два существенных мотива проявления коррупционного поведения с позиции системной детерминации — коррупционное давление как внешний фактор и склонность или устойчивость к коррупции как внутренний фактор [2, с. 21].

В то же время в научной литературе, посвящённой вопросу изучения психологических аспектов коррупционного поведения, выражается мнение, что никакие внешние факторы не могут являться определяющими причинами коррупционного поведения, если они не являются внутренней частью психологической составляющей личности человека [6, с. 77].

Другим психологическим мотивом коррупции выступает присущее участникам коррупционных отношений оправдание противоправного поведения путём отрицания ответственности, вреда, наличия жертвы, осуждения и осуждающих, а также наличие высокоморальных соображений совершения противоправного поступка. При этом психология рассматривает мотив как средство, побуждающее к удовлетворению потребностей. Потребности представляют собой внутренние психологическое или функциональное состояние ощущения недостатка чего-либо и проявляются в виде эмоционально окрашенных желаний, влечений и стремлений. Однако по мере удовлетворения одних потребностей возникают другие, что позволяет утверждать об их безграничном многообразии и невозможности фактического удовлетворения.

Как отмечает Нагимова А.М, коррупционное поведение может быть обусловлено совокупностью действующих в обществе интернальных и

экстернальных факторов. Интернальные факторы представляют собой группу факторов, определяющих внутренние установки и мотивы, основы коррупционного поведения. К группе экстернальных факторов можно отнести социально-экономическую ситуацию в стране, регионе, политические правовые ограничения коррупции, уровень развития гражданского общества и общественных свобод и другие [7, с. 36-37].

Исследование коррупционного поведения человека через систему ситуационных действий, направленных на незаконное получение материальных и нематериальных благ в корыстных целях, способствует адаптации и совершенствованию средств и методик, а также комплексных программ по профилактике коррупционного поведения.

Психологические приемы противодействия коррупционному поведению предполагают определение ценностей человека и проведение в соответствии с ними анализа психологического содержания осуществляемых актов выбора и принятия решений. Причинно-следственная связь между ситуациями и личностью позволяет проанализировать, как человек реагирует и воздействует на ситуацию.

В частности, В.А. Спиридоновой предлагает использовать для предупреждения и прогнозирования коррупционного поведения специальный психологический метод — полиграф. При этом полиграф рассматривается в качестве дополнительного, а не основного средства профилактики, поскольку он не выявляет ложь в прямом смысле, а только фиксирует психофизиологическую реакцию человека на определённые аспекты [9, с. 241]. Такой психологический метод предупреждения и прогнозирования коррупционного поведения может быть использован при приеме на государственную и муниципальную гражданскую службу, поскольку кадровые решения должны опираться не только на профессиональные критерии, но и на психологические аспекты поведения личности. Однако применение такого психологического метода на практике требует дополнительного законодательного регулирования, определяющего случаи и ситуации, применение, а также раскрывающее процедуру осуществления исследования и интерпретирования его результатов.

Таким образом, коррупционное поведение обладает многоаспектными составляющими, выраженными в специфических свойствах личности, действиях, направленных на незаконное получение материальных и нематериальных благ, психологических мотивах такого поведения, проявляющихся через потребности, цели и средства достижения таких целей.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в действующей ред.) // СЗ РФ, 29.12.2008, № 52 (часть 1), ст. 6228.
2. Ванновская О.В. Психология коррупционного поведения государственных служащих: монография / О.В. Ванновская. — 2-е изд., стер. — М.: изд. «Юрайт». — 2023. — С. 251. — ISBN 978-5-534-06492-6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/514226> (дата обращения: 02.11.2023).

3. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения / О.В. Ванновская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 102. С. — 323-328.
4. Капинус О.С. Криминологическое исследование личности коррупционного преступника / О.С. Капинус // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 1(68). — С. 95-101.
5. Кроз М.В. Психологические особенности коррупционных преступников / М.В. Кроз, Н.А. Ратинова // Психология и право. — 2018. — Т. 8. — № 2. — С. 15-34.
6. Курбатова Т.Н. Понятие о личности преступника / Курбатова Т.Н., Лысков Б.Д. // Юридическая психология — СПб.: «Питер», 2001. — С. — 74-91.
7. Нагимова А.М. Психологические аспекты коррупционного поведения / А.М. Нагимова // Электронный экономический вестник Татарстана. — 2014. — № 2. — С. 35-40.
8. Нурмухаметов Э.А. Истоки коррупционного поведения: психологический аспект / Э.А. Нурмухаметов, И.Ф. Нурмухаметова, О.И. Политика // Психология и право. — 2019. — Т. 9. — № 4. — С. 49-58.
9. Спиридонова В.А. Коррупционное поведение государственных служащих: социально-психологический аспект / В.А. Спиридонова // Проблемы теории и практики современной психологии: материалы XX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Иркутск, 23–24 апреля 2021 года. — Иркутск: изд. ИГУ. — 2021. — С. 239-242.

Об авторе:

МАЛИНИН Алексей Игоревич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: aimalinin@edu.tversu.ru

УМАЛЕНИЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КАК ВИД ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

С.А. Матвеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ф.н., доцент А.В. Афтахова

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые предусматривают ответственность за унижение чести, достоинства и деловой репутации. Рассмотрены вопросы о влиянии оскорблений на человека, изучены современные формы унижения анализируемых нематериальных благ. Проанализирована судебная практика о привлечении к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ.

Ключевые слова: унижение чести, достоинства и деловой репутации, оскорбление, психологическое насилие, моральный (эмоциональный) вред, душевное волнение.

В соответствии со ст. 12 Всеобщей декларации прав человека [2] и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [3] никто не может подвергаться произвольным посягательствам на честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту от таких посягательств.

Положения ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ гарантируют каждому право на судебную защиту своей чести, достоинства и доброго имени [1]. Конституционное положение о праве каждого на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23) детализируется в ст.ст. 150 и 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4]. В силу п. 1 ст. 150 ГК РФ достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация являются нематериальными благами и принадлежат гражданину от рождения или в силу закона. При этом право на честь, достоинство и деловую репутацию неотчуждаемо и непередаваемо.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что уважение чести, достоинства и деловой репутации является одной из главных составляющих современного демократического общества. Честь, достоинство и деловая репутация соизмеримы с отношением к человеку как высшей ценности, с уважением к личности, тем самым, происходит соотношение моральных норм и правовых. Кроме того, честь, достоинство и деловая репутация имеют большое значение в любом виде деятельности, в том числе профессиональном. Однако, развитие информационных технологий и внедрение их в гражданский оборот, предоставляющее широкие возможности для повсеместного распространения ложной, порочащей, не соответствующей действительности информации, увеличивает уязвимость анализируемых нематериальных благ.

Оскорбление напрямую создает опасность для психологического благополучия личности, независимо от возраста. В целом, оскорбление способно нарушить устойчивость и адекватность представлений человека о самом себе, а также способно стать угрозой целостности человека, вести к уничтожению его как личности [15, с. 50].

В действующем законодательстве не раскрывается содержание понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация», толкование им дано учеными-правоведами, основываясь не только на толковании их как юридических категорий, но и на морально-психологической природе данных нематериальных благ, что является оправданным.

А.М. Рабец, М.А. Хватова считают, что понятия «честь» и «достоинство» рассматриваются как цельное единое понятие, но каждая из категорий имеют свои значение и роль. Исследователи трактуют честь как оценку, которую человек получает в процессе общения и совместной деятельности с другими субъектами. Достоинство представляет собой некий плод внутренней мыслительной деятельности человека, его представление о самом себе, формирующееся под влиянием оценки его другими лицами [13, с. 81]. Действительно, честь человека может быть ущемлена распространением порочащих его сведений, несоответствующих действительности, а унижение достоинства человека происходит вследствие сообщения таких сведений самому человеку, а также оскорбительных оценок со стороны других лиц, что может привести к снижению его самооценки, поэтому целесообразно использование понятий «честь» и «достоинство» как самостоятельных категорий, но в одном смысловом контексте.

Подтверждая неразрывность анализируемых категорий, следует отметить точку зрения В.М. Баранова и Р.А. Ромашова, которые представляют необходимым понимать честь как содержательную составляющую достоинства, связывая ее с чувственной мотивацией поведения субъекта, согласующейся с традиционной корпоративной этикой той социальной общности, к которой он себя причисляет [8, с. 17-18]. Таким образом, в категории «честь» превалирует общественное восприятие, а в достоинстве - самооценка.

Однако, с проанализированными понятиями неразрывно связана категория «деловая репутация. Деловая репутация применяется при оценке обществом деловых качеств субъекта при осуществлении им общественно полезной, правоохранительной, предпринимательской и другой деятельности [10, с. 259]. На сегодняшний день негативные отзывы о предпринимателе, его компании или бренде в социальных сетях или на веб-сайтах могут серьезно повредить репутацию и сократить клиентскую базу [7, с. 280].

Объединяющим понятием рассматриваемых категорий является понятие «унижение чести и достоинства» (оскорбление), которое в праве точно не определено. В широком смысле, по мнению Т.И. Краснянской, оно обозначает дискредитацию человека в общественном мнении, которая противоречит достоинству личности как ее неотъемлемому праву независимо от общественного мнения о нем и от его самосознания [11, с. 346]. Объективных критериев унижения чести и достоинства не выработано, это субъективное оценочное понятие, являющееся предметом рассмотрения юриспруденции, психологии, а также лингвистики. Вследствие чего, наличие унижения и его степень, глубину оценивает, в первую очередь, сам потерпевший.

Однако, в настоящее время унижение чести и достоинства наблюдается повсеместно, с подобным можно столкнуться как в семейных, соседских, личных взаимоотношениях, так и в деловых, партнерских, профессиональных. Подобное унижение может быть выражено в форме невинных шуток, а также в грубых комментариях, но в любом случае в психологическом плане оно оказывает влияние на человека и во многом на его самооценку. Вследствие чего, эмоциональное состояние и уверенность в себе могут быть серьезно нарушены под воздействием оскорблений.

При этом психологи отмечают скрытый, «неосязаемый» характер последствий оскорбления, их латентную природу: у жертвы не остается видимых для окружающих повреждений, по которым можно было бы судить о тяжести нанесенного вреда [9, с. 64]. С этим нельзя не согласиться, поскольку по большей части люди не делятся подобным с окружающими их людьми, наоборот, пропускают только через себя брошенные в их адрес слово, фразу, которые, в свою очередь, зачастую остаются надолго в их памяти и, можно сказать, терзают их изнутри, становятся психологическими ранами.

В особенности дети и подростки нередко становятся жертвами психологического насилия со стороны сверстников. Находясь в уязвимом положении в силу особенностей возраста, ребенок не всегда способен противостоять нападкам, особенно если он находится в зависимом положении по отношению к обидчику. Оскорбления (крики, угрозы, брань) часто исходят от взрослых, наделенных в глазах ребенка авторитетом (родителей, других родственников, иногда даже учителей, спортивных тренеров).

В частности, в мае 2023 года гражданином А. в прокуратуру Центрального района г. Твери было подано заявление, содержащее данные, указывающие на наличие события административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [5]. По обстоятельствам дела известно, что в адрес несовершеннолетнего сына гражданина А. тренером по хоккею на тренировке в Спортивном комплексе «Юбилейный» в присутствии родителей были высказаны оскорбления, унижающие честь и достоинство несовершеннолетнего К., выраженные в неприличной и противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, а именно: «К. – дебил, тупой баран».

В соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, дебил – это психически недоразвитый человек, глупый, несообразительный человек, тупица; тупой – это лишённый острого восприятия, несообразительный, а также свидетельствующий об умственной ограниченности; баран – употребляется как порицающее или бранное слово (упрямый и глупый человек) [12]. В результате, употребление вышеперечисленных слов в качестве обращения или характеристики собеседника выходит за рамки культурных норм, неэтично, содержит умысел обидеть и унижить несовершеннолетнего, причинив моральный вред.

Но главным остается вопрос о влиянии такого рода оскорблений на внутреннее эмоциональное состояние ребенка, насколько глубоко он

«пропускает через себя» все сказанное. Ведь зачастую тренеры на тренировках не преследуют цель обидеть или задеть ребенка, их задача: обучить и развить те или иные навыки. При этом, как обоснованно необходимо заметить, сохранение морально-психологического состояния в данном случае в хоккейной команде не менее важно, чем приобретение навыков. Хороший тренер, а также педагог, наставник должен чувствовать свою команду, класс, конкретного ученика, он должен стать хорошим психологом и найти подход к каждому ребёнку. Искать контакт с ребёнком - это отдельная тяжёлая работа, которую должен проводить каждый, кто работает с детьми.

Также, например, согласно Постановлению мирового судьи судебного участка № 48 г. Находки Приморского края от 7 декабря 2021 г. директор КГКУ «Центр содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, г. Находки» Тумакова Т.А. была привлечена к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ. В частности, Тумакова Т.А., находясь в кабинете заместителя директора по учебно-воспитательной работе, в ходе беседы с несовершеннолетним о его поведении в Центре высказала в его адрес нецензурные слова, оскорбляющие честь и достоинство [18]. Важно понимать, что в такого рода учреждениях директор, его заместители, учителя, воспитатели и другие трудоустроенные там лица постоянно находятся в обществе тяжело травмированных детей, которые нуждаются в поддержке, в хорошем отношении, а унижение их чести и достоинства оставляет неизгладимый отпечаток в психологии, что недопустимо.

Кроме того, в последнее время, с развитием компьютерных технологий, приобретает актуальность тема кибербуллинга – враждебных, агрессивных действий в электронной, цифровой среде, исходящих от одного человека или группы людей. Обычно это оскорбительные, угрожающие сообщения, причиняющие эмоциональный дискомфорт или вред другим пользователям. По данным ряда исследований, именно дети и подростки наиболее уязвимы к травле в Интернете [9, с. 65].

Выделим следующие формы оскорблений. А.А. Бузина считает, что проявлениями оскорбления являются насмешки, передразнивание, упреки, угрозы, придирки, излишне резкая критика с переходом на личности [9, с. 64]. Необходимо согласиться с автором, но также стоит выделить и такие формы оскорбления как обзывание, публичное унижение, осуждение, популярные в настоящее время буллинг, абьюз и газлайтинг. В целом, нельзя ограничиваться перечисленными проявлениями оскорбления, поскольку их может быть огромное количество и с развитием общества видов может становиться все больше и больше. Главным является не то, в какой форме были унижены честь и достоинство личности, а то, какое влияние оказало оскорбление на психологическое состояние человека.

Так, во-первых, постоянные оскорбления оказывают негативное влияние на самооценку человека. В том случае, если человек на постоянной основе слышит в свой адрес негативные комментарии, он действительно может начать верить в их содержание. Во-вторых, оскорбления могут также вызывать стресс и

тревожное состояние, которые, в свою очередь, влияют на также и физическое здоровье человека. В-третьих, оскорбления также могут влиять на отношения человека с другими людьми. Человек, постоянно подвергающийся оскорблениям, может стать изолированным и избегать социальных контактов. В-четвертых, может снизиться мотивация, и человек не будет ставить перед собой различные цели, человек может потерять веру в свои способности и перестать стремиться к достижению поставленных целей и задач [16].

Таким образом, оскорбления оказывают высокотравмирующее действие на внутреннее состояние человека, оставляют особый отпечаток. И несмотря на то, что в большинстве случаев для оскорблений характерна латентность, иногда потерпевшие подают заявления в правоохранительные органы для привлечения лиц к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ.

Обратимся к Постановлению мирового судьи судебного участка № 29 Мильковского района Камчатского края от 7 июня 2023 г. По материалам дела известно, что Гапонов А.В. умышленно высказал в адрес бывшей девушки А. оскорбительные, бранные слова и выражения в противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме, сопряженные с отрицательной оценкой личности и нравственных качеств последней, обличены в осуждающую форму, а именно: «шл***, шал***, проститу***», чем унизил ее честь и достоинство. Из объяснений потерпевшей следовало, что Гапонов А.В. – ее бывший молодой человек, с которым она ранее рассталась [20].

С психологической точки зрения пример интересен тем, что Гапонов А.В., являясь бывшим молодым человеком потерпевшей, вероятно, не смог «пережить» расставание с ней и вербально ее задел. Можно предположить, что оскорбления бывшего партнера в данной ситуации могли иметь разные цели: от мести и нанесения вреда до проявления эмоций и несправедливости. Однако, часто оскорбления являются проявлением гнева, разочарования или ревности со стороны бывшего партнера. И такие оскорбления со стороны бывшего партнера могут быть болезненными и травмирующими, могут вызвать негативные эмоции, снизить самооценку и повлиять на психологическое здоровье, в целом, унижить женские честь и достоинство. Умение устанавливать границы и заботиться о своем эмоциональном благополучии – ключевые компоненты для того, чтобы справиться с оскорблениями.

Примечательно то, что высказанные слова Гапоновым А.В. весьма популярны, практика привлечения к ответственности лиц за слова оскорбительного характера, обозначающие женщину легкого поведения, распространена в последнее время. Например, по обстоятельствам дела № 5-181/20 следует, что Наумов Т.В. находился во дворе своего дома, гулял со своей собакой, при этом собака была в наморднике. Когда мимо проходила А., собака Наумова Т.В. вырвалась с поводка и сбила А. с ног, он отозвал собаку. А. на эмоциях начала кричать и высказывать недовольства по поводу того, что за собакой надо следить и лучше ее держать. Между ними возник конфликт, в результате которого Наумов Т.В. высказал в адрес А. слова оскорбительного содержания: «бл****», «проститу***» [17].

Также обратимся к Постановлению мирового судьи судебного участка Зианчуринского района Республики Башкортостан от 1 марта 2023 г. № 5-57/23. По материалам дела известно, что А. намеренно разместила в социальной сети оскорбительный комментарий в отношении М. и К., а именно: «Миляуша, Шлю***, Олкаши...». Главной причиной раздора явились сенокосные угодья, которые принадлежат А., за которые она производит оплату в сельсовет, однако М. и К. самовольно косят выделенный ей участок, в связи с чем она была вынуждена покупать сено для прокорма скота в личном подсобном хозяйстве [19]. В приведенном примере необходимо обратить внимание на ту часть постановления мирового судьи, которая описывает психологическое и душевное состояние потерпевших, вызванное публичным унижением их чести и достоинства. Так, из объяснений потерпевшей следует: «... с супругом ехали по дороге в автомобиле, и в этот момент от сестры ей пришло сообщение о том, что А. напоказ всем разместила оскорбительные выражения в отношении нее и ее супруга. Тогда супругу стало плохо от этого, вынуждены были остановить автомобиль, повысилось давление, было неприятно такое читать. Дети звонили, спрашивали почему так, так ли это, им также было неприятно...». Таким образом, можно утверждать о том, что в данной ситуации оскорбления А. вызвали стресс и тревогу у М. и К., которые напрямую повлияли на их физическое здоровье. Данное проявление является одним из последствий оскорблений.

Итак, в целом, из проанализированной судебной практики следует, что во всех судебных решениях лица были привлечены к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ за слова оскорбительного характера, обозначающие женщину легкого поведения. Однако, возникает закономерный вопрос: почему во многих жизненных ситуациях граждане прибегают к такого рода оскорбительным словам и выражениям? Но навешивание таких «ярлыков» на женскую честь и достоинство оказывает прямое психологическое воздействие, с которым необходимо справляться.

Если вести речь об ответственности за оскорбление, то Федеральным законом от 30.12.2020 № 513-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» были внесены изменения в статью 5.61 КоАП РФ, которые напрямую ужесточили наказание за данное правонарушение [6]. Так, административный штраф за оскорбление для граждан составляет от 3 тыс. руб. до 5 тыс. руб. (ранее от 1 тыс. руб. до 3 тыс. руб.); для должностных лиц – от 30 тыс. до 50 тыс. руб. (ранее от 10 тыс. руб. до 30 тыс. руб.); для юридических лиц – от 100 тыс. до 200 тыс. руб. (ранее от 50 тыс. руб. до 100 тыс. руб.). Также была ужесточена ответственность и за оскорбление в СМИ. Кроме того, статья 5.61 Кодекса дополняется нормами, устанавливающими административную ответственность за оскорбление, совершённое лицом, замещающим государственную или муниципальную должность либо должность государственной гражданской или муниципальной службы, в связи с осуществлением своих полномочий.

Данные изменения свидетельствуют о том, что государство, осознавая общественную опасность анализируемого правонарушения, отреагировало и

усилило ответственность за оскорбление. Действительно, усиление ответственности следует считать обоснованным, поскольку оскорбление является разновидностью психического насилия, которое выражается в отрицательной оценке виновным личности гражданина, у которого появляется негативная эмоциональная реакция, выраженная в обиде. Обида ощущается человеком как сильная душевная боль. Нередко обида сопровождается возникновением более выраженных эмоциональных состояний: гнева, отчаяния, стыда, страха. В результате, эмоциональный вред напрямую отражается на психике человека и выступает одновременно психическим вредом.

Кроме того, особую роль в установлении эмоционального (психического) вреда в последние годы играет судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний. Данная экспертиза помогает установить объективные основания, которые подтверждают наличие у потерпевшего отрицательных эмоциональных переживаний. Как отмечает И.В. Сидорова, данный вид судебно-психологических экспертиз способен оказать неоценимую помощь в установлении общественно опасных эмоциональных последствий оскорбления. Такое заключение экспертов будет являться объективным и наиболее убедительным доказательством причинения общественно опасного последствия оскорбления [14, с. 30].

Итак, важно стараться минимизировать негативное влияние оскорблений, научиться справляться с негативом в свой адрес, не воспринимать близко к сердцу каждое брошенное слово, в целом, работать над своей психологией. При этом чаще всего человек, который намеренно или ненамеренно оскорбляет, или осуждает своего собеседника, ведет себя так только для того, чтобы самоутвердиться. Оскорбление не отражает действительности и часто связано с личными проблемами и недостатками оскорбляющего, что необходимо помнить.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что честь и достоинство являются морально-нравственными, этическими категориями, и вред, причиняемый оскорблением, в данном случае будет причиняться именно психологическим, моральным или духовным составляющим личности. Действительно, содержанием такого вреда является комплекс негативных нравственно-психологических изменений. К глубокому сожалению, в XXI веке решены многие проблемы технологического характера, но как быть с моральными проблемами, с нравственными принципами, с нормами человеческого поведения, которые повсеместно нарушаются? Вопрос остается открытым.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации, <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
6. Федеральный закон от 30.12.2020 № 513-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный интернет-портал правовой информации, <http://www.pravo.gov.ru>. 30.12.2020.
7. Асланидис А.Н. К вопросу определения чести, достоинства и деловой репутации граждан // Право и государство: теория и практика. 2023. №7 (223). С. 280-283.
8. Баранов В.М., Ромашов Р.А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 1 (49). С. 10-20.
9. Бузина А.А. Оскорбление как высокотравматичная для личности ситуация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. №2. С. 63-67.
10. Колосова В.И., Вавилычева Т.Ю. Деловая репутация: понятие, проблемы правового регулирования и охраны // Вестник ННГУ. 2011. № 3-1. С. 258-266.
11. Краснянская Т.И. Особенности толкования понятий чести, достоинства, деловой репутации // Юрислингвистика. 2007. №8. С. 344-359.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М., 1997. — 944 с.
13. Рабец А.М., Хватова М.А. Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации: проблемы теории и практики // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 3 (44). С. 80-88.
14. Сидорова И.В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. №1 (68). С. 28-32.
15. Харламенкова Н.Е. Интенсивность посттравматического стресса как отсроченной реакции на травматические события в разные периоды взрослости // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17, № 1. С. 42–56.
16. Что значит для человека оскорбления? // URL: <https://uralchip.ru/faq/cto-znacet-dlya-celoveka-oskorbleniya>
17. Постановление мирового судьи судебного участка № 30 Мильковского района Камчатского края от 14 июля 2020 г. № 5-181/20 // URL: <https://msud.garant.ru/#/document/294720772/paragraph>
18. Постановление Мирового судьи судебного участка № 48 г. Находки Приморского края от 7 декабря 2021 г. № 5-389/21 // URL: <https://msud.garant.ru/#/document/753185229/paragraph>
19. Постановление мирового судьи судебного участка Зианчуринского района Республики Башкортостан от 1 марта 2023 г. № 5-57/23 // URL: <https://msud.garant.ru/#/document/282527891/paragraph>
20. Постановлению мирового судьи судебного участка № 29 Мильковского района Камчатского края от 7 июня 2023 г. по делу № 5-107/23 // URL: <https://msud.garant.ru/#/document/284609496/paragraph>

Об авторе:

МАТВЕЕВА Софья Андреевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности»,

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: samatveeva1@edu.tversu.ru

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

С.А. Матвеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор Л.В. Туманова

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые предусматривают обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Рассмотрена проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений, мнений. Проанализирована судебная практика о расширении предмета доказывания по делам о защите деловой репутации юридических лиц.

***Ключевые слова:** предмет доказывания, унижение чести, достоинства и деловой репутации, факт распространения сведений, порочащий характер сведений, несоответствие действительности, утверждения о фактах, оценочные суждения.*

В соответствии со ст. 12 Всеобщей декларации прав человека [2] и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [3] никто не может подвергаться произвольным посягательствам на честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту от таких посягательств.

Положения ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 23 и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ гарантируют каждому право на судебную защиту своей чести, достоинства и доброго имени [1]. Конституционное положение о праве каждого на защиту своей чести и доброго имени (ст. 23) детализируется в ст.ст. 150 и 152 ГК РФ [4].

При этом в цивилистическом процессе институт доказывания является центральным правовым институтом гражданского процессуального и арбитражного процессуального права. Основная цель доказывания, как отмечают Э.В. Чекмарев и А.В. Чекмарева, заключается в полном, объективном и всестороннем выяснении, а также извлечении судом из представленных сторонами и лицами, участвующими в деле, доказательств всех обстоятельств, которые имеют значение, необходимы и достаточны для вынесения законного и обоснованного судебного решения [11, с. 205].

Предмет доказывания, как справедливо считает Е.А. Нахова, представляет собой совокупность обстоятельств как материально-правового характера, так и процессуально-правового, установление которых необходимо суду для правильного разрешения дела, и обязанность доказывания которых лежит на лицах, участвующих в деле [9, с. 22].

Вместе с тем, в соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ [6] и ч. 2 ст. 65 АПК РФ [5] обязанность по определению предмета доказывания возложена на суд. Определяя предмет доказывания, суд осуществляет познавательную деятельность, целью которой является установление обстоятельств спорного материального правоотношения, юридической истины по делу, а также вынесение законного и обоснованного судебного решения и восстановление нарушенных или оспариваемых прав заинтересованных лиц.

В силу абз. 1 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 обстоятельствами, которые должны быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. Однако, если одно из вышеуказанных обстоятельств будет отсутствовать, то в удовлетворении искового заявления будет отказано [13].

В п. 7 данного Постановления от 24.02.2005 № 3 Пленум Верховного Суда РФ дает толкование каждого из названных обстоятельств. Так, распространение сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, представляет собой опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети «Интернет», а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Таким образом, способы распространения сведений весьма разнообразны.

Согласно абз. 5 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 порочащими, в частности, являются сведения, которые содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

При анализе данного определения целесообразно обратить внимание на слова «в частности», указывающие на неисчерпывающий характер перечня сведений, которые следует считать порочащими. Вследствие этого, необходимо констатировать, что поскольку приведенный в абз. 5 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 перечень порочащих сведений не является исчерпывающим, то, соответственно, он не ограничивается лишь утверждениями о нарушении лицом норм закона или морали.

Анализируя понятие «порочащие сведения», считаю обоснованным также обратиться к позиции А.М. Эрделевского, полагающего понимать под порочащими сведениями любые сведения, которые умаляют честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, хотя бы они и не содержали в себе утверждений о нарушении гражданином норм закона и морали и не создавали о нем в связи с этим отрицательного мнения, а лишь понижали его существующий положительный уровень. Вследствие этого, каждый вправе поддерживать свои честь, досто-

инство и деловую репутацию на определенном уровне, и если в результате распространения не соответствующих действительности сведений эти блага умаляются, то такие сведения следует считать порочащими. В частности, такое толкование п. 1 ст. 152 ГК РФ соответствует ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, согласно которой ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. Напротив, чрезмерно узкое толкование понятия «порочащие сведения» представляет собой нарушение ч. 1 ст. 21 Конституции РФ [12, с. 136].

К примеру, служебная деятельность сотрудников правоохранительных органов является публичной и не может не быть объектом пристального внимания со стороны общества. Вследствие этого, зачастую честь, достоинство и деловая репутация сотрудников правоохранительных органов подвержена чрезмерным угрозам. Развитие информационных технологий способствует росту распространения порочащих сведений о сотрудниках правоохранительных органов, которые существенно влияют на авторитет, например, Министерства внутренних дел, Прокуратуры Российской Федерации, судебной системы и других органов, а также, в целом, создают негативный образ сотрудников правоохранительных органов в общественном сознании. Постоянной критике подвержены также и сотрудники медицинских организаций, представители актерского сообщества, телеведущие, политики, военнослужащие, спортсмены и другие – в целом, большинство лиц при осуществлении своей профессиональной деятельности. Ввиду этого, порочащий характер сведений напрямую связан с обстоятельствами, затрагивающими честь и достоинство лица как профессионала своего дела.

В силу абз. 4 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 не соответствующие действительности сведения – это утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности вовремя, к которому относятся оспариваемые сведения. В то же время сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок, не могут рассматриваться как не соответствующие действительности. В целом, сведения, не соответствующие действительности, нужно отличать от оценочного мнения, поскольку сведения о фактах в отличие от оценочного мнения можно проверить.

Вследствие этого, целесообразно остановиться на проблеме выражения мнения. Право на свободу выражения мнения, а также производное от него право на свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации, признаваемое ст. 29 Конституции РФ, является также одним из основополагающих и неотчуждаемых личных неимущественных прав человека и гражданина. В этой связи следует обратиться к практике Европейского суда по правам человека, а именно к Постановлению Европейского суда по правам человека по делу «С. против Российской Федерации» от 3 марта 2019 года. Было установлено, что С., являясь профессиональной журналисткой, написала для ежедневного регионального издания статью, которая была посвящена коррупции должностных лиц региона,

что повлекло обращение губернатора и сотрудников администрации в суд с исковыми заявлениями о защите чести и достоинства губернатора, деловой репутации администрации, о признании ряда высказываний автора статьи не соответствующими действительности. С., возражая против удовлетворения исковых требований, настаивала на том, что все оспариваемые высказывания представляли собой оценочные суждения, на которые она имела право. В этих суждениях упоминались факты, которые не оспаривались губернатором как таковые, в этой ситуации действительно имели место как скандал, так и уголовные дела. Суд первой инстанции и областной суд признали право журналистки С. на выражение ее личного мнения, на дачу оценки. Однако, ни одно из суждений С. не было признано оценочным, а критерии отнесения того или иного суждения к оценкам или к утверждениям о фактах, оказались совершенно размыты. В результате, С. обратилась в Европейский суд по правам человека [10, с. 175-176].

И.Ю. Пешина и И.Г. Шаблинский выделили некоторые принципиальные положения, которых придерживается Европейский суд по правам человека при разрешении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. В первую очередь, условием развития и прогресса демократического общества является право на свободу выражения мнения. Ввиду этого, меры, которые принимаются государством также не должны удерживать средства массовой информации от участия в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес. Вместе с тем, Европейский суд по правам человека признает ограничение свободы слова обоснованным в том случае, если мнения и оценки, содержащиеся в публикациях средств массовой информации, являются чрезвычайно оскорбительными. И еще одним из принципиальных положений является необходимость разграничения утверждения о фактах, соответствие действительности которым можно проверить, и оценочных суждений, мнений, которые не могут быть проверены судом на предмет их соответствия действительности [10, с. 178-180].

В рамках анализируемого дела Европейским судом по правам человека было установлено, что коррупционный вопрос вызвал большой общественный резонанс и обсуждался в субъекте РФ. Журналистка С. высказала своё мнение о ситуации, добросовестно перечислив исключительно факты: возбуждение уголовного дела против вице-губернатора, рассмотрение его в Ленинском районном суде, письмо губернатора, содержащее просьбу о прекращении уголовного преследования, отказ губернатора уволить своего заместителя. При этом С., являясь журналисткой, соответственно, должна была дать данным обстоятельствам определённую оценку, что и было сделано. Европейский суд по правам человека констатировал, что истинность оценочных суждений, которые использовала С., не поддаётся доказательству. В результате, суды РФ не учли позицию С. как журналистки, а также позицию губернатора, работа которого может и должна критиковаться. Но важным является то, что суды не разграничили факты и оценочные суждения, не приняли во внимание п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3, согласно которому следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно про-

верить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты, так как, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Следовательно, Европейский суд по правам человека пришел к выводу о нарушении права на свободу выражения мнения журналистки С.

Приведенное дело является показательным примером необходимого поиска баланса между правом журналиста на свободу выражения мнения и правом должностного лица на защиту деловой репутации и доброго имени. Позиция Европейского суда по правам человека заключается в свободе средств массовой информации в современном обществе при освещении деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, отмечая важность и значение средств массовой информации в условиях демократического режима.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 было принято, основываясь на позициях, выраженных в многочисленных постановлениях Европейского суда по правам человека, а также на доктринальных толкованиях ученых, где в итоге была особо подчеркнута необходимость разграничения утверждений о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочных суждений, мнений, которые не являются предметом судебной защиты.

Вследствие чего, необходимо сделать вывод о том, что наряду с обозначенными обстоятельствами, входящими в предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, закрепленными в абз. 1 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3, в предмет доказывания также входит и то, что распространенная информация не должна являться выражением мнения в силу п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3.

Однако, несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ закреплена необходимость разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений, мнений, на практике осталось много неурегулированных вопросов по этому поводу. В частности, адвокат Г.М. Резник обращает внимание на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 было необоснованно сведено мнение исключительно к оценочному суждению, поскольку мнение может выражаться утверждением о факте. Например, можно сказать: «По моему мнению, гражданин N берет взятки». В таком случае оборот «по моему мнению» является якобы некой маскировкой утверждения о факте и подводит его под мнение, однако форма не может иметь определяющее значение. Как следствие, фактологическое мнение должно подлежать проверке на соответствие [16]. Поэтому, как отмечает Е.В. Гаврилов, слова-маркеры «я думаю», «я считаю», «по моему мнению», «на мой взгляд» и т.п. лишь внешне создают иллюзию того, что информация излагается в форме мнения. В такой ситуации основная задача состоит в том, чтобы анализировать фразу в целом, в контексте всего набора слов. Если на выходе текст представляет собой однозначную позицию, которую можно проверить на предмет соответствия действительности, то

указанные слова-маркеры не должны расцениваться как снимающие с ответчиков ответственность за распространение именно диффамационных сведений [8, с. 34].

Таким образом, поскольку мнение зачастую может быть фактологическим и, соответственно, подлежащим проверке на соответствие, целесообразным является то, что при разрешении данного вопроса в судебном решении должно быть отражено, что оспариваемая фраза, словосочетание или статья хоть и является мнением определенного лица (ответчика по делу), однако данное мнение не соответствует действительности. В результате, перед судом стоит непростая задача: в каждом конкретном случае определять, есть ли в оспариваемой фразе утверждения о фактах или нет и можно ли их отнести к оценочным суждениям определенного человека, которое нельзя проверить на соответствие действительности.

Однако, в судебной практике наблюдается тенденция расширения предмета доказывания по делам о защите деловой репутации юридических лиц. В данном случае, как замечает Е.В. Гаврилов, речь идет о возложении на истца (юридическое лицо) обязанности подтвердить наличие у него сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений, а также наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, факт утраты доверия к его репутации или ее снижения [7, с. 6].

Примером является Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2021 по делу № А56-16767/2020, где суд установил, что истцом для подтверждения наступления неблагоприятных последствий в виде нематериального вреда деловой репутации истца необходимо установить факт сформированной деловой репутации истца, а также факт утраты доверия к его репутации, следствием чего может быть сокращение числа клиентов и утрата конкурентоспособности. Однако, в данном случае истцом не были представлены доказательства уровня деловой репутации на момент спорных публикаций, а также факта утраты доверия к ее репутации после публикаций. В связи с чем, суд постановил отказать в удовлетворении апелляционной жалобы [15].

Вместе с тем, необходимо более конкретно остановиться на Определении Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2021 № 305-ЭС21-14231. В данной ситуации ООО «Р.» обратилось в суд с иском к патентному поверенному К. с требованиями о признании не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию истца сведений, изложенных в электронных письмах ответчика, направленных им третьим лицам, о том, что истец занимается фальсификацией доказательств, в том числе, представляя сфабрикованные доказательства принадлежности им авторских прав. Истец полагает, что данные сведения порочат его деловую репутацию, поскольку создают представление об истце как компании, предъявляющей незаконные и необоснованные требования, подтверждаемые сфабрикованными доказательствами, тем самым, о заведомо недобросовестном лице.

Однако, нижестоящие суды высказали вышеупомянутую позицию: истцом не представлено доказательств, подтверждающих наличие сформированной репутации в соответствующей сфере деятельности и наступления неблагоприятных последствий, в том числе в виде утраты доверия потребителей и контрагентов к его репутации, а также истцом не доказан порочащий характер сведений, распространенных в электронном письме. В результате, в удовлетворении искового заявления было отказано.

Проанализировав данную позицию нижестоящих судов, Верховный Суд РФ с ней не согласился и обратил внимание, что в общий предмет доказывания по данной категории дел входят факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений, а также несоответствие распространенных сведений действительности. При отсутствии хотя бы одного из перечисленных обстоятельств (классических элементов диффамации) иск не может быть удовлетворен судом. Вместе с тем, Верховный Суд РФ высказал позицию о том, что деловая репутация, требующая защиты, существует у юридических лиц изначально, право на деловую репутацию, включая право на ее защиту, связано с правовым статусом, правосубъектностью организаций. В связи с этим, юридическое лицо не обязано доказывать ее наличие, а у суда нет правовых оснований требовать это доказать. При этом Судебная Коллегия Верховного Суда РФ констатировала, что подтверждение наличия сформированной деловой репутации необходимо только для компенсации репутационного вреда [14].

Следовательно, значение вынесенного Верховным Судом РФ Определения состоит в том, что для реализации признания сведений порочащими, их опровержения (заявленные требования истца в данной ситуации), в отличие от компенсации репутационного вреда, не требуется доказывать наличие сформированной деловой репутации.

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод, что в предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации входят четыре обязательных группы обстоятельств: факты, подтверждающие порочащий характер информации; распространение этой информации; несоответствие действительности порочащих сведений и то, что распространенная информация не является выражением мнения. Если одно из вышеуказанных обстоятельств будет отсутствовать, то в удовлетворении искового заявления будет отказано. При этом порочащий характер сведения может быть связан не только с обстоятельствами, противоречащими нормам права и морали, но и такими, которые затрагивают честь и достоинство лица как профессионала, и, соответственно, не являются негативными в традиционном понимании этого.

Основной проблемой в судебной практике является разграничение выражения собственного мнения, свободы слова и утверждений о фактах или событиях, которые можно проверить. Если имеют место быть суждения, мнения, то данные обстоятельства не являются предметом судебной защиты по ст. 152 ГК РФ, вследствие чего суды должны идти по пути разграничения данных категорий, основываясь на толковании Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации, <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета. № 140-141. 27.07.2002.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.
7. Гаврилов Е.В. Защита деловой репутации «Рыжего кота». Комментарий к Определению Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2021 № 305-ЭС21-14231 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 2. С. 5-16.
8. Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц: монография / Е. В. Гаврилов. Москва: Юстицинформ. 2022. 344 с.
9. Нахова Е.А. Предмет доказывания в цивилистическом процессе: монография / Е. А. Нахова. СПб: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). 2017. 247 с.
10. Пешина И.Ю., Шаблинский И.Г. О свободе выражения мнения: ЕСПЧ - о деле российской журналистки // Труды по руссиеведению. 2021. № 8. С. 171-186.
11. Чекмарев Э.В., Чекмарева А.В. К вопросу о цели судебного доказывания в гражданском процессе // Вестник СГЮА. 2023. №4 (153). С. 199-205.
12. Эрделевский А.М. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // Хозяйство и право. 2006. № 1(348). С. 133-137.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. № 50. 15.03.2005.
14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.11.2021 № 305-ЭС21-14231 по делу № А41-54681/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/be9f7246-79ac-4e85-9cf2-308983249e9e>
15. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2021 по делу № А56-16767/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0c3daef9-97f5-44c4-9e8b-36466113970d>
16. Резник Г.М. Защита чести, достоинства и деловой репутации (вебинар Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 26 апреля 2017 года). // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VSdg3peG8Mk>.

Об авторе:

МАТВЕЕВА Софья Андреевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности»,

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: samatveeva1@edu.tversu.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ ПОРОЧАЩИХ СВЕДЕНИЙ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

С.А. Матвеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

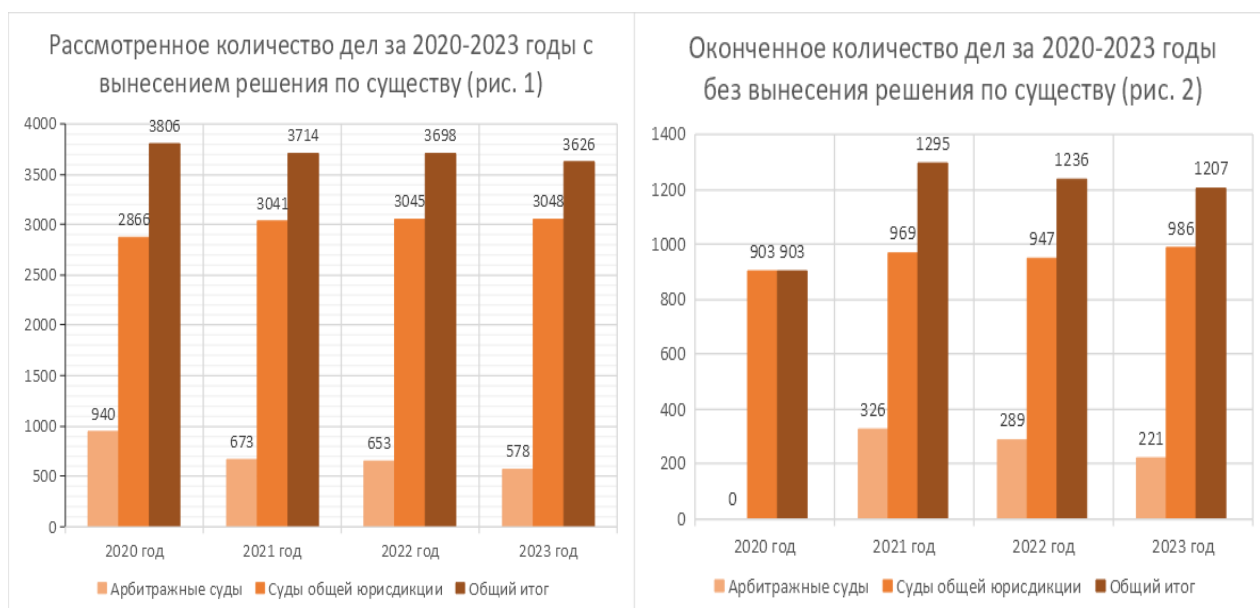
Научный руководитель к.ю.н., доцент Г.Н. Захаров

В статье анализируются нормы действующего законодательства, предусматривающие особенности доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений в сети «Интернет». Рассмотрена проблема установления автора размещенной информации, то есть надлежащего ответчика по делу, а также удаление информации с Интернет-сайта. Проанализированы специальные виды доказательств, которые используются для подтверждения требований.

Ключевые слова: честь, достоинство и деловая репутация, сеть «Интернет», порочащий характер сведений, несоответствие действительности, надлежащий ответчик, опровержение, доказательства.

Уважение чести, достоинства и деловой репутации является одной из главных составляющих современного демократического общества. Честь, достоинство и деловая репутация соизмеримы с отношением к человеку как высшей ценности, с уважением к личности. Для юридических лиц деловая репутация является одним из условий их успешной профессиональной деятельности, поэтому ее защита обусловлена обеспечением объективной оценки деловых (профессиональных) качеств юридического лица в общественном сознании.

Приведем статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2020-2023 гг. (рис. 1, 2, табл. 1, 2) [18].

Принятое решение по делу (табл. 1)				
	Суды общей юрисдикции / Арбитражные суды			
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Удовл. заявленных требований	1124 / 365	1288 / 260	1472 / 265	1405 / 222
Отказ в удовл. заявленных требований	1742 / ?	1753 / 413	1573 / 370	1643 / 352

Причины окончания производства (табл. 2)				
	Суды общей юрисдикции / Арбитражные суды			
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Прекращено	380 / ?	382 / 121	358 / 115	350 / 74
Применена процедура медиации	0 / 0	0 / 0	0 / 0	0 / 0
Оставлено без рассмотрения	255 / ?	299 / 55	287 / 38	321 / 49
Передано по подсудности	207 / ?	287 / 35	301 / 25	314 / 24

Большое количество дел о защите чести, достоинства и деловой репутации к гражданам, юридическим лицам и средствам массовой информации в судах общей юрисдикции первой инстанции, а также дел о защите деловой репутации в арбитражных судах первой инстанции обусловлено во многом тем, что развитие информационных технологий и внедрение их в гражданский оборот предоставляет широкие возможности для повсеместного распространения ложной, порочащей, не соответствующей действительности информации, вследствие чего увеличивает уязвимость таких нематериальных благ как честь, достоинство и деловая репутация. Однако, в настоящее время деловая репутация, в частности, юридического лица или, например, индивидуального предпринимателя является во многом ключевым фактором для дальнейшего сотрудничества.

В связи с этим на платформе Casebook для бизнес-сообщества был создан новый инструмент для поиска связи и аффилированности – программа «Слухи». Поскольку ручной поиск взаимосвязей контрагента, отзывов о его работе весьма трудозатратный, требует изучения различных источников и самостоятельного определения сложившейся репутации юридического лица в бизнес-сообществе, не так давно был создан данный специальный сервис, который это сделает автоматически. В результате, пользователи данного сервиса не будут тратить время на сбор и анализ данных из разных источников, достаточно одного взгляда на интерактивный дашборд, чтобы оценить состояние компании, с которой предстоит сотрудничество [17]. Соответственно, в том случае, если о контрагенте на том или ином Интернет-сайте или в социальных сетях размещены статья, отзыв и т.п., не соответствующие действительности, порочащие его деловую репутацию, то вышеназванная программа это определит и предоставит эту информацию о компании. Однако, не зная, что данная информация о компании является ложной, у того или иного лица будет уже сформировано негативное мнение о такой компании, сложившаяся деловая репутация о ней, скорее всего, не позволит в дальнейшем построить сотрудничество.

Поскольку каждый может столкнуться с определенной критикой в свой адрес и негативным отношением во «Всемирной паутине» в связи с активным исполь-

зованием сети «Интернет», возникает закономерный вопрос, каким образом доказать, что честь, достоинство и деловая репутация были опорочены, какие использовать доказательства для этого.

Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ [4] были внесены изменения в ст. 152 ГК РФ [1]. Защита чести, достоинства и деловой репутации, опороченных в сети «Интернет», была законодательно регламентирована в п. 5 данной статьи. В силу п. 5, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет».

Вместе с тем, необходимо обратиться к способам доказывания факта распространения порочащих сведений в сети «Интернет». В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2010 № 16 [14] сказано, что нет каких-либо ограничений в способах доказывания факта распространения сведений через телекоммуникационные сети, в том числе через сайты в сети «Интернет». В связи с этим на основании ст.ст. 55 и 60 ГПК РФ [3] стороны вправе подтверждать свои требования любыми доказательствами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Одной из центральных проблем в доказывании по данной категории дел является установление автора размещенной информации – надлежащего ответчика по делу. Это объясняется тем, что зачастую порочащие и не соответствующие действительности сведения могут быть распространены анонимно. Вследствие этого, ответчиком по делу является владелец сайта, где размещена данная информация. Необходимо понимать, что нельзя обязать владельца сайта отслеживать информацию, размещенную на сайте в сети «Интернет», на предмет соответствия ее действительности. Поэтому возможность доказывания в суде данного обстоятельства именно владельцем сайта будет существенно затруднена.

При этом также необходимо заметить, как пишет Е.В. Гаврилов, особенность определения надлежащего ответчика по требованию об удалении информации из сети «Интернет» состоит в том, что надлежащим ответчиком в данном случае является владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте [7, с. 12]. В результате, для того чтобы установить владельца сайта (администратора), используется, как отмечают П.В. Шевцов и Л.Н. Мисник, специальный вид доказательства – справка регистратора доменного имени о принадлежности сайта в сети «Интернет» ответчику [11, с. 90].

Рассматривая данный вид доказательства, обратимся к Постановлению Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 января 2019 г. № 13АП-34772/2018. Было установлено, что ООО «Ц.» обратилось в суд с иском о признании сведений, размещенных на Интернет-странице сайта в отношении ООО «Ц.» и продукта коммерческой деятельности несоответствующими действительности и порочащими деловую репутацию. В рамках данного дела для установления надлежащего ответчика регистратором доменных имен РЕГ.РУ были представлены сведения, согласно которым владельцем (администратором) домена

сайта является О. Вследствие чего, он был привлечен в качестве ответчика по данному делу [16]. Приведенный пример свидетельствует о том, что справка регистратора доменного имени о принадлежности сайта в сети «Интернет» помогает установить надлежащего ответчика.

Необходимо констатировать, что часто бывают случаи, когда не представляется возможным установить и привлечь к делу надлежащих ответчиков. К примеру, это может произойти, если владелец сайта в сети «Интернет» и (или) администратор доменного имени зарегистрированы за пределами Российской Федерации, а автор порочащих сведений - анонимное лицо. Кроме того, С. Баринов усматривает, что нарушители могут использовать комплекс специальных программ (прокси-серверов, веб-прокси, ремейлеров, анонимайзеров и т.п.), целью которых является сокрытие информации о его компьютере и о нем самом. Так, при использовании указанных средств установление лица, отправившего, например, сообщение, практически исключено [6, с. 8].

Однако, подобное обстоятельство не может свидетельствовать о том, что свои права на честь, достоинство и деловую репутацию защитить нельзя. Так, необходимо обратить внимание на п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 [13], где закреплено, что в данном случае имеют место свои особенности: в гражданском процессе в отсутствие ответчика предусмотрено рассмотрение дела в порядке особого производства (гл. 28 ГПК РФ), а в арбитражном процессе при защите деловой репутации юридических лиц – в порядке рассмотрения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение (гл. 27 АПК РФ [2]). Следует отметить, что установление факта распространения не соответствующей действительности информации напрямую не отнесено к перечню фактов, устанавливаемых судом в порядке особого производства, однако данный перечень не является исчерпывающим, вследствие этого, установление факта распространения не соответствующей действительности информации необходимо отнести к фактам, имеющим юридическое значение. В такой ситуации заявитель должен доказать факт порочности распространенных сведений, а также невозможность установить лиц, распространивших такие сведения и то, что иная возможность подтверждения либо опровержения факта распространения порочащих сведений отсутствует [9, с. 128].

Кроме того, существенной проблемой при распространении порочащих сведений в сети «Интернет» является также удаление информации с Интернет-сайта. Однако, факт удаления оспариваемых сведений с Интернет-страницы не может являться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований о размещении опровержения, поскольку данные сведения были размещены на сайте ответчика определенное количество времени, с ним мог ознакомиться неопределенный круг лиц. Следовательно, удаление сведений в дальнейшем создает сложность в доказывании распространения порочащих сведений. Тем самым, возникает проблема с представлением истцами доказательств, которые подтвердили бы факт распространения порочащих сведений в сети «Интернет». Например, как утверждает И.В. Решетникова, факт распространения порочащих

сведений в сети «Интернет» на информационном ресурсе может быть подтвержден отпечатанной на бумажном носителе страницей веб-сайта, на котором были размещены сведения. Но при этом автор отмечает, что воспроизведение страницы на бумажном носителе не может однозначно являться доказательством факта распространения порочащих истца сведений [10, с. 103].

Однако, на практике существует выход из подобного рода ситуаций – предварительная обеспечительная мера, позволяющая сохранить оспариваемую информацию до ее возможного удаления ответчиком. Она заключается в нотариальном удостоверении Интернет-страницы по состоянию на определенный момент времени, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным в силу статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [5].

При этом должны быть учтены некоторые моменты, о которых пишет А.В. Дудченко. В частности, необходимо распечатать Интернет-страницу таким образом, чтобы была видна дата печати и адрес файла. Также Интернет-страница должна быть распечатана в полном виде, иными словами, страница должна быть такой, какой она представлена перед любыми посетителями сайта. Это обусловлено тем, чтобы ни автор публикации, ни администратор сайта не могли изменить содержание публикации. В результате, нотариус, имея распечатку Интернет-сайта, составляет протокол нотариального доверия, обеспечивающий в дальнейшем письменное доказательство путем доступа к Интернет-странице и последующего ее осмотра в порядке, который предусмотрен законом [8, с. 76]. Также Т.В. Ярошенко говорит о том, что в протоколе должна быть указана информация об использованных при осмотре технических средствах. Это необходимо для того, чтобы подтвердить использование сертифицированного оборудования и лицензионного программного обеспечения. Кроме того, нотариус должен указать в протоколе, что распечатанная информация по сравнению с размещенной на электронном ресурсе исправлений и искажений не имеет [12, с. 17].

Обращаясь к правоприменительной практике, необходимо привести пример о предоставлении истцом в качестве доказательства нотариального удостоверения Интернет-страницы. Примем во внимание Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.11.2022 по делу № А56-58327/2021. Арбитражным судом было установлено, что ЗАО «М.» обратилось с иском о признании недействительности информации о лекарственном препарате для ветеринарного применения «Г.», порочащую деловую репутацию ЗАО «М.», со всех страниц сети «Интернет», на которых была размещена информация. В подтверждение распространения ответчиком недостоверных, порочащих сведений, истцом в материалы дела представлены нотариально удостоверенный нотариусом г. Москвы М. протокол осмотра от 19.04.2021 сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», произведенный в целях обеспечения доказательства. Вследствие чего, данное доказательство было учтено судом [15].

Вместе с тем, целесообразно отметить, что обращение к нотариусу процесс не совсем быстрый и требует некоторого количества времени, которого может

не хватить до возможного удаления ответчиком оспариваемой информации. Вследствие этого, появилось альтернативное средство для обеспечения доказательств взамен традиционного нотариального заверения, которое позволяет правильно заверить (зафиксировать) содержимое сайта, мобильного приложения или электронной переписки для суда («ВЕБДЖАСТИС»). В данном случае истцу для того, чтобы доказать нарушение своих прав, достаточно с помощью автоматизированной системы «ВЕБДЖАСТИС» зафиксировать факт публикации, содержание видеоролика и т.п. Сервис в автоматическом режиме подтвердит это протоколом, о приобщении которого в дальнейшем истец попросит в суде [19].

Подводя итог, следует отметить большую роль сети «Интернет» в распространении не соответствующих действительности и (или) порочащих сведений, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию лиц. Основной проблемой является установление надлежащего ответчика. При этом необходимо заметить, что надлежащими ответчиками в данном случае могут быть владелец сайта или иное уполномоченное им лицо, которое размещает информацию на том или ином сайте. Однако, владельцу сайта затруднительно доказывать соответствуют или нет действительности размещенные сведения, поскольку владелец сайта не может отслеживать все размещенные сведения на сайте в сети «Интернет» на предмет соответствия их действительности. Вследствие этого, в таких спорах, когда невозможно установить лицо, распространившее сведения, предусмотрено рассмотрение подобного рода требований в порядке особого производства в судах общей юрисдикции или в порядке рассмотрения дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, в арбитражных судах.

Кроме того, необходимо констатировать, что по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации при распространении порочащих сведений в сети «Интернет» для подтверждения своих требований используются специальные виды доказательств – справка регистратора доменного имени о принадлежности сайта в сети «Интернет» ответчику, а также нотариальное удостоверение Интернет-страницы. При этом нотариально удостоверенный протокол осмотра сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» является важным доказательством, поскольку размещенная в Интернете информация в любой момент может быть удалена с информационного ресурса, что приведет к безвозвратной утере соответствующего доказательства нарушения прав, а нотариальное удостоверение Интернет-страницы поможет подтвердить распространение не соответствующих действительности, порочащих сведений.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Парламентская газета. № 140-141. 27.07.2002.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.11.2002. № 46. ст. 4532.
4. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации, <http://www.pravo.gov.ru>. 03.07.2013.

5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 11.03.1993. № 10. ст. 357.
6. Баринов С. Защита от неизвестного диффаматора // ЭЖ-Юрист. 2017. № 21. С. 1-8.
7. Гаврилов Е.В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. 2018. № 10. С. 11-14.
8. Дудченко А.В. Удаление информации в сети Интернет как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Закон и право. 2019. № 4. С. 75-77.
9. Пустовалова И.Н., Валеева И.А. Актуальные вопросы правовой защиты чести и достоинства (теория и практика) // Век качества. 2020. № 4. С. 123-138.
10. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве (7-е издание, дополненное и переработанное) (под ред. И.В. Решетниковой) // Норма, ИНФРА-М. 2021. 472 с.
11. Шевцов П.В., Мисник Л.Н. Защита деловой репутации юридических лиц в сети Интернет: практические аспекты // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 4. С. 87-95.
12. Ярошенко Т.В. Формы взаимодействия суда, нотариата и адвокатуры в защите гражданских прав // Нотариус. 2021. №7. С. 16-19.
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. № 50. 15.03.2005.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. № 132. 18.06.2010.
15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.11.2022 № Ф07-14883/2022 по делу № А56-58327/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/82f92b68-0e5c-4eb1-ae26-6ef896ca7276> (дата обращения 12.05.2024).
16. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2019 № 13АП-34772/2018 по делу № А56-65835/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/40b1ca7e-27dd-4105-99a7-2b602bae457b> (дата обращения 11.05.2024).
17. Команда ПравоТех – Связи и аффилированность в Casebook: новые горизонты с GPT [Электронный ресурс] // URL: <https://my.mts-link.ru/casebook/768232692/record-new/2089962318> (дата обращения 10.05.2024).
18. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 10.05.2024).
19. Сервис онлайн фиксации доказательств в сети «Интернет» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.shotapp.ru/request?promo=sine014> (дата обращения 17.05.2024).

Об авторе:

МАТВЕЕВА Софья Андреевна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: samatveeva1@edu.tversu.ru

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

П.С. Матижев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор Л.В. Туманова

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые предусматривают обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Рассмотрена проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений, мнений. Проанализирована судебная практика о расширении предмета доказывания по делам о защите деловой репутации юридических лиц.

Ключевые слова: адвокат, конфиденциальность, доверитель, тайна, защита информации, профессиональная этика.

Каждый гражданин Российской Федерации в соответствии со статьей 48 Конституции РФ имеет право на квалифицированную юридическую помощь. Тот факт, что подобная норма закреплена в нормативных актах высшей юридической силы говорит о ее особой важности. В России основным институтом, обеспечивающим исполнение данных положений, является адвокатура. Ее деятельность регулирует ФЗ об адвокатуре, который закрепляет основы адвокатской деятельности, и «Кодекс профессиональной этики адвоката» [1], в ст. 1 которого обозначено его основное назначение как документа, устанавливающего «обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности». Указанные нормативные акты устанавливают особый режим адвокатской тайны.

Отношения между адвокатом и подзащитным, доверителем и клиентом строятся на доверии, оно в свою очередь выступает главным условием принципа конфиденциальности адвокатской тайны. Отражением этого являются слова А. Ф. Кони: «Между защитником и тем, кто в тревоге и тоске от грозного надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою невиновность или объяснить свое падение и свой скрываемый от других позор, такими подробностями личной жизни и семейного быта, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухой» [2] следует отметить, что данная позиция актуально не только для уголовного, но и гражданского процесса.

Задача адвоката состоит в создании для доверителя всех условий для обеспечения его уверенности в сохранности конфиденциальности сведений, предоставленных адвокату в процессе разрешения конкретного спора без каких-либо специальных требований или условий со стороны последнего. До тех пор, пока между адвокатом и доверителем не будет достигнуто полное

взаимопонимание, невозможно говорить об оказании профессиональной и эффективной юридической помощи.

Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что адвокатская тайна является одновременно юридическим и вместе с тем этическим вопросом. Понятно, что для этических норм характерен более общий характер, что требует дополнительного регулирования, в частности, правилами профессиональной этики. Тогда как в правовом плане этот вопрос урегулирован нормами законодательства об адвокатуре, уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным законом. По данному вопросу высказался Д. Ватман: «Принцип адвокатской тайны установлен законом и, следовательно, является правовой нормой, определяющей в ряде случаев права и обязанности участников процессуальной деятельности при отправлении правосудия. Вместе с тем это процессуальное правило, относящееся прежде всего к адвокатам, имеет глубоко нравственное содержание, что делает его одним из важнейших принципов профессиональной адвокатской этики» [3].

В общем виде правило конфиденциальности адвокатской деятельности можно сформулировать следующим образом: вся полученная от клиента информация, которая касается обстоятельств и фактов дела, также все факты, которые стали известны адвокату в связи с выполнением им поручения, а также сам факт обращения клиента должны сохраняться в тайне. Указанную выше информацию адвокат не должен разглашать до тех пор, пока он не будет уполномочен клиентом на это, либо же это не потребуется на основании нормы закона или разрешено (предусмотрено) правилами профессиональной этики адвоката.

Обязанностью адвоката является сохранение конфиденциальности в отношении любого доверителя, вне зависимости от того обратился этот клиент за оказанием разовой помощи или является постоянным для адвоката. Его обязанностью является в одинаковой степени сохранять в тайне как информацию о личности клиента, так и сведения, полученные от него. Здесь представляется необходимым отметить, что данное этическое правило конфиденциальности должно применяться безотносительно к тому факту, что другие лица могут владеть такой же информацией, иметь к ней доступ и т.п. Более того, уже на первой встрече с клиентом адвокат должен точно узнать какие сведения он вправе использовать при выполнении своих основных обязанностей по договору представительства, а какие сведения должны оставаться в тайне и письменного все это закрепить. При несоблюдении данного правила может произойти разглашение тайны.

Важно также обратить внимание на то, что все правила, регулирующие институт адвокатской тайны, также распространяется на их помощников, технический персонал юридических консультаций и адвокатских фирм (бюро), на наш взгляд данное правило является полностью обоснованным. В Общем кодексе правил для адвокатов стран Европейского Сообщества в пункте 2.3.4., к примеру, это положение выделено в отдельное правило и сформулировано следующим образом: «Адвокат обязан требовать соблюдения

конфиденциальности от помощников и от любых других лиц, принимающих участие в оказании услуг клиенту. Адвокат обязан предпринять все необходимые меры для соблюдения положений настоящего правила его помощниками, ассоциаторами, секретарями и иным персоналом юридической консультации, адвокатского бюро (фирмы), кабинета» [4].

Чтобы определить с какого момента на адвоката распространяются требования о сохранении конфиденциальности, необходимо установить момент возникновения адвокатской тайны. Долгое время этот вопрос был предметом споров ученых. По мнению директора, адвокатского бюро «Аргумент» Московской городской коллегии адвокатов, А. Кучерены [5] моментом возникновения адвокатской тайны является момент обращения к адвокату за юридической помощью. Однако представляется, что данное и все подобные определения являются достаточно размытыми и не дают полного понимания того, в какой конкретный момент возникает адвокатская тайна.

Также по вопросу о моменте возникновения адвокатской тайны высказался, Барщевский М.Ю. [6]. По его мнению, адвокатская тайна возникает с момента, когда клиент переступил порог юридической консультации, адвокатской фирмы, бюро. Таким образом все дальнейшие события составляют предмет адвокатской тайны. Факт обращения конкретного лица к адвокату, существо его проблемы, содержание первичной консультации и иные связанные с этим вопросы – уже должны обладать свойством конфиденциальности и составлять предмет адвокатской тайны. Более того, если первоначально к адвокату обратился не сам будущий клиент, а кто-либо из его семьи, родственников, то есть лиц, с которыми впоследствии никакого соглашения о ведении дела не заключалось, общее правило останется неизменным - вся информация, полученная от этого члена семьи, родственника, просто сам факт его обращения — это адвокатская тайна. Однако, видится невозможным сохранить полную конфиденциальность самого факта общения адвоката с доверителем, в частности сохранить в тайне само появление клиента на консультации и тому подобное.

Целесообразно разобрать потенциально реальную ситуацию, которая может возникнуть у адвоката в его деятельности. Рассмотрим пример Барщевского М.Ю., приведенный в книге «Адвокатская этика» [7]. Проводя анализ, автор сделал скидку на ряд допущений в приведенных ситуациях, как, например, наличие документов, подтверждающих право на наследство, так, при разборе спора относительно права на наследство было допущено предположение, что свидетельство о рождении, из которого можно сделать вывод о наличии родственных связей и соответствующего права, было утеряно и не было восстановлено до момента указанных событий.

Итак, к адвокату обратился гражданин А. с просьбой представлять его интересы по спору о разделе наследства с сестрой после смерти их отца. Адвокатом был заключен соответствующий договор представительства с гражданином А. Спустя некоторое время к адвокату гражданина А. обратилась мать спорящих сторон и сообщила, что умерший отец хотя и являлся отцом ребенка, однако в свое время, когда он был репрессирован, было оформлено

усыновление мальчика братом умершего. От сына это скрывали, но как она сказала «обратно документы не переоформили». Мать интересовал вопрос, имеет ли сын право на наследство. Итак, мы имеем ситуацию, в которой адвокат гражданина А. стал обладателем информации, полученной от третьего лица – его матери, которое прямым образом влияет на оценку законности притязаний его клиента – гражданина А. на спорное наследство. Здесь возникает несколько сложностей. Во-первых, в соответствии с положением ст. 139 СК РФ [8] адвокат не вправе раскрывать тайну усыновления. Во-вторых, информация получена от третьего лица, в данной случае матери спорящих сторон, (т. е. формально, самостоятельного «клиента») и, соответственно, уже в силу этого первому клиенту - сыну сообщена быть не может, поскольку охраняется адвокатской тайны. В данном случае очевидно возникновение конфликта интересов, поэтому единственным верным решением для адвоката будет отказ матери гражданина А. в консультации. Но вне зависимости от данного отказа в консультации так или иначе информацию он все же получил. Возникает логичный вопрос: как в таком случае необходимо поступить адвокату в отношении своего клиента – гражданина А., с которым был оформлен договор представительства? Продолжать оказывать услугу по договору он более не вправе, так как незаконность притязаний его клиента на наследство с учетом, уже ставших ему известными обстоятельств, а именно факт оформленного усыновления гражданина А. братом умершего, очевидна. По вышеуказанным обстоятельствам объяснить клиенту причины изменения собственной позиции адвокат также не вправе. Единственно возможный и верный выход из данной ситуации – это договор представительства с гражданином А. без объяснения причин, при этом назвать иную «надуманную» причину адвокат не вправе, поскольку это нарушит принцип честности адвокатской деятельности. Столь «жесткая» рекомендации представляется необходимой поскольку мы полагаем, что адвокат не вправе даже намекать клиенту на истинные причины своего отказа от дальнейшего ведения дела, так как это будет равносильно разглашению адвокатской тайны, которая, как мы уже говорили выше, действует в отношении матери гражданина А., а также разглашению, либо же созданию условий, способствующих разглашению, тайны усыновления.

Еще одна возможная, хотя, как представляется, менее острая коллизия [9], с которой часто сталкиваются адвокаты в своей деятельности, касается использования сведений, полученных непосредственно от клиента. Рассмотрим ситуацию, когда доверитель уже работает с адвокатом и сообщает ему определенные сведения по делу, однако по тем или иным причинам просит их не использовать в суде. Адвокат же считает, что именно данные обстоятельства могут быть ключевыми в формировании позиции суда по делу. Более того, по его мнению, без использования этих сведений, дело не имеет перспективы положительного решения в суде. Как в подобном случае должен поступить адвокат? Исходя из норм действующего законодательства и коррелируя их с положениями адвокатской этики, в аналогичных ситуациях, у адвоката есть всего две возможные линии поведения. Первый вариант – не использовать

полученные сведения и продолжить вести дело при помощи иной доступной информации. Однако такой вектор развития редко избирается адвокатами, так как содержит больше рисков, чем преимуществ. Вторая возможная линия поведения состоит в следующем. Если те сведения, что клиент сообщил адвокату, но запретил их использовать в суде действительно являются определяющими для положительного решения по делу тогда адвокат, придя к выводу, что иных, способов, на которые согласен его клиент нет, он должен отказаться от ведения дела, сохраняя на все дальнейшее время полученную им информацию в тайне.

Обратимся еще раз к примеру, с наследственным делом. Представим себе, что теперь уже к адвокату Б. обратилась дочь умершего и сообщила ему, что ее брат формально не наследник после отца, так как был усыновлен другим лицом. При этом клиентка категорически возражала против разглашения этих сведений и осуществления каких-либо действий, в результате которых данный факт может стать известен брату. Вместе с тем она просила адвоката Б. предпринять все возможные шаги к увеличению ее доли в наследстве.

Подобная ситуация с конфликтом интересов была рассмотрена в решении Адвокатской палаты города Москвы № 345 от 29 ноября 2022 года, где к адвокату применили меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката [10]. В данном деле совет Адвокатской палаты города Москвы рассмотрел посредством видеоконференцсвязи в закрытом заседании с участием заявителя Д. дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. и установил, что адвокатом был допущен ряд нарушений.

Во-первых, нарушение абз. 5 пп. 2 п. 4 ст. 6 ФЗ об адвокатуре, выразившееся в том, что 07 апреля 2022 года адвокат Ш. заключила соглашение об оказании юридической помощи с Де., в соответствии с которым приняла поручение Де. на представление его интересов в судебном споре о признании недействительным брачного договора, заключенного им с Д., в период, когда Д. являлась доверителем адвоката Ш., и адвокат Ш. оказывала Д. юридическую помощь на основании заключенного с ней Соглашения об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года

Во-вторых, нарушение пп. 5 п. 4 ст. 6, п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положениями п.п. 1-5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, пп. 4, 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся это в том, что, заключив с Де. 07 апреля 2022 года Соглашение об оказании юридической помощи, адвокат Ш. оказывала предусмотренную этим соглашением юридическую помощь в условиях конфликта интересов с Д. – доверителем адвоката Ш. по Соглашению об оказании юридической помощи от 18 октября 2021 года, используя составляющие профессиональную (адвокатскую) тайну сведения об имуществе, правах и обязательствах доверителя Д., которые стали известны адвокату Ш. в связи с оказанием юридической помощи доверителю Д., а именно: подготовила для Де. и подала от его имени в Б. районный суд г. Москвы исковое заявление к

Д. о признании недействительным брачного договора, а также ходатайствовала перед судом о применении мер по обеспечению иска в виде запрета Управлению Росреестра по городу Москве производить регистрацию права собственности на недвижимое имущество (квартира и два машиноместа), являвшееся предметом договоров участия в долевом строительстве от 27 мая 2020 года, заключенных Д., и в связи с которыми адвокат Ш. в начале 2022 года оказывала Д. юридическую помощь и представляла ее интересы в И. районном суде г. Москвы по иску к застройщику.

Давая оценку выдвинутых дисциплинарных обвинений Совет прежде всего подчёркивает, что отношения, складывающиеся между адвокатом и лицом, которому он оказывает квалифицированную правовую помощь, носят доверительный характер, и совершение адвокатом юридически значимых действий в интересах своего доверителя основано на особых отношениях доверия. Такая доверительность обусловлена тем, что в процессе оказания юридической помощи адвокат получает доступ к сведениям и документам о личной жизни доверителя.

Доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны [11]. Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации (п. 1 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Учитывая достоверно установленные Квалификационной комиссией обстоятельства, подтверждающие, что адвокат Ш. не только приняла поручение Де. в нарушение требований ФЗ об адвокатуре, создав тем самым ситуацию конфликта интересов своих доверителей (Д. по Соглашению от 18 октября 2021 года и Де. по Соглашению от 07 апреля 2022 года), но и фактически оказывала Де. юридическую помощь в условиях конфликта интересов: разработала правовую позицию по иску к Д. с использованием сведений, составляющих профессиональную (адвокатскую) тайну, в исковом заявлении обвинила Д. в злоупотреблении правом в отношении «нового» доверителя Де. при заключении между ними брачного договора, а также совершила юридически значимые действия, направленные на создание Д. препятствий в получении в собственность, регистрации прав и распоряжении объектами недвижимого имущества, являющимися предметом спора, в котором адвокат Ш. ранее оказывала юридическую помощь Д. и представляла её интересы: включила в исковое заявление Де. к Д. требование о применении 9 мер обеспечения иска в виде запрета на совершение регистрационных действий в отношении этих объектов.

В этой связи Совет подчёркивает, что обязанность адвоката по предотвращению конфликта интересов доверителей состоит также и в том, чтобы воздерживаться от оказания юридической помощи новому доверителю, если это нарушает конфиденциальность сведений, доверенных ему прежним доверителем, или создает риск такого нарушения, при этом сведения, доверенные адвокату одним доверителем, не могут служить для другого

доверителя источником для получения преимуществ, и адвокат не может представлять лицо, интересы которого противоположны интересам его настоящего или бывшего доверителя, то есть адвокат всегда должен принимать все возможные меры к тому, чтобы избегать подобного конфликта интересов.

Как уже было сказано за такие действия к адвокату Ш. применили меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Данное решение представляется корректным и обоснованным. Соответственно, если в обозначенном примере, адвокат решит представлять интересы сестры, это может также повлечь лишение статуса.

Также прекращение статуса адвоката может произойти вследствие заключения им соглашения путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело в обход порядка назначения защитников. Так решением совета адвокатской палаты города Москвы от 20.12.2022 № 363[12] был прекращен статус адвоката за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем, что выразилось в заключении им 25 ноября 2021 года в помещении следственного отдела с доверителем «Договора-поручения» путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов в целях последующего вступления в уголовное дело, находящееся в производстве следователя, в качестве защитника по соглашению в обход взаимосвязанных положений ч. 2 и ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

Возникшая обязанность адвоката сохранять полученную им конфиденциальную информацию действует не только в течение времени оказания адвокатом юридических услуг, но и продолжает свое существование и после прекращения взаимоотношений адвоката и доверителя по юридическим вопросам. Данное положение закреплено в п.п. 2.3.2. - 2.3.4 общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества, где сказано: «На обязанность соблюдения конфиденциальности не распространяется действие срока давности». Не влияет на это правило и возникновение каких-либо разногласий и конфликтов между адвокатом и его клиентом.

Также для того, чтобы в полной мере соблюсти требования о конфиденциальности информации, адвокат должен с должным уровнем ответственности относиться к общению со своими близкими друзьями, родственниками и даже с супругом(ой) или членами семьи для того чтобы в таком «неформальном общении» не были разглашены ни вопросы, касающиеся его прошлых и текущих клиентов, ни подробности конкретных дел и прочего, связанного с его профессиональной деятельностью, что подпадает под адвокатскую тайну.

Кроме того, адвокат должен быть осторожен в разговорах, которые каким-либо образом касаются его конкретных поручений, даже если в них не упоминается имя клиента или факты, по которым можно установить личность последнего. Обсуждение любых профессиональных вопросов между адвокатами в присутствии третьих лиц, особенно с упоминанием конкретных имен клиентов, обстоятельств конкретных дел и прочего, также нежелательно, поскольку несдержанные заявления, сделанные адвокатами и услышанные третьими лицами, могут нанести ущерб интересам клиента. Кроме того, это может негативно сказаться на имидже как самого юриста, так и имиджа всего юридического сообщества в целом и адвокатского сообщества в частности.

Если адвокат занимается творческой деятельностью, в частности пишет автобиографию, воспоминания и тому подобное, либо осуществляет преподавательскую, научную деятельность он должен не допускать распространения конфиденциальной информации в тексте своих произведений и прочего без согласия лица, дело с чьим участием он хочет описать в труде, поскольку подобные описания хотя и содержат в себе измененные имена, место действие и прочее, они все равно содержат обширный комплекс сведений о конкретном лице, например как в ранее приведенном примере, факт того, что кто-то был репрессирован, его детей усыновили и тому подобное.

Если при работе адвоката с клиентом тот требует или ожидает от него, что он поделится с ним конфиденциальной информацией о его другом текущем или уже бывшем клиенте, адвокат обязан проследить, чтобы сведения о другом его клиенте остались в тайне.

Примером подобной ситуации служит решение совета адвокатской палаты города Москвы от 28.02.2023 № 38[14], где было установлено, что адвокаты, не представившие детализированные отчеты об оказанной юридической помощи и материалы адвокатских производств новому руководству компании, сменившемуся в результате корпоративного конфликта с их прежними доверителями, правильно руководствовались безусловным приоритетом сохранения адвокатской тайны. При этом все остальные профессиональные обязанности адвокатами были исполнены надлежащим образом.

Ст. 6.1 ФЗ об адвокатуре устанавливает право адвоката направлять в органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, официальное обращение по входящим в компетенцию указанных органов и организаций вопросам о предоставлении справок, характеристик и иных документов, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи. По данному вопросу высказался Верховный суд РФ в ходе рассмотрения иска о признании недействующими некоторых требований, предъявляемых к оформлению адвокатского запроса [15] и пришел к выводу, что адвокат не должен объяснять необходимость получения запрашиваемых сведений. В частности, оспаривались подп. 5, подп. 11-12 п. 5 Требования к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, предписывающие указывать в запросе реквизиты соглашения об оказании

юридической помощи, сведения о подзащитном, а также обоснование получения запрашиваемых сведений.

Вынося решение по делу ВС РФ указал, что фамилия, имя и отчество физического лица, в чьих интересах действует адвокат, являются персональными данными. При этом обработка персональных данных допускается только с согласия субъекта персональных данных, в данном случае – подзащитного. А значит, при направлении адвокатского запроса в целях оказания юридической помощи доверителю адвокат не вправе без его согласия передавать персональную информацию третьим лицам. Таким образом, судьи сделали вывод, что предписания подп. 11 п. 5 Требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, предписывающие указывать в запросе реквизиты соглашения об оказании юридической помощи, сведения о подзащитном, а также обоснование получения запрашиваемых сведений в части указания фамилии, имени и отчества подзащитного не соответствуют Закону № 152-ФЗ.

Не соответствующим законодательству был признан и подп. 12 п. 5 Требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса. Суд указал на правовую неопределенность оспариваемой нормы, поскольку обязанность адвоката обосновывать получение запрашиваемых сведений не соответствует требованиям федерального закона (ч. 5 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"), а также вызывает неоднозначное толкование и трудности в его применении, поскольку не позволяет ясно определить, кем устанавливается необходимость такого обоснования – адвокатом либо лицом, в адрес которого он направляется. Следовательно, этот пункт также подлежит признанию недействующим.

Адвокат, обладающий информацией, которая является конфиденциальной государственной информацией или конфиденциальной коммерческой информацией об организации или физическом лице, полученной адвокатом в то время, когда он был государственным служащим либо сотрудником данной организации, не должен представлять интересы клиента, в делах, которые привести к конфликту интересов с той организацией или тем лицом, в отношении которого адвокат обладает конфиденциальной информацией, полученной в силу названных причин.

Когда и в каких случаях адвокат вправе раскрыть конфиденциальную информацию? В некоторых случаях такое может допускаться. Самый простой пример, который можно привести в данном случае, это определенное раскрытие информации в заявлении истца (или ответчика) или другом документе, предъявление которого необходимо в ходе судебного процесса по делу клиента. Также, адвокат может раскрывать информацию по делу клиента своим партнерам или сотрудникам своей юридической консультации (фирмы, бюро, кабинета) и, по мере необходимости, техническому персоналу, таким сотрудникам как: секретари, машинистки, референты и другие вспомогательные служащие для выполнения каких-либо поручений. Это подразумевает

обязанность адвоката в случае разглашения информации указать коллегам, студентам, помощникам и другому персоналу, что их деятельность подпадает под режим адвокатской тайны, о чем уже было сказано ранее со ссылкой на Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества.

Также раскрытие информации представляется возможным если имело место конкретно выраженное разрешение клиента на это. В этом случае адвокат будет иметь право раскрыть такую информацию, но не обязан этого делать. Например, клиент просит адвоката рассказать журналисту, о чем они беседовали во время первичной консультации. Возникает ситуация, когда разрешение на раскрытие информации есть, однако адвокат делать этого не обязан. Еще один пример довольно дискуссионной ситуации, когда клиент просит вызвать в суд своего адвоката для дачи показаний о содержании их беседы, о факте обращения к адвокату и подобных вопросах. В таком случае, представляется, что адвокат вправе обратить внимание суда на свой профессиональный свидетельский иммунитет, установленный ст. 69 ГПК РФ и отказаться от дачи показаний, если полагает, что это может нанести вред интересам самого клиента, либо же его собственным интересам. Здесь надо понимать, что адвокатская тайна — это не тайна клиента, которую клиент передал адвокату "на хранение до востребования", а тайна клиента, которую адвокат обязан хранить в режиме конфиденциальности.

Целесообразно обратить внимание на то, что адвокат, который принимает (принимал) участие в деле клиента, не должен давать показания в качестве свидетеля по делу, кроме случаев, когда такая обязанность возложена на него в силу закона, либо он делает это по просьбе и/или в интересах клиента, его правопреемников и/или партнеров. То же самое касается партнеров, помощников и ассоциаторов адвоката. Если адвокат стал необходимым свидетелем тогда, в интересах клиента, он должен дать соответствующие показания и передать ведение дела другому адвокату, данный порядок действий в такой ситуации видится оптимальным. Адвокат, который был свидетелем на одной из стадий слушания дела, не должен принимать поручение на ведение этого дела ни в какой из последующих судебных или государственных инстанциях.

Когда это необходимо в интересах клиента или его правопреемников, а получение соответствующего разрешения от клиента оказывается объективно невозможным в разумный срок разглашение конфиденциальной информации адвокатом также представляется возможным.

Можно выделить два случая, когда адвокатская тайна должна быть раскрыта в обязательном порядке. Первый - когда действия адвоката стали предметом рассмотрения соответствующего административного органа будь то дисциплинарная комиссия, комитет по этике и т.п. И второй - когда предметом адвокатской тайны оказалась информация о готовящемся преступлении. Но стоит отметить, что в этом случае существует также ряд вопросов, требующих отдельного внимания. В частности, разглашение информации, необходимое для предотвращения преступления будет законным, только в случае если у адвоката

имеются достаточные основания полагать, что существует реальная вероятность совершения преступления и неизбежно складывается ситуация, когда предупреждения преступления путем разглашения информации является единственной возможностью для его предотвращения.

Однако в такой ситуации существуют «подводные камни» [16], о которых следует сказать подробнее. Начнем с ситуации, когда к адвокату на консультацию приходит клиент и интересуется тем, какую ответственность он понесет, если, например, произведет отравление городского водопровода. Адвокат разъяснил последующие санкции, однако, косвенным признакам в поведении клиента понял, что такое наказание может не остановить преступные намерения лица. Тогда действуя в силу, крайней необходимости и во избежание возможной угрозы жизни и здоровью других людей, адвокат обязан предпринять разумные и достаточные шаги к предотвращению преступления. В этот момент важно понимать, что-либо клиент лишь высказывал намерение совершить преступление, тогда он не понесет ответственность, либо он уже завершил все подготовительные мероприятия для совершения преступления (запасся ядом, получил в свое распоряжение схему городского водопровода и т.д.). В любом случае раскрытие данной информации, которая все еще является конфиденциальной, может серьезно ударить по профессиональному имиджу адвоката. Как же тогда поступить в такой ситуации? Представляется, что поскольку само понятие адвокатской тайны возникло в интересах общества, то и степень ее охраны должна соотноситься с теми же интересами общества. Адвокатская тайна - не абсолютна. Адвокат обязан оценить меру общественной опасности той информации, которую он получил и действовать исходя из сделанных им выводов. Выражение «оценить общественную опасность», значит не произвести оценку тяжести последствий того или иного преступного деяния, а оценить вероятность самого факта его совершения. Таким образом, если адвокат в своих рассуждениях, пришел к выводу, что его беседа с клиентом убедила того отказаться от совершения преступления, он не должен и не вправе связываться с правоохранительными органами по данному вопросу. Важно отметить, что, ошибка адвоката в оценке результатов его беседы с клиентом может повлечь привлечение его к ответственности самой адвокатской коллегией [17], вплоть до исключения из ее рядов в исключительных случаях как было в приведенном ранее примере решения совета Адвокатской палаты города Москвы. Надо понимать, что подобное мнение продиктовано тем, что непринятие адвокатами мер к предотвращению готовящихся преступлений ставит адвокатов против общества и его интересов. Действия адвоката в подобной ситуации так же соотносятся и интересами самого клиента, ибо, отговорив, помешав ему совершить преступление они, тем самым либо освобождают его от уголовной ответственности, либо снижают ее «размер», так как наказание за подготовку, покушение всегда ниже, чем за преступление, доведенное до конца. Доверие к адвокатуре со стороны общества нельзя закрепить в нормативном акте, оно формируется поступками каждого адвоката в частности и всей адвокатуры в целом, призванной служить обществу, оказывая

правовую помощь нуждающимся в ней, но никак не «юридическое обеспечение» криминальному миру в его преступной деятельности.

Ситуация становится совершенно иной, если адвокату становится известно о факте уже совершенного преступления. В данном случае адвокат не вправе сообщать кому-либо сведения ни о факте совершенного преступления, ни о том, кто его совершил, то есть ничего что стало ему известно в связи с исполнением своих профессиональных обязанностей. Несмотря на то, что общество заинтересовано в том, чтобы обстоятельства преступления были раскрыты, однако это уже не является функцией адвокатуры. Здесь вступает в действие правило, согласно которому адвокат не может сотрудничать с правоохранительными органами в раскрытии уже совершенных преступлений, несмотря на всю очевидность негативных последствий. То есть в данном случае в приоритете стоит необходимость в обеспечении адвокатом оказание квалифицированной юридической помощи, иначе значение института адвокатуры в обществе будет сведено на нет.

В случаях, когда, например, имеется соответствующее решение суда, обязывающее адвоката раскрыть часть конфиденциальной информации, он обязан проследить за тем, чтобы предоставленный объем сведений не превышал необходимый.

Также, если целью разглашения конфиденциальной информации является взыскание гонорара адвоката с клиента в судебном порядке, такое разглашение может быть оправдано, если это необходимо для соответствующего дела.

Отношения доверителя и адвоката не позволяют последнему так или иначе использовать какую бы то ни было конфиденциальную информацию для собственной выгоды или для выгоды третьей стороны, или в ущерб клиенту.

После рассмотрения ситуации, в которых адвокат сам, так или иначе может разглашать информацию представляется необходимым рассмотреть ситуации, при которых нарушение адвокатской тайны происходит не по воле адвоката. Так в деятельности адвоката нередки случаи, когда в их деятельность вмешиваются правоохранительные органы и в результате происходит нарушение адвокатской тайны.

Согласно п. 3. ст. 8 закона об адвокатской деятельности - проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. Но на практике вполне возможны и обыски в домах адвокатов, осмотры занимаемых ими помещений без санкции суда и прочее. Зачастую указанные действия совершаются правоохранителями намеренно – чтобы прочитать, проанализировать и использовать полученную информацию отнюдь не для целей защиты прав гражданина. «Чтобы сохранить конфиденциальность сведений, составляющих адвокатскую тайну, адвокату необходимо вести делопроизводство отдельно от принадлежащих доверителю документов и материалов», – считает к. ю. н., адвокат КА города Москвы «Барщевский и Партнеры» Юлия Жиронкина[18]. Федеральная палата адвокатов

Российской Федерации даже предписывает адвокатскому образованию разместить компьютер, в котором хранится вся информация о доверителях и их делах, в отдельном помещении с защитой от вторжения; при этом наиболее важные сведения лучше держать на сервере в зашифрованном виде.

В период, когда Российская Федерация находилась под юрисдикцией, ЕСПЧ было создано много практики, которая послужила обоснованием для многих вопросов в сфере адвокатской деятельности, в частности ЕСПЧ высказывался по поводу обысков в помещении юридической фирмы. В деле «Юдицкая и другие против РФ» заявители обжаловали незаконный обыск и изъятие компьютеров в помещении юридической фирмы. ЕСПЧ признал, что постановление о проведении обыска было сформулировано расплывчато и в нем не объяснялось, почему недостаточно обыскать только служебный кабинет одного лица и проверить только принадлежавший ему компьютер. В связи с этим ЕСПЧ сделал вывод о нарушении прав заявителей.

Адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с его деятельностью (п. 2 ст. 8 закона об адвокатской деятельности). Несмотря на существование режима адвокатской тайны, все еще распространен допрос адвокатов в качестве свидетелей на стадии предварительного расследования. При этом, к сожалению, такие доказательства признаются допустимыми. Так, по одному делу адвокат уклонился от дачи пояснений относительно оказанных им юридических услуг, ссылаясь на адвокатскую тайну. На это суды лишь признали за ним право ходатайствовать о проведении закрытого судебного заседания, которым он не воспользовался [19]. Как быть в такой ситуации? «В случаях, когда интересы адвокатской тайны пересекаются с интересами госорганов, требования последних рассматриваются как приоритетные. При возникновении сомнений адвокатам рекомендуется консультироваться со своей территориальной Адвокатской палатой, а также учитывать, что законодательство прежде всего защищает интересы доверителя, а не предоставляет адвокатам иммунитет», – сообщила юрист КА «Ковалев, Тугуши и партнеры» Арина Макарова[20].

Бывает, при прослушивании телефона подозреваемого перехватываются его разговоры с адвокатом. В 2003 году Мурманская областная прокуратура возбудила уголовное дело в отношении Владимира Дудченко, который подозревался в руководстве организованной преступной группы. В ходе расследования суд дал санкцию на проведение скрытых ОРМ, в том числе на прослушивание телефона Дудченко. Впоследствии выяснилось, что среди перехваченных звонков были и разговоры с защитником. Так как на тот момент Российская Федерация находилась под юрисдикцией ЕСПЧ Дудченко обратился в данный суд, где подтвердили следующие: такие разговоры не могут использоваться в качестве доказательства по уголовному делу. Однако, представляется важным обратить внимание на то, что адвокату следует не допускать обмена сведениями посредством телефонных переговоров и иных электронных типов связи, поскольку такие переговоры не гарантируют

конфиденциальность информации и, если данный факт имел место, тогда можно говорить о том, что информация утратила режим тайны.

У большинства сотрудников банков есть доступ ко всем операциям клиента. Если клиент работает адвокатом, то эти операции могут быть связаны с его деятельностью и сопровождаться пояснениями цели перевода: например, «на экспертизу по делу № 1720/18» или «за госпошлину от истца Иванова». Действующее законодательство не дает адвокатам эффективных инструментов, которые позволили бы исключить эту ситуацию полностью.

Является ли это нарушением адвокатской тайны? Большинство юристов сошлись на том, что не является. «Соответствующая информация защищена банковской тайной и не подлежит произвольному раскрытию, а требование конфиденциальности связывает в равной мере всех сотрудников кредитной организации», – отметила адвокат, советник КА «Муранов, Черняков и партнеры» Ольга Бенедская. Законодательством не предусмотрена процедура передачи сведений, составляющих банковскую тайну, между ее сотрудниками. Значит, банк должен сам контролировать взаимодействие между сотрудниками, именно на нем лежит обязанность по созданию системы, гарантирующей неразглашение банковской тайны. При этом автор рекомендует не указывать сведения, конфиденциальность которых целесообразно сохранить.

Еще один пример - ФНС вправе требовать от адвокатов и адвокатских образований сведения, которые необходимы для оценки налоговых последствий, заключаемых с клиентами сделок. Эти сведения составляют налоговую тайну и защищаются от разглашения в силу закона. Например, в деле, которое было рассмотрено в период нахождения Российской Федерации под юрисдикцией ЕСПЧ, «Бриту Ферринью Бешига Вилла-Нова против Португалии» заявительница-адвокат не уплатила НДС с полученных гонораров и получила из налогового органа запрос о представлении выписки с ее личного банковского счета. Она отказалась это сделать, сославшись на профессиональную и банковскую тайну. ЕСПЧ пришел к выводу: решение этого вопроса требовало консультации с коллегией адвокатов, что не было обеспечено национальным судом. В связи с этим ЕСПЧ признал нарушение и присудил компенсацию.

Когда госорганы в пределах своей компетенции требуют от банков предоставить информацию, которая составляет адвокатскую тайну, адвокатская тайна трансформируется в налоговую. Налоговые органы вправе запрашивать информацию по счетам и вкладам, а также выписки по операциям. Поэтому целесообразно ввести отдельную форму для предоставления таких запросов, в которых бы содержались лишь обобщенная информация о назначении платежа и сумма. Когда государственные учреждения в пределах своей компетенции требуют от банков предоставления информации, составляющей адвокатскую тайну, адвокатская тайна превращается в налоговую тайну. Налоговые органы имеют право запрашивать информацию о счетах и вкладах, а также выписки по операциям. Поэтому целесообразно ввести отдельную форму для предоставления таких запросов, которая содержала бы только обобщенную информацию о назначении платежа и сумме.

Одним из наиболее спорных исключений из режима адвокатской тайны является вопрос о применении статьи 7.1 Закона о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Итак, если адвокат подозревает, что операции, проводимые им по просьбе клиента, направлены на отмыwanie преступных доходов или финансирование терроризма, он обязан уведомить об этом Росфинмониторинг. Совет ФПА даже рекомендовал всем юристам зарегистрировать личный кабинет на веб-сайте этого департамента (решение ФПА от 04.12.2017). Конечно, адвокат не должен участвовать в сомнительных сделках, проводимых доверителем. В случае обоснованных сомнений адвокат имеет право отказаться от принятого поручения по гражданскому делу. В то же время возложение функций контроля за деятельностью своего доверителя на адвоката вступает в противоречие с обязательством соблюдать конфиденциальность отношений между адвокатом и клиентом. В случае возникновения конфликта норм приоритет должен отдаваться закону об основах адвокатской деятельности.

Таким образом, конфиденциальный характер общения между адвокатом и клиентом не зависит от характера дела: уголовного, административного или гражданского. Не имеет значения содержание информации, которую сообщает клиент, даже если это общеизвестные факты, адвокат не имеет права сообщать кому-либо о содержании беседы с клиентом. Принцип гласности, закрепленный в Законе об адвокатуре, относится исключительно к деятельности адвокатуры как определенного публичного образования и никоим образом не к отношениям между адвокатом и клиентом.

Соблюдение адвокатской тайны должно обеспечиваться соответствующими организационными мерами. Необходимо специальное помещение для консультаций, обладающее определенной изолированностью и исключающей возможность присутствия третьих лиц. В следственных изоляторах также должны обеспечиваться условия для конфиденциального общения подследственного со своим адвокатом. При этом адвокат не должен злоупотреблять своим правом на тайну общения, но практика показывает, что нередко адвокаты пытаются передать подследственным запрещенные предметы.

Принцип конфиденциальности в деятельности адвоката, с одной стороны, нерушим и адвокат обязан сделать все от него зависящее, чтобы сохранить сведения, ставшие ему известные в ходе общения с доверителем. Однако, с другой стороны, практика знает случаи, когда допустимо раскрытие определенных сведений, составляющих предмет адвокатской тайны. Таким примером являются ситуации, когда раскрытие информации необходимо для защиты интересов самого адвоката. Вопрос пределов допустимого раскрытия подобных сведений является дискуссионным как в науке, так и в практической деятельности адвокатского сообщества. В таком случае встает вопрос – как определить эти пределы в каждом конкретном случае и возможно ли установить унифицированные нормы поведения адвокатов в аналогичных случаях? Частично найти ответ на поставленный вопрос возможно проанализировав институт свидетельского иммунитета адвоката.

Список литературы

1. Кодекс профессиональной этики адвоката // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2003. № 2-3
2. Кони А. Ф. Нравственное начало в уголовном процессе. Собрание сочинений. Т. 4. 1967. С. 54
3. Ватман Д. Адвокатская этика // Юридическая литература. 1977. С. 38
4. Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского сообщества от 28 октября 1988 г. // Справочно-правовая система «Консультант плюс»
5. Кучерена А. Адвокатская тайна // Справочно-правовая система «Консультант плюс»
6. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика // Профобразование. 2000. С. 87.
7. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика // Профобразование. 2000. С. 89.
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. Ст. 16
9. Коробов И.З. Коллизии при принятии адвокатом защиты по уголовным делам: некоторые тактико-этические проблемы от 09.12.2018 // Адвокатская палата Воронежской области
10. Решение совета адвокатской палаты города Москвы от 29 ноября 2022 №345
11. Мещангин Н.С. Адвокатская тайна. Доверие к адвокатам // Вестник науки. 2023. №1 (58).
12. Решение совета адвокатской палаты города Москвы от 20.12.2022 № 363
13. Решение совета адвокатской палаты города Москвы от 28.02.2023 № 38
14. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2017 г. № АКПИ17-103 «О признании частично недействующими подпунктов 11 и 12 пункта 5 Требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса, утв. Приказ Минюста России от 14.12.2016 № 288, а также Приложения № 1 к Требованиям» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. №8. 2018
15. Подводные камни правил этики // Адвокатская газета, 05.08.2021
16. Моисеева Е. Н. «Быть адвокатом в России: социологическое исследование профессии» // Тимур Бочаров, Екатерина Моисеева. - СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. - 278 с.
17. Обыски, прослушка, налоговые проверки: как нарушается адвокатская тайна // URL: <https://pravo.ru/story/203435/>
18. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.09.2017 N Ф10-2213/2017 по делу N А48-1180/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
19. Обыски, прослушка, налоговые проверки: как нарушается адвокатская тайна // URL: <https://pravo.ru/story/203435/>
20. Обыски, прослушка, налоговые проверки: как нарушается адвокатская тайна // URL: <https://pravo.ru/story/203435/>

Об авторе:

МАТИЖЕВ Павел Сергеевич – студент 1 курса магистратуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: psmatizhev@edu.tversu.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ И LEGALTECH: АНАЛИЗ

П.П. Пархоменко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Г.Н. Захаров

В статье анализируется сущность конституционного контроля и LegalTech, их возможная связь в условиях цифровизации. Рассмотрена проблема цифровизации конституционного контроля. Проанализированы проблемы, связанные с введением legaltech и схожих технологий, также обозначены плюсы указанных технологий.

Ключевые слова: Конституционный контроль, LegalTech, информатизация, цифровизация, последующий контроль, предварительный контроль.

Приоритетным сценарием развития государства является переход на цифровую основу государственной деятельности. Модернизационные процессы приобретают в условиях данного перехода свои особенные черты. LegalTech рассматривается как часть модернизационного процесса в связующей компоненте с институтом конституционного контроля, вместе с особенностями форсированной цифровизации профессиональной юридической деятельности, а также возможностями, открывающимися для дальнейшего развития отрасли.

Начать необходимо с определения дефиниции конституционного контроля. Фактически существует обширная множественность подходов определения данного понятия, однако, они в своей основе сводятся к тому, что конституционный контроль представляет собой не что иное как деятельность нормо-контрольного органа по проверке соответствия положений действующего законодательства, основному закону государства, а также осуществлению иных сопряжённых полномочий. Приблизённой к данной формулировке можно считать позицию Ю.Л. Шульженко, она определяет конституционный контроль как деятельность компетентных государственных органов по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий нормативных актов конституции, в ходе чего такие органы уполномочены отменять обнаруженные несоответствия [2]. Схожей позиции придерживается и В.С. Нерсисянц им под конституционным контролем понимается обеспечение конституционности и правового характера всей системы общеобязательных актов и норм путем лишения юридической силы тех из них, которые носят антиконституционный, антиправовой характер; он отрицает правотворческий характер деятельности органа конституционного контроля, руководствуясь сложившимся пониманием принципа разделения властей [9]. И что самое важное, в пользу перечисленных позиций говорит прежде всего Конституционный Суд Российской Федерации.

Если обратиться к статье первой Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», то там закреплено, что Конституционный Суд РФ является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного

судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации [1].

В рамках рассматриваемой тематики не лишним будет, также кратко рассказать о видовой сущности конституционного контроля. На мой взгляд М.В. Кудрявцева в своей научной работе достаточно сжато сформулировала необходимые тезисы, она полагает, что последующий конституционный контроль подразумевает проверку нормативных правовых актов, действующих или утративших силу, предварительный контроль в свою очередь, подразумевает проверку соответствия Конституции Российской Федерации актов, до их вступления в законную силу [8]. Однако, следует уточнить, что как считает Г. Г. Арутюнян в сущность дифференциации предварительного и последующего контроля заложен временной и содержательный фактор [4]. Предварительный конституционный судебный контроль призван по своей сущности превентивно решать вопросы антиконституционного характера, путём проверки соответствия правового акта Конституции, до вступления данного акта в силу. Последующий конституционный судебный контроль в свою очередь направлен на выявление уже имеющих фактов антиконституционности, то есть данная форма контроля направлена непосредственно на проверку уже вступивших в силу правовых актов. Исходя из этого значимость предварительного конституционного нормоконтроля по сравнению с последующим значительно выше в отношении именно правоохранительного потенциала, так как минимизируются последствия противоречия правового акта основному закону.

Исходя из всего вышеперечисленного, мы можем определить сущность данного института с учётом решаемых задач:

1) Обеспечение верховенства Конституции – в рамках данной задачи происходит утверждение Конституции как главного источника права, обладающего высшей юридической силой.

2) обеспечение непосредственного и прямого действия Конституции – приоритет конституционных положений прямо подразумевает непосредственное и прямое действие, но при этом может возникать ситуация, когда принятые нормативные правовые акты не соответствуют положениям Основного закона.

3) Третьей задачей конституционного контроля выступает использование контрольных полномочий в целях развития правового пространства в рамках конституционной законности – важным направлением в ряде литературных источников считается вывод органа конституционного контроля из системы какой-либо ветвей власти, что представляется маловероятным, поскольку контрольная власть как самостоятельная ветвь по российской Конституции не предусматривается, а даже если бы и существовало такое конституционное положение, орган конституционного контроля неминуемо оказался бы в иерархической системе, в которой пришлось бы выстраивать соответствующие взаимосвязи.

4) создание правовых возможностей для развития законодательства в рамках правового поля, основы которого закреплены в Конституции страны. Как отмечается в некоторых работах, реализация конституционных норм происходит в условиях формирования системы действующего права страны.

Указанные задачи выделяет также ряд теоретиков права и различные эксперты в данной области, так указанной классификации задач придерживается И.Ю. Остапович [10]. Таким образом, обобщив сформулированные тезисы можно сказать, что сущность конституционного контроля выражается в деятельности государственных органов, наделенных специальной компетенцией непосредственно в Основном законе, основанную на правоприменительных и правотворческих началах и направленную на утверждение верховенства и прямого действия принятой в государстве Конституции.

Говоря о понятии LegalTech мы должны осознавать, что под ним понимается прежде всего специализированные информационно-технические средства: платформы, программы, продукты и инструменты, которые направлены на оптимизацию и упрощение процессов профессиональной юридической деятельности. И тем не менее единого подхода к данному понятию так и не сложилось, LegalTech может относиться к юридическим технологиям, которые созданы различными поставщиками, чтобы предоставить юристам и юридическим фирмам вспомогательные услуги. LegalTech также может означать концепцию использования технологии для решения правовых проблем. В широком смысле, LegalTech — это технологии и программное обеспечение, используемые в юридической профессии. LegalTech — это совокупность юридической и технологической базы, которые позволяют алгоритмизировать право и автоматизировать процессы, выполняемые юристами. М.Е. Косов, например, в своих научных трудах придерживается выше обозначенных позиций [7].

В своей основе мы должны понимать, что LegalTech это прежде всего набор инструментов, призванных облегчить работу с информацией. Исходя из этого можно выделить три основные категории LegalTech решений:

1) Технологии, способствующие цифровизации данных – к данной категории можно отнести как специализированные юридические решения для конкретных правовых задач, так и массовые продукты, основная задача таких технологий — это облегчение процесса цифровизации, сюда можно отнести, например, облачные хранилища и сервисы по работе с текстом [3];

2) Вспомогательные технологии – к данной категории относятся прежде всего решения, связанные с администрированием процесса, работе с людьми, в основе своей вспомогательные управленческие функции;

3) Основные технологические решения – к данной категории можно отнести технологии способные заменить человека при выполнении поставленной задачи, в основе своей юридической, эта категория включает широкую палитру решений, таких как машинный анализ текста и блокчейн-технологии;

По своей сущности у LegalTech имеются как позитивные, так явно негативные стороны. В качестве основных позитивных сторон обычно выделяют:

1) Цифровизацию юридического документооборота, она позволит значительно ускорить совершение юридически значимых действий (электронное правительство, электронный нотариат, электронное правосудие);

2) Продвинутый уровень обеспечения доступности юристов для клиентов. В ближайшем будущем имеется возможность обеспечения режима удаленного доступа к юридическим услугам 24 часа в сутки, без привязки к географическим точкам;

3) Использование программных методов анализа юридических документов (predictive coding). В зарубежной практике уже делаются попытки использования программного анализа в антимонопольных разбирательствах, где хорошие результаты дает машинный анализ электронных данных о содержании государственных и муниципальных контрактов;

Однако нельзя забывать и о минусах, к ним можно отнести:

1) информатизация юридически значимых процедур и создание глобальных баз данных несет в себе угрозу утечки персональных данных граждан;

2) цифровизация может повлечь за собой появление новых видов правонарушений и всплеск киберпреступности. Существующие сегодня технические решения не позволяют осуществлять полную защиту соответствующих технологий, а значит, возможны взломы, переподчинения, злоупотребления, что в свою очередь будет приводить к неправосудным решениям, подлогам и т.д.;

3) криминализация действий в виртуальной реальности, что может повысить рост социального напряжения [6];

Так каким же образом связан конституционный контроль и LegalTech? Ответ на данный вопрос лежит в плоскости роли LegalTech в модернизации юридической деятельности. С позиции автора она сводится к следующим моментам:

1) Предупреждение конфликтных ситуаций;

2) Повышение общего уровня правовой грамотности населения;

3) Повышение уровня эффективности работы специалистов в области юриспруденции за счёт использование информационно-технических инструментов;

4) Создание альтернативных вариантов разрешения споров;

5) Разработка системы мониторинга исполнения федерального законодательства;

Так причём же здесь конституционный контроль? На наш взгляд связь прослеживается с одной стороны, в конституционализация информационно-цифрового пространства и, с другой в цифровизация конституционного права. Необходимо понимать, что новым технологиям, в частности юридическо-правовым присуще внутренняя социально ориентированная противоречивость, с ними неизбежно связано появление новых социальных коллизий и

противоречий, требующих в том числе правового воздействия — как правоохранительного, запретительного, так и регулятивного, предоставительно-обязывающего плана. Избежать противоречий возможно за счёт гуманизации права как такового, добиться этого возможно за счёт конституционных принципов и норм, так как они являются фундаментальной основой существования современного государства.

Конституционный контроль в свою очередь является одним из средств доведения действующего законодательства до соответствия указанным принципам и нормам. Однако необходимо учитывать, что указанный институт является достаточно консервативным по своей сущности, а для донесения обозначенных принципов сам институт также должен отвечать современным реалиям, при этом добиться цифровизации от государственных органов значительно сложнее чем от частных компаний. Например, внедрение электронного голосования неизбежно обостряет проблему легитимности формирования органов власти, что проявилось уже на начальном этапе внедрения этого технологического достижения в избирательную систему, в частности, на выборах депутатов Московской городской Думы 8 сентября 2019 г [5]. С одной стороны, консерватизм в указанной сфере вполне понятен исходя из имеющихся минусов информатизации, однако говорить о справедливом и непредвзятом контроле за данной сферой при таком подходе достаточно сложно.

По этой причине модернизация института конституционного контроля, как одного из основных отправителей конституционных принципов и норм, с точки зрения информатизации на мой взгляд является одним из действенных способов установления гуманизационного подхода к правовому анализу, так как интегрированность в данную сферу априори повышает информированность отправителей конституционного правосудия.

В подтверждение вышесказанного можно привести статистику актов Конституционного Суда РФ за 2023 год. Фактически мы можем говорить о 92 решениях Конституционного Суда, из которых 60 постановлений. 15 из них относятся к конституционным основам публичного права, 10 из которых к конституционным основам трудового законодательства и социальной защиты, 24 относятся к конституционным основам частного права, и 11 к конституционным основам уголовной юстиции, и соответственно 13 определений к конституционным основам публичного права, 2 к конституционным основам трудового законодательства и социальной защиты, 10 к конституционным основам частного права, и 7 к основам уголовной юстиции (рис.1),(табл.1). Из данного перечня мы можем выделить всего 88 актов, рассмотрение которых осуществлялось в рамках конституционного контроля, однако при этом в рамках предварительного контроля не было рассмотрено ни одного акта (рис.2). Не маловажным является, то что фактически из обозначенных актов к информационно-правовой сфере нельзя отнести ни один.

Таблица 1.

Акты Конституционного суда Российской Федерации

<i>Критерий</i>	<i>Кол-во опред.</i>	<i>Кол-во пост.</i>	<i>Акты последующ его контроля</i>	<i>Акты предварит ельного контроля</i>	<i>Акты иног о правового значения</i>
<i>Конст. основы публичного права</i>	13	15	28	0	0
<i>Конст. основы трудового законодат ельства и социальной защиты</i>	2	10	10	0	2
<i>Конст. основы частного права</i>	10	24	33	0	1
<i>Конст. основы уголовной юстиции</i>	7	11	17	0	1
<i>Общее количество актов</i>	32	60	88	0	4
<i>Информац ионно- правовая сфера</i>	0	0	0	0	0

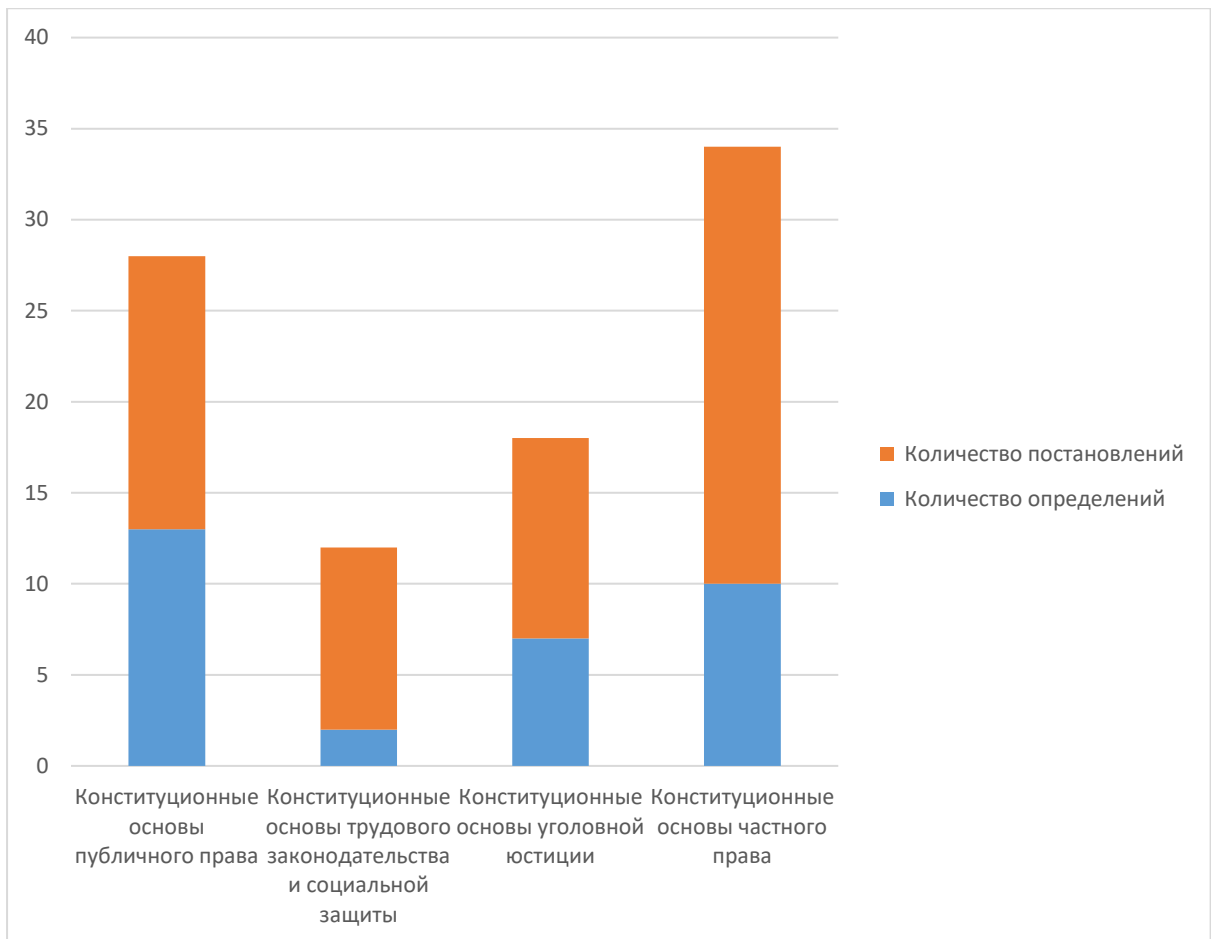

Рис.1. Количественное соотношение определений и постановлений.

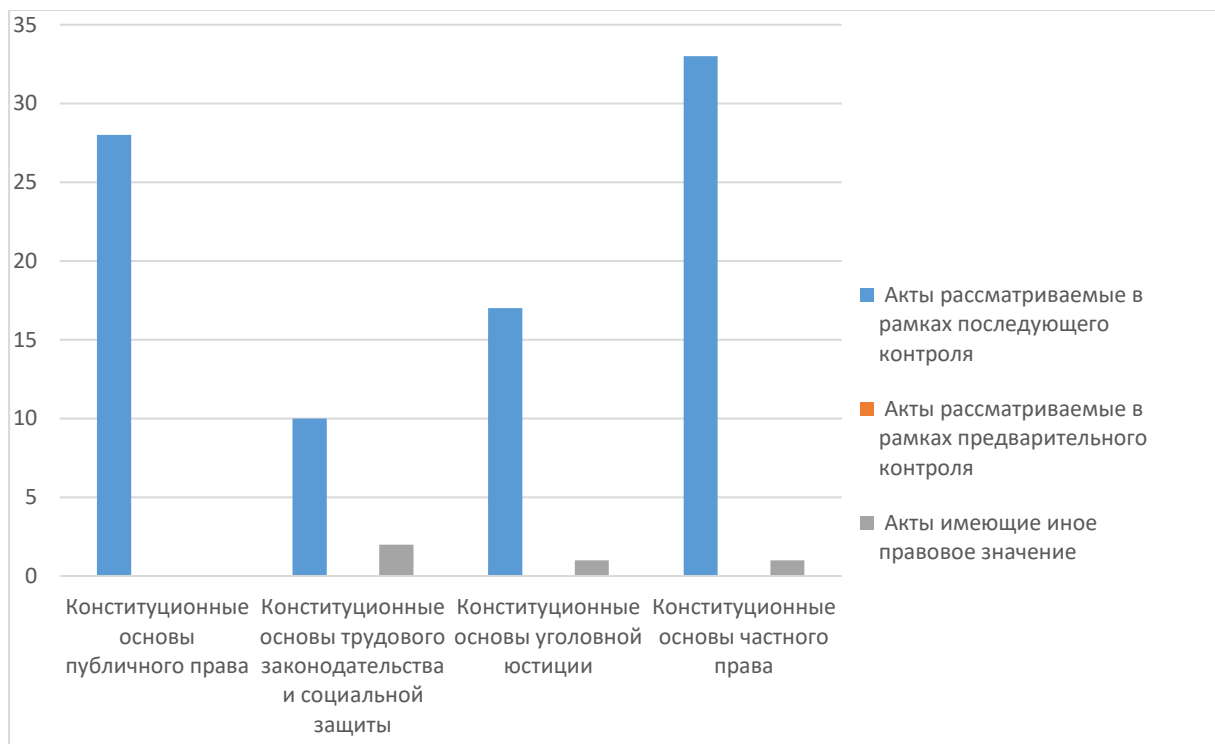

Рис.2. Соотношение последующего и предварительного контроля.

Таким образом исходя из всего вышеуказанного мы можем сделать вывод, что несмотря на имеющуюся возможность отправления предварительного конституционного контроля, согласно поправкам, в Конституцию Российской Федерации 2020 года. Такого рода мониторинг не осуществляется, приоритетное направление — это последующий контроль актов уполномоченным органом. Связанно это на мой взгляд с тем, что уполномоченными субъектами право направления актов на предварительную конституционную проверку, не реализуется в должной мере из-за ненужности. Так как институт предварительного контроля претерпел изменения совсем недавно это не удивительно.

Однако в рамках последующего контроля мы не наблюдаем актов, связанных с информационно-правовой сферой. Причина этого кроется в том, что актов, связанных с информационно-правовой сферой требующих проверки как в предварительном, так и последующем формате мы не наблюдаем, масштабных нововведений в работу государственных органов с позиции внедрения тех же аспектов LegalTech найти фактически сложно. Как упоминалось ранее на наш взгляд, конституционные принципы и нормы должны стать основой регулирования информационного пространства, что может произойти только за счёт цифровизации конституционного права. Добиться этого возможно за счёт формирования новой экосистемы цифровизации профессионального юридического сообщества при участии ученых, профессионального сообщества, предпринимателей, инвесторов и других субъектов хозяйственной деятельности. При этом Конституция и в частности Конституционный Суд Российской Федерации, как проводник соответствующих принципов и норм должен послужить основой формирования новой экосистемы с целью создания основных принципов использования информационной среды.

Начать на наш взгляд можно с развития уже существующих и внедрения новых технологий, по основным направлениям.

1. Автоматизация документооборота и электронные судебные процессы:

А) Упрощение систем для электронной подачи исковых заявлений, жалоб и других документов в Конституционный Суд. Путём использования сервиса Госуслуги, как единой базы данных содержащей всю необходимую информацию о заявителе. Сейчас, подача осуществляется через отдельный сервис, "Обращение в КС РФ", что может быть не совсем удобно для отдельных пользователей, а наличие альтернативы позволяет убрать данные неудобства;

Б) Использование информационных систем для автоматизации обработки и движения судебных дел. На данный момент имеется АИС «Судоделопроизводство». Автоматизированная система судо- и делопроизводства (АИС «Судоделопроизводство») предназначена для формирования, учета, хранения и работы с документами различного служебного характера. В неё входит подсистема «Аналитика КС РФ» которая содержит систематизированные правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в постановлениях и определениях, за период с момента начала деятельности Конституционного Суда, а также тексты всех решений

Конституционного Суда РФ и интегрированный с ними указатель проверяемых на конституционность разделов нормативных актов. Для доступа к банкам данных решений и правовых позиций используется как WEB-интерфейс, размещенный на внутреннем портале, так и приложение «Мобильная аналитика», в практическом смысле указанные системы могут быть дополнены ИИ для предварительного анализа актов поступающих в указанные системы, так можно использовать программные методы анализа юридических документов *predictive coding*, попытки использования подобного уже известны в рамках антимонопольных разбирательств за рубежом;

2. Применение искусственного интеллекта для анализа судебных дел:

А) Использование систем на базе искусственного интеллекта для предварительного анализа поступающих в Конституционный Суд обращений и подготовки аналитических материалов, это так называемый *predictive coding*, но при этом можно использовать подобные системы для поиска технических ошибок (опечатки, неправильно заполненные формы и т.п.), что реализовать значительно проще, так как для данных действий требуется минимальный аналитический ресурс;

Б) Внедрение технологий ИИ для выявления правовых коллизий и подготовки проектов судебных решений. Использование ИИ для нахождения противоречий в существующих правовых актах, пока в рамках эксперимента. Можно “натренировать” специально созданную нейросеть для анализа правовых актов с целью поиска соответствующих ошибок, но при этом нужно понимать, что данный процесс не будет быстрым. В перспективе это позволит существенно облегчить работу Конституционного Суда в рамках предварительного и последующего контроля;

При этом нужно обращать внимание иных субъектов права к данной сфере со стороны государства, так как необходима определённая база правовых актов, регулирующих указанные процессы. Конституционный суд же в свою очередь будет осуществлять норм-контрольные функции за счёт инструмента предварительного и последующего контроля, руководствуясь обозначенными принципами, так как имеются значительные риски использования определённых технологий, а буфер в виде контрольного органа позволит избежать значительной части издержек.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. С. 1447.
2. Шульженко Ю. Л. Конституционный контроль в России // Российская Академия Наук. Москва. Институт государства и права. 1995. С. 175.
3. Андиева Е.Ю. Разработка алгоритма кластеризации для анализа ключевого смыслового содержания структуры профессиональных стандартов в ИТ-области // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2017. Т. 4. №. 1. С. 88—96.
4. Арутюнян Г.Г. Конституционный контроль. Характер функционирования и развития системы // Издательство. Москва. 1997. С. 114.

5. Бондарь Н.С. "Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики конституционного Суда Российской Федерации" // Журнал российского права. № 11. 2019. С. 25-42.
6. Джикия, М. Д. Роль "LegalTech" в модернизации профессиональной юридической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 114-119.
7. Косов, М. Е. Рынок LegalTech: обзор и перспективы развития // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 2. С. 19-29.
8. Кудрявцева, М. В. Конституционный контроль в Российской Федерации: история и проблемы применения // Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки". 2023. С. 85-92.
9. Нерсесянц, В.С. Юриспруденция: Введение в курс общей теории права и государства: Для юридических вузов и факультетов // Москва: НОРМА-ИНФРА-М. 1998. С. 282.
10. Остапович И.Ю. "Понятие и сущность конституционного контроля"// Гуманитарные и социальные науки. № 2. 2015. С. 131-143.

Об авторе:

ПАРХОМЕНКО Павел Павлович – студент 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, ул. Желябова, 33). Email: Pavellpar@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

К.С. Секорина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н, доцент О.В. Жукова

В статье рассматривается вопрос об особенностях реализации права граждан на социальное обеспечение, а также конституционных гарантиях осуществления этих прав. Автором исследуются способы защиты прав граждан на социальное обеспечение в РФ.

Ключевые слова: защита прав граждан, социальное обеспечение, социальные права граждан, способы защиты социальных прав.

Российская Федерация как правовое и социальное государство обеспечивает верховенство законов на всей территории страны. Политика государства направлена, прежде всего, на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Конституция РФ закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита этих прав и свобод – обязанность государства (ст. 2) [1]. Кроме того, охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7 Конституции РФ).

Социальные права относятся к числу позитивных прав, которые реализуются при содействии государства, посредством его деятельности [10]. Данные права предоставляются государством, и претендовать на них можно лишь в той мере, в какой это установлено законом. Рассматривая социальные права в комплексе, О.С. Мозолева справедливо указывает, что они обладают признаками, позволяющими выделить их в самостоятельную группу конституционных прав, для которых характерны: направленность на удовлетворение материальных потребностей, особая роль государства в их обеспечении, необходимость детальной конкретизации в текущем законодательстве РФ, особый субъектный состав [15].

К числу социальных прав относится право на социальное обеспечение. В Конституции РФ данное право раскрывается как право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ст. 39), право на бесплатную медицинскую помощь (ст. 41), право на пенсионное обеспечение (ч. 6 ст. 75). Конституционный Суд РФ подчеркивает, что законодатель обязан принимать законы, обеспечивающие социальную защиту тех социальных слоев, которые в ней нуждаются, устанавливать механизм реализации этих законов,

дифференцируя права по основаниям, которые являются социально оправданными [18].

В настоящее время действует большое количество нормативных актов, которые регулируют обеспечение социальных прав. Например, только о системе пенсионного обеспечения говорится в следующих актах: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [6], Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [3], Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» [2] и другие акты.

Разнообразие норм не может не отразиться на соблюдении и защите конкретного права. И.А. Костян указывает, что «издавая норму права, государство обязано предусмотреть необходимые гарантии, способы и формы защиты прав, свобод и законных интересов, охраняемых принятой нормой» [13].

Е.А. Мидонова делит формы защиты права на социальное обеспечение на правовую: защиту в судебном порядке или в административном порядке, и неправовую форму защиты в зависимости от того, какие именно органы, организации имеют закрепленное в нормативном акте право или обязанность защиты прав и законных интересов граждан на получение установленного социального обеспечения. Неправовая форма защиты не имеет четких процедурных форм и может быть осуществлена путем переговоров или обращений общественной организации в государственные органы, принимающие решения с целью защитить права и интересы граждан. Автор отмечает, что «во всех тех случаях, когда обращение гражданина в государственные или общественные органы, организации инициирует правовой механизм защиты прав, что бывает довольно часто, есть основание говорить о совместном применении юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты прав. Например, это часто бывает при обращении гражданина за помощью в профсоюзный орган, а последний поддерживает его иск при рассмотрении дела в суде» [14].

В свою очередь, Т.А. Сошникова представляет свой взгляд на реализацию защиты прав граждан, определяя механизм такой защиты как совокупность правовых норм, правовых учреждений и юридических процедур, при помощи которых осуществляется защита и восстановление охраняемых законом прав и интересов человека и гражданина, а также выделяет 3 механизма: государственный, механизм публичной власти муниципального образования,

механизм защиты со стороны общественных объединений (в т. ч. профсоюзов) [17].

Досудебной формой защиты прав граждан на социальное обеспечение является административная форма защиты. Согласно ст. 33 Конституции РФ граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Так, например, административная форма защиты права заключается в рассмотрении уполномоченным государственным органом заявлений граждан о нарушении социально-обеспечительных прав [12].

Характерными чертами несудебной защиты является то, что защита прав и законных интересов человека происходит без участия органов правосудия, а также эта форма защиты включает как собственно защиту права, так и предзащиту, т.е. деятельность по применению специфических мер правового воздействия, которые хотя и имеют целью защиту права, но непосредственно не приводят к устранению препятствий в осуществлении права человека [16].

Административный порядок защиты прав граждан в сфере социального обеспечения связан с обжалованием незаконных действий и решений органов государственной власти и управления. основополагающим нормативным актом, определяющим процедуру, в рамках которой осуществляется внесудебная защита права, является Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [5].

Государственные органы, которые осуществляют внесудебную защиту прав гражданина в РФ, можно разделить на две группы: органы, для которых защита прав человека является важным, но не основным видом деятельности; органы, для которых правозащитная функция является основным видом деятельности [11]. к первой группе следует отнести Правительство РФ, министерства и ведомства, ко второй группе – органы прокуратуры, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах, Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка.

Безусловно, самым распространенной и действенной формой защиты социально-обеспечительных прав граждан является судебная защита, которая гарантируется ст. 46 Конституции РФ.

Если обратиться к статистике Судебного департамента при ВС РФ, то по данным сводной статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 года в суды поступило 38 817 тысяч дел по спорам, возникающим из пенсионного законодательства, из которых рассмотрено с вынесением решения 31 818 тысяч. По социальным спорам поступило 20 915 тысяч дел, из которых рассмотрено с вынесением решения 15 783 тысяч дел. По трудовым спорам - 72 424 тысяч дел, из которых рассмотрено - 60 874 тысяч дел [20].

Важная роль судов заключается, с одной стороны, в разъяснении, толковании положений законодательства о социальном обеспечении, с другой, в развитии

законодательства о социальном обеспечении. При разрешении социально-обеспечительного спора в случае возникновения дефекта закона путем преодоления такого дефекта суд вырабатывает правило, которое впоследствии может стать основной для изменения закона.

Стоит отметить, что при разнообразии источников права суды сами сталкиваются с проблемой толкования права. Можно привести следующий пример из практики. 7 февраля 2022 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации постановила определение № 3-КГ21-6-К3 по кассационной жалобе Зинченко А.А. по делу № 2-4945/2020 Сыктывкарского городского суда Республики Коми по иску Зинченко А.А. к ГУ - УПФР в г. Сыктывкаре Республики Коми (межрайонному) о признании незаконным отказа в назначении повышенной фиксированной выплаты к пенсии за прошлое время, взыскании повышенной фиксированной выплаты к пенсии за прошлое время. В определении указывалось, что, разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований суд первой инстанции, исходил из того, что пенсионные правоотношения носят заявительный характер, возникают на основании письменного заявления гражданина, обращающегося за перерасчетом пенсии и представляющего необходимые документы. По мнению суда первой инстанции, действующее пенсионное законодательство не предусматривает обязанности пенсионного органа по перерасчету пенсии без соответствующего заявления пенсионера, а также обязанности по разъяснению пенсионеру его пенсионных прав. Суд апелляционной инстанции и Судебная коллегия по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции признали выводы законными и обоснованными. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации посчитала, что приведенные выводы судебных инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права. По мнению судебной коллегии, суды первой и апелляционной инстанций оставили без внимания нормы, предусматривающие обеспечение Пенсионным фондом РФ разъяснительной работы среди населения по вопросам выплат пенсий и подлежащие применению к спорным отношениям во взаимосвязи с положениями пенсионного законодательства, регулируемыми вопросы установления инвалидам фиксированной выплаты к пенсии по инвалидности, о порядке определения её размера и условиях перерасчёта. При таких обстоятельствах обжалуемые судебные постановления Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными [19].

Интересным является факт, что Положение о пенсионном фонде Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» [8] признано утратившим силу с 1 января 2023 г. Вместе с тем, суды при рассмотрении похожих заявлений должны учитывать факт, что на момент наступления права у гражданина на один из видов социального обеспечения при заявительном характере выплат до 1

января 2023 г. Социальный фонд России несет на себе ответственность в информировании граждан о их социальных правах, осуществляемых через фонд, а после указанной даты такая обязанность была снята с органа и более не указана в Федеральном законе от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации».

Ю.В. Васильева, исследуя проблемы кодификации законодательства о социальном обеспечении, обоснованно отмечает, что значение судебной практики для кодификации законодательства о социальном обеспечении проявляется в формулировании практикой положений, содержащих в себе прообразы будущих правовых норм, либо в выявлении фактов, свидетельствующих о необходимости изменения или принятия новых норм права [9].

В заключение можно отметить, что судебная защита является эффективным способом защиты права граждан на социальное обеспечение. Вместе с тем, разрозненность норм, регулирующих право социального обеспечения, отсутствие единого нормативного акта, регламентирующего порядок разрешения споров в данной сфере, толкований норм, отрицательно влияет на защите прав граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).
2. Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» // СПС Гарант.
3. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС Гарант.
4. Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // СПС Гарант.
5. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС Гарант.
6. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС Гарант.
7. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // СПС Гарант.
8. Положение о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) (утв. постановлением ВС РФ от 27 декабря 1991 г. № 2122-1)(утратил силу) // СПС Гарант.
9. Васильева Ю.В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы. М.: Пермь, 2009. 53 с.
10. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: 2008. 52 с.
11. Гусев А.Ю. Судебная защита права российских граждан на социальное обеспечение: дис. ... канд. юрид. наук М., 2017. 122 с.
12. Гусев А.Ю. Формы и способы защиты социально обеспечительных прав и их классификация // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2022. № 3.

13. Костян И.А. Правовые проблемы защиты трудовых прав работников в условиях рыночных отношений в России: автореф. дис. ... д-ра. юр. наук, М., 2009.
14. Мидонова Е. А. Форма защиты интересов в праве социального обеспечения // Трудовое право. 2007. № 8.
15. Мозолева О.С. Конституционное право граждан Российской Федерации на социальное обеспечение. автореф. дис. ... к. юр. наук. Тюмень, 2011.
16. Новгородова Ю. Н. Несудебная защита прав человека: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Тамбов, 2006.
17. Сошникова Т.А. Правовой механизм защиты конституционных прав и свобод в сфере труда. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2005. 93 с.
18. Определение Конституционного Суда РФ от 6 ноября 1998 г. № 149-О // Документ официально опубликован не был // СПС «Консультант Плюс».
19. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2022 г. № 3-КГ21-6-К3 // СПС Гарант.
20. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.01.2024).

Об авторе:

СЕКОРИНА Ксения Станиславовна – студентка 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: sekorina@mail.ru.

РОЛЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ВОДНЫМ ОБЪЕКТАМ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Д.И. Спахов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.В. Васильчук

Статья посвящена исследованию вопроса определения роли органов прокуратуры в обеспечении свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования. Автором проанализирована практика Тверской межрайонной природоохранной прокуратур. Результатом исследования послужил вывод о необходимости реформирования действующего законодательства, регулирующего полномочия контрольно-надзорных органов.

Ключевые слова: прокурорский надзор, конституционное право природопользования, водный объект общего пользования, строительство в пределах береговой полосы.

Конституционные основы природопользования, закрепленные в ст.ст. 9, 42 Конституции РФ [1], включают в себя право доступа граждан к природным ресурсам. Право граждан на доступ к природным ресурсам охватывает собой в том числе право свободного и равного пользования водными ресурсами, прежде всего, заключенными в берега водных объектов общего пользования.

Следует отметить, что земельные участки, расположенные в пределах водных объектов, ограничены в обороте. В частности, согласно п. 8 ст. 27 Земельного Кодекса РФ [4] запрещается приватизация земельных участков в пределах береговой полосы, установленной в соответствии с Водным кодексом РФ [3].

Кроме того, в силу п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [8] приватизация земельных участков в пределах береговой полосы запрещается.

Анализ ст. 6 Водного кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что, если береговая полоса предназначена для общего пользования, то занимать ее объектами капитального строительства, по общему правилу, недопустимо, так как это ограничивает доступ к ней неопределённого круга лиц.

Согласно п. 1 ст. 34 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [6] хозяйственная и иная деятельность, которая оказывает или может оказывать прямое или косвенное негативное воздействие на окружающую среду, осуществляется в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды.

В силу ч. 4 ст. 61 Водного кодекса РФ, физические лица и юридические лица, осуществляющие проведение строительных, дноуглубительных, взрывных, буровых и других работ, связанных с изменением дна и берегов водных объектов, обязаны осуществлять мероприятия по охране водных объектов, предотвращению их загрязнения и засорения.

Повсеместный бесконтрольный процесс приватизации и застройки земель общего пользования, начавшийся в 1990-х годах и усугубившийся в настоящее время послужил причиной формирования ряда общественно-практических проблем. Одна из наиболее острых проблем, вызванная описанным процессом, связана с реализацией права граждан на доступ к водным объектам общего пользования. Наличие законных интересов предполагает защиту спроецированного, но не формализованного в соответствующей норме закона конкретного субъективного права лица [11]. Важное место в механизме реализации конституционного права доступа граждан к водным объектам играет прокуратура Российской Федерации.

Прокурорский надзор – это единственная форма «публичной проверочной деятельности, предполагающей правовую оценку соблюдения и исполнения законов максимально возможным кругом поднадзорных лиц, включающим в себя подавляющее большинство публичных органов, учреждений и должностных лиц» [9]. Как отметил Президент Российской Федерации, В.В. Путин, одно из общественно значимых направлений работы органов прокуратуры – это «вопросы защиты окружающей среды, экологическое благополучие всей страны, российских регионов, городов и посёлков, а значит, качество жизни наших граждан. Вы знаете, это тоже то, что беспокоит наших людей» [19].

С учетом того, что особенности рельефа и геологические условия Верхневолжья позволяют формировать своеобразный центр зарождения крупных рек Русской равнины, считаю целесообразным изучить практику надзорной деятельности Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры, которая сталкивается со следующими нарушениями действующего законодательства в области охраны правового режима береговой полосы и акватории водного объекта общего пользования.

1. Проведение строительных работ без учета требований, указанных в ч. 4 ст. 61 Водного кодекса РФ, ст. 34 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Например, при проведении юридическим лицом работ по строительству многоквартирного жилого дома в водоохранной зоне и акватории водного объекта, расположенного в городской черте г. Твери допущено нарушение естественного стока водного объекта с деформированной поверхности водосборного бассейна водного объекта. На основании изложенного, прокуратурой возбуждено дело об административном правонарушении [1] по ст. 8.12.1 КоАП РФ [2] в отношении директора юридического лица.

Согласно Докладной записке о результатах работы Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры 2023 году [20] природоохранной прокуратурой в обозначенный период выявлено 2 факта неправомерного строительства в пределах береговой полосы водного объекта.

2. Неправомерное размещение зданий, сооружений, расположенные в пределах береговой полосы водного объекта общего пользования. Отдельного

внимания заслуживают факты осознанного ограждение береговой полосы путем установки ограды (забора), препятствующего проходу граждан.

Пример незаконного размещения объектов строительства в пределах береговой полосы отражен в решении Конаковского городского суда Тверской области от 08.12.2023 № 2-70/2023 [17], в котором Тверской межрайонный природоохранный прокурор просит суд возложить обязанность на собственника земельного участка, и администрация муниципального округа освободить береговую полосу Иваньковского водохранилища, путем демонтажа металлического ограждения, установленного от границ участка до уреза воды.

Конаковским городским судом, с учетом представленных сторонами доказательств, был установлен факт ограничения свободного доступа к береговой полосе водного объекта, иски требования прокурора удовлетворены, на собственников земельного участка возложена обязанность произвести демонтаж ограждения.

Согласно вышеупомянутой Докладной записке в 2023 году прокуратурой выявлено 314 случая воспрепятствования свободному доступу граждан к береговой полосе водного объекта в Тверской области.

При этом принципиально важно определить, допускает ли правовой режим береговой полосы водного объекта общего пользования возведение каких-либо объектов капитального строительства. Государственные надзорные органы в целом придерживаются позиции, согласно которой существует общий запрет на возведение объектов капитального строительства, поскольку это ограничивает доступ неопределенного круга лиц по крайней мере к той части береговой полосы, которая занята этим объектом.

Вместе с тем, это не означает наличие полного запрета на размещение сооружений, в пределах береговой полосы. Практический интерес представляет позиция Двадцать первого арбитражного апелляционного суда, отраженная в постановлении от 11.07.2016 по делу № А83-6559/2015 [13]. Суд установил, что индивидуальным предпринимателем ограничен доступ к водному объекту местного пользования и его береговой полосе, а именно: подъезд к водному объекту перекрыт шлагбаумом, в связи с чем прокурором Республики Крым в отношении индивидуального предпринимателя вынесено постановление о возбуждении дела об административном правонарушении по признакам правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 8.12.1. КоАП РФ.

Двадцать первый арбитражный апелляционный суд пришел к выводу о том, что шлагбаум, установленной на дороге к водному объекту, не создает препятствий к свободному доступу к пруду граждан без использования механических транспортных средств, тем самым не нарушает режим использования береговой полосы водного объекта. При изложенных обстоятельствах, постановление о назначении административного наказания, является незаконным и правомерно отменено судом первой инстанции.

3. Нахождение земельных участков, расположенных в пределах береговой полосы или акватории водного объекта, в частной собственности.

В случае выявления фактов наложение границ земельных участков, находящихся в частной собственности, на береговую полосу или акваторию водного объекта прокуратура незамедлительно принимает меры в рамках гражданского судопроизводства.

Примером может послужить Решение Рамешковского районного суда Тверской области от 14.12.2023 по делу № 2-222/2023 [16] по иску Тверского межрайонного природоохранного прокурора в защиту прав и интересов неопределённого круга лиц и Российской Федерации. Судом установлено, что земельный участок с видом разрешенным использованием – для индивидуального жилищного строительства, сформирован и поставлен на кадастровый учет 15.09.2014, представлен в собственность физического лица на основании договора купли-продажи земельного участка от 26.12.2022. Вместе с тем, согласно заключению эксперта, часть земельного участка расположена в пределах береговой полосы и акватории р. Медведицы, площадь наложения на береговую полосу составляет 6 619,05 кв. м., на акваторию – 1 142,74 кв.м.

Суд, принимая во внимание требования земельного и водного законодательства, решил истребовать в собственность Российской Федерации из чужого незаконного владения земли государственной собственности площадью в части наложения земельного участка на береговую полосу р. Медведицы.

В Докладной записке отражено, что в 2023 г. прокуратурой выявлено 67 факта формирования земельных участков в береговой полосе и акватории водных объектов на территории Тверской области.

4. Незаконная передача земельного участка, расположенного в границах береговой полосы, из муниципальной собственности в частную.

Например, в ходе проверки, прокуратурой установлено, что несколько земельных участков, сформированных и предоставленных в частную собственность администрацией одного из муниципальных округов Тверской области, расположены в пределах береговой полосы и акватории водного объекта – Иваньковское водохранилище. Указанное нарушение земельного и водного законодательства ограничивают права граждан на свободный доступ к Иваньковскому водохранилищу и его береговой полосе. Изложенное явилось основанием для внесения в адрес главы муниципального образования представления [21].

По итогам 2023 года, Тверской межрайонной природоохранной прокуратурой внесено 34 акта, понуждающих органы местного самоуправления обеспечить свободный доступ граждан к береговой полосе и акватории водных объектов общего пользования.

Вместе с тем, необходимо упомянуть об отсутствии единообразия судебной практики по вопросу понимания принадлежности земель, заключенных в границы береговой полосы водного объекта к государственной или муниципальной собственности.

Так, например, в решении Калининского районного суда Тверской области от 25.01.2022 [18] и в апелляционном определении Тверского областного суда от 24.05.2022 по делу № 2-28/2022 [15] отражена позиция об исключительной

государственной форме собственности на земельные участки, заключенные в границы береговой полосы водного объекта, нахождения таких земельных участка в муниципальной собственности, по мнению суда, является основанием для их истребования, как из чужого незаконного владения.

Ряд судов [14] придерживаются позиции, согласно которой интересы федерального собственника водного объекта не могли быть нарушены государственной регистрацией права муниципальной собственности на земельные участки, образованные в пределах береговой полосы. Суды апелляционных инстанций исходят из того, что расположение земельных участков вблизи уреза воды, не исключают возникновение права муниципальной собственности на указанные участки, поскольку специфика такого владения состоит в отсутствии у публично-правового образования необходимости в доказывании факта держания при доказанности факта наличия свободного доступа на соответствующую территорию.

Всего, согласно вышеназванной Докладной записке, в 2023 г. прокуратурой выявлено 67 фактов формирования земельных участков в береговой полосе и акватории водных объектов, 314 случаев воспрепятствования свободному доступу граждан к береговой полосе. По указанным фактам внесено 19 представлений, направлено 27 исковых заявлений, возбуждено 2 дела об административных правонарушениях по ст. 8.12.1 КоАП РФ.

Прокуратура осуществляет свою деятельность независимо от органов законодательной и исполнительной власти. Эта независимость выражается в том, что прокуратура может самостоятельно решать возникающие вопросы, а ее деятельность основывается исключительно на российском законодательстве и правосознании своих сотрудников [12]. Независимость не исключает возможности взаимодействия с иными органами государственной власти и местного самоуправления. Как отмечают действующие работники прокуратуры, «оздоровления окружающей среды возможно добиться только совместными скоординированными усилиями всех органов, а поэтому необходимо совершенствовать взаимодействие органов прокуратуры с контролирующими и правоохранительными органами» [10].

Не менее важную роль прокуратура играет в координации деятельности органов экологического контроля (надзора). Так, прокуратура ежегодно запрашивает и обобщает информацию у поднадзорных органов власти Тверской области о том, как реализуются полномочия по обеспечению свободного доступа граждан к водным объектам общего пользования, и информированию населения об ограничениях водопользования на водных объектах. Прокуратурой производится мониторинг публичных кадастровых карт, по результатам которого, в рамках межведомственного взаимодействия, в адрес органов местного самоуправления направляется информация о возможных нарушениях требований водного законодательства и необходимости принятия мер в рамках полномочий по обеспечению свободного доступа граждан к водным объектам. В 2023 году Тверской межрайонной природоохранной прокуратурой подготовлена и направлено 41 информационное письмо.

Большую роль играют органы прокуратуры в преодолении разногласий и достижении юридической согласованности в системе органов власти Тверской области. В марте 2024 года, с целью достижения юридической согласованности, на базе Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры состоялось межведомственное совещание с Министерством природных ресурсов и экологии Тверской области, Верхне-Волжским Управлением Росприроднадзора, Территориальным управлением Росимущества и другими представителями органов региональной власти по вопросам усиления контроля за соблюдением права граждан на доступ к водным объектам, обобщения практики судебной защиты и мобилизации ресурсов для проведения геодезических прибрежных работ.

Вместе с тем, в рассматриваемой сфере также целесообразно упомянуть о проблеме, связанной с тем, что практический потенциал органов экологического контроля (надзора), нацеленный на предупреждение и фактическое устранение нарушений водного законодательства, в полной мере не раскрыт. Закрепленные за органами государственного контроля (надзора) полномочия, в практической плоскости носят скорее декларативный характер, не раскрывают порядок, формы и основания проведения контрольных мероприятий в случаях нарушения водного законодательства, что приводит к безусловному ограничению перечня органов власти, уполномоченных осуществлять контроль (надзор) на соблюдение режима использования береговой полосы. Так, в случае установления факта незаконного нахождения земельного участка в пределах береговой полосы и акватории водного объекта полномочия по защите прав и свобод человека и гражданина в судебном порядке на территории Тверской области фактически относятся только к компетенции прокуратуры и Министерства природных ресурсов и экологии Тверской области, что негативно сказывается на загруженности указанных органов.

Таким образом, роль прокуратуры имеет сложное, многоаспектное значение и проявляет себя как в непосредственно надзорной деятельности за соблюдением права свободного и равного доступа граждан к водным объектам общего пользования, так и в осуществлении координационной функции, в разрешении возникающих разногласий среди органов государственного экологического контроля (надзора).

Крайне интересными представляются результаты анализа практики природоохранной прокуратуры, которые позволяют сделать следующие выводы.

1. Правоприменительной практикой до сих пор не выработано единой позиции относительно того, не противоречит ли нахождение земельных участков, расположенных в пределах береговой полосы водного объекта, в муниципальной собственности интересам Российской Федерации и неопределённого круга лиц.

2. По мнению апелляционных судов, законодателем не установлен абсолютный запрет на строительство зданий, сооружений в пределах береговой полосы. Предположу, что подобная позиция основана на том, что полный запрет привел бы к ситуации, при которой принудительной силой государства

обеспечиваются интересы одной общности, при этом ограничиваются интересы остальных членов того же общества. В частности, запрет на строительство, в том числе социально значимых объектов на земельных участках, расположенных в пределах береговой полосы, существенно затруднил бы достижение общественных интересов.

3. В настоящее время приоритетным направлением деятельности природоохранной прокуратуры является осуществление прокурорского надзора за обеспечением правового режима береговой полосы общего пользования. Произошло это эволюционным путем, так как практический потенциал органов, осуществляющих государственный экологический контроль (надзор) в полной мере не раскрыт, в связи с несовершенством норм действующего законодательства.

Совершенно очевидно, что прокуратура не может и должна выполнять несвойственные ей контрольные функции. Инициация процесса совершенствования имеющихся форм организации деятельности органов экологического контроля (надзора) должна стать одним из приоритетных направлений деятельности прокуратуры. В этой связи, целесообразно обратиться к имеющимся у прокуратуры полномочиям по проведению нормоконтроля и законодательной инициативы на местном уровне.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. ст. 1
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2006. № 23. С. 2381.
4. Земельный кодекс Российской Федерации" от 25.10.2001 N 136-ФЗ // СЗ РФ. №44. С. 4147.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Консультант Плюс. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040.
6. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7 -ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.
7. Федеральный закон от 6.10.2003 № 121-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 08.10.2003.
8. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 4. 28.01.2002. Ст. 251.
9. Воронин О.В. О сущности современного прокурорского надзора // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 183-189
10. Ермаченко С.В. Актуальные вопросы теории и практики при обеспечении взаимодействия прокуратуры и органов экологического контроля // ГлаголЪ правосудия. 2023. №3 (33).
11. Сидарчук, А. А. Роль органов прокуратуры в защите прав и свобод человека и гражданина // Значение прокуратуры в гражданском обществе: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тамбов, Издательский дом «Державинский», 2022. С. 291-296.

12. Хуронжий С.Н. Правовые основы защиты частных и публичных интересов // Юридическая наука. 2016. №5. С. 34.
13. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 11 июля 2016 года по делу № А83-6559/2015 // Банк решений арбитражных судов RAS.arbitr.ru URL: <https://ras.arbitr.ru/>
14. Постановление Пятнадцатого арбитражного суда от 19 января 2022 года № 15АП-23556/2021 // Банк решений арбитражных судов RAS.arbitr.ru URL: <https://ras.arbitr.ru/>
15. Апелляционное определение Тверского областного суда от 24 мая 2022 года по делу № 2-28/2022 // ОЭР Тверского областного суда URL: https://oblsud--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=3&name_op=case&case_id=13084210&case_uid=d1af79f9-5ab7-4115-923e-26b0f7247dde&delo_id=5&new=5
16. Решение Рамешковского районного суда Тверской области от 14 декабря 2023 года по делу № 2-222/2023 // ОЭР Рамешковского районного суда Тверской области URL: https://rameshkovsky--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=6cd3c35a-7523-4445-ae3f-e34b9a2d4249&_deloId=1540005&_caseType=0&_new=0&srv_num=1&_hideJudge=0
17. Решение Конаковского городского суда Тверской области от 8 декабря 2023 года по делу № 2-70/2023 // ОЭР Конаковского городского суда Тверской области URL: https://konakovsky--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=1770bb9c-6049-4d0a99be8d936ff81639&_deloId=1540005&_caseType=0&_new=0&srv_num=2&_hideJudge=0
18. Решение Калининского районного суда Тверской области от 25 января 2022 года по делу № 2-28/2022 // ОЭР Калининского районного суда Тверской области URL: https://kalininsky--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=462df8d5-7eb4-449d-842c-ae1bf5cd9132&_deloId=1540005&_caseType=0&_new=0&srv_num=2&_hideJudge=0
19. Стенограмма расширенного заседания коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25.03.2024 // Официальный информационный портал Президента России URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/73735
20. Докладная записка о результатах работы Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры в 2023 году / Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры.
21. Представления Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры от 31.01.2024 в адрес Главы Конаковского муниципального округа Тверской области // Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры.
22. Постановление о возбуждении производства об административном правонарушении от 11.12.2023 года // Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры.

Об авторе:

СПАХОВ Даниил Игоревич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: dispakhov@edu.tversu.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.И. Спахов

ФГОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Г.Н. Захаров

Статья посвящена исследованию вопроса процесса информатизации надзорной деятельности органов прокуратуры. Автором проанализированы основные этапы развития и внедрения информационных технологий, применяемых в современной работе прокурорских работников. Результатом исследования послужил вывод о необходимости дальнейшего усовершенствования межведомственного электронного документооборота.

Ключевые слова: прокурорский надзор, цифровая трансформация надзорной деятельности, информационные технологии, межведомственное взаимодействие, информационные системы.

Одним из актуальных направлений развития современного общества является формирование единого цифрового пространства. С учетом потребности повышения эффективности работы государственных органов, указанная тенденция не обошла стороной и систему органов прокуратуры Российской Федерации.

Как справедливо отметил М.В. Колосов, «организация работы прокуратуры – это устойчивая система действий, основанная на иерархии рангов и разделении труда для достижения общих целей и задач, стоящих перед данными органами» [4]. По моему мнению, одним из самых значимых факторов, влияющих на эффективность работы органов прокуратуры является обработка и перераспределение большого объема поступающей информации. С каждым годом информационный поток все увеличивается, а внедрение новых технологий является необходимым условием функционирования современной прокуратуры.

В целях внедрения информационно-коммуникационных технологий, создания прозрачной высокотехнологичной среды взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации и граждан, обеспечения эффективности информационного сопровождения процессов надзорной деятельности издан приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627, которым утверждена Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года [7]. Появление данного Приказа является основной поворотной точкой в развитии единой цифровой среды прокурорского надзора. В рамках Концепции обозначены основные научно-технические решения по реализации направлений цифровой трансформации органов прокуратуры Российской Федерации, сформулированы предложения по планам развития информационных систем органов прокуратуры Российской Федерации, архитектуре организации типовых рабочих мест, проведен анализ возможности импортозамещения и другие важные нововведения.

В научной среде позитивно воспринята идея внедрения автоматизированного комплекса. Так, по мнению В.В. Яцуценко WEB – Надзор является инновационной системой, поскольку ее внедрение «позволит отслеживать движение жалобы, автоматически подчитывать количество обращений в целом, по видам правонарушений, что значительно сократит срок реагирования работников прокуратуры» [6].

К основным возможностям АИК «Надзор – WEB» на начальном этапе формирования информационного комплекса можно отнести: регистрация карточки документа; передача документов между подразделениями прокуратуры минуя отдел по рассмотрению обращений; печать штампа с уникальным номером документа; отслеживание движения рассмотрения документа и др. [8].

По результатам проведения в 2023 году работ по модернизации АИК «Надзор – WEB» [11] добавлены новые функции, например: протоколирование при изменении прав доступа; формирование отчетов по расписанию в фоновом режиме; ограничение на удаление регистрационных карточек; автоматическое распределение пользователей по серверам и другие возможности. Необходимо отметить, что внедрение новых функциональных возможностей комплекса осуществляется по результатам опросов работников прокуратуры и выражаются доработках программного обеспечения и проведения мероприятий по обновлению АИК «Надзор-WEB».

Последние значимые изменения, связанные с проведением опытной эксплуатацией АИК «Надзор-WEB» отражены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 23.05.2023 № 341 [10], который ознаменовал начало эксплуатации информационного комплекса на территориях Донецкой, Луганской народных республик, Запорожской, Херсонской областей.

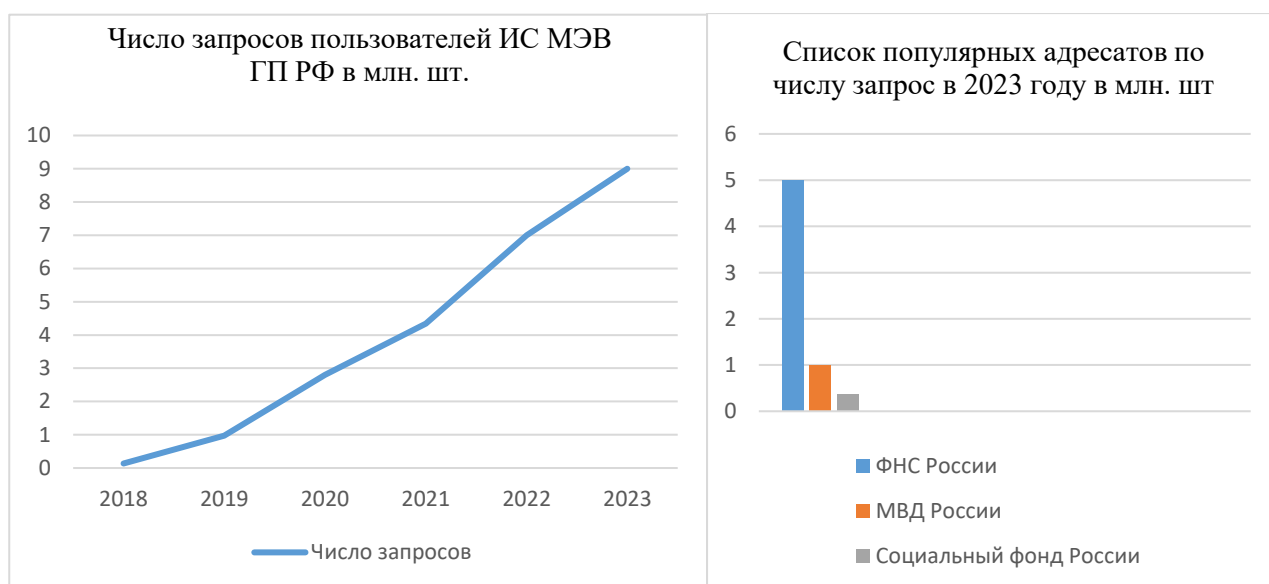
Таким образом, можно утверждать о достижении цели, связанной с объединением всех прокуратур Российской Федерации в единую защищенную сеть передачи данных.

Как известно, прокуратура осуществляет свою деятельность независимо от органов законодательной и исполнительной власти. Вместе с тем, независимость не исключает возможности взаимодействия с иными органами государственной власти и местного самоуправления. Как отмечают действующие работники прокуратуры, «реализации прав граждан возможно добиться только совместными скоординированными усилиями всех органов, а поэтому необходимо совершенствовать взаимодействие органов прокуратуры с контролирующими и правоохранительными органами» [3]. В связи с возникшей необходимостью получения информации для повышения эффективности проведения анализов, а также проверок соблюдения законов по защите прав и законных интересов граждан в органах прокуратуры используется информационная система межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ (далее - ИС МЭВ) [2], которая введена в эксплуатацию Приказом Генерального прокурора РФ от 10.12.2018 г. № 816 [9].

В указанной связи, опросы цифровой трансформации, внедрения и развития ИС МЭВ обсуждены на заседаниях коллегий, совещаниях при прокурорах субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокурорах. Принятые решения способствовали активизации мероприятий цифровой трансформации органов прокуратуры и повышению эффективности работы нижестоящих прокуроров.

ИС МЭВ – это информационный ресурс, который функционирует круглосуточно и предоставляет пользователям необходимые сведения (более 50 видов). Основными операторами указанного информационного ресурса являются Прокуратура РФ, ФНС России, Росреестр и др. Система имеет важное значение в надзорной деятельности, обеспечивает оперативное получение данных из информационных систем названных ведомств, сокращает документооборот и трудозатраты, а также предоставляет возможности более глубокого системного анализа получаемых сведений. В целом по итогам работы прокуратур в ИС МЭВ наблюдается инициативность пользователей по созданию документов в электронном виде и их обмену с участниками информационного взаимодействия посредством системы межведомственного электронного документооборота.

В качестве положительного примера использования ИС МЭВ можно привести статистику роста числа пользователей информационного ресурса по годам [13].

Вместе с тем, необходимо упомянуть о том, что не все ведомственные базы подключены к ИС МЭВ. Прежде всего, проблема касается органов, осуществляющих государственный экологический контроль (надзор), часть органов государственной власти субъектов Российской Федерации и все органы местного самоуправления. В указанной связи принимаются меры по дальнейшему совершенствованию ИС МЭВ совместно с заинтересованными органами государственной власти, а также расширению видов предоставляемых сведений.

Помимо названных систем, в настоящее время в сети органов прокуратуры реализовано два независимых сегмента передачи данных, защищенным закрытым и открытым контуром [1]. В практической плоскости, системы, защищенные по схеме открытого контура, являются резервными системами для общения с иными органами государственной власти и местного самоуправления, которые не имеют доступа к ИС МЭВ. К таким системам, например, можно отнести электронную почту. До недавнего времени в системе органов прокуратуры широко применялась почта Mail.ru. Между тем, с развитием информационных технологий внедрена наиболее устойчивая система отправки электронных писем – Samoware, оснащенная сквозным шифрованием. Говоря о дополнительных системах закрытого контура необходимо упомянуть о существовании единого файлообменника, независимого от АИК «Надзор-WEB», созданного на базе почты Outlook. Отличительными чертами указанной системы является независимость от подключения к сети и ограниченный функционал. Файлообменник, как правило, применяется с целью ведения деловой переписки и согласования проектов документов. Между тем, важно помнить, что использование иностранного программного обеспечения имеет высокие риски в своем исполнении.

Также следует помнить о необходимости использования сотрудниками прокуратуры веб-браузеров в сети Интернет. В научной литературе ученые склонны полагать [5], что указанный открытый источник позволяет осуществлять следующие работы:

- мониторинг средств массовой информации и ресурсов на предмет размещения в них статей и иных публикаций, содержащих сведения о фактах нарушения действующего законодательства;
- изучение материалов, содержащих сведения, противоречащих требованиям закона и подлежащих снятию с публикации;
- мониторинг официальных сайтов органов государственной власти и местного самоуправления;
- изучение гражданских и арбитражных дел, опубликованных на официальных сайтах судебных инстанций.

В настоящее время, с целью повышения эффективности деятельности органов и организаций прокуратуры РФ внедрены 12 информационных систем и комплексов. Наличие всех представленных систем не может в полном объеме гарантировать эффективную реализацию прокурором надзорных полномочий. Отсутствие грамотной организации использования информационных технологий негативно отразится на результативности надзора. В этой связи предлагаю обратиться к основным правилам использования информационных систем при осуществлении надзорной деятельности природоохранной прокуратурой на основе Порядка, закрепленного в приложении к приказу Волжского межрегионального природоохранного прокурора от 01.03.2022 № 13 [12].

1. Каждому пользователю предоставляется права работы в информационных системах органов природоохранной прокуратуры и доступу в базы данных в соответствии с выполняемыми им должностными обязанностями.

2. Документы, поступающие в прокуратуру на бумажные носители необходимо включать в АИК «Надзор-WEB» в виде прикрепленных к регистрационной карточке документов электронных копий, посредством сканирования бумажных документов.

3. Если работа в указанной категории осуществляется только на бумажных носителях, то необходимо фиксация этапов и результатов исполнения в АИК «Надзор – WEB».

4. Регистрация обращений осуществляется в день поступления электронного документа. Документ регистрируется однократно.

5. При подписании внутренних документов прокуратуры может использоваться электронная подпись. Подписанный простой электронной подписью документ признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанный собственной подписью.

Таким образом, проведенный обзор деятельности органов прокуратуры по внедрению информационно-коммуникационных технологий свидетельствует о повышении результативности работы в сфере цифровой трансформации, а также об интенсивности внедрения процессов цифровизации в функционировании органов прокуратуры. Повышению эффективности реализации поставленных задач в указанной сфере способствовало появление нескольких информационных ресурсов – ИК МЭВ и АИК «Надзор – WEB» и др. В целом по итогам работы прокуратуры наблюдается инициативность по ведению документооборота в сетевых комплексах.

Вместе с тем, в полной мере не разрешена проблема информационного взаимодействия посредством межведомственного электронного документооборота. Учитывая изложенное, предлагается продолжить модернизацию ИС МЭВ, расширить круг ведомств, имеющих возможность использовать базы данных.

Список литературы:

1. Бессчастный С.А. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации // Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Москва. 2022. С. 16-25

2. Бессчастный С.А. Использование информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ // Законность. 2022. № 2. С. 22-24

3. Ермаченко С.В. Актуальные вопросы теории и практики при обеспечении взаимодействия прокуратуры и органов экологического контроля // Глаголь правосудия. 2023. №3 С.33.

4. Колосов М.В. О некоторых вопросах межведомственного электронного взаимодействия // Горизонты гуманитарного знания. 2018. №3. С. 121

5. Шумняев Д.А. Некоторые практические аспекты информационного обеспечения прокурорского надзора за исполнением органами местного самоуправления и из должностных лиц законодательства в сфере земельных отношений. // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 3. С. 16-19

6. Яцуценко В.В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельности органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11. С. 132

7. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от № 627 14.09.2017 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» // ОИС Генеральной прокуратуры URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=4763127> (дата обращения: 24.05.2024)

8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29.12.2011 № 450 «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации» // ОИС Генеральной прокуратуры URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents?item=4762159> (дата обращения: 24.05.2024)

9. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10.12.2018 № 816 «О введении в опытную эксплуатацию информационную систему межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ» / Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры

10. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.05.2023 № 341 «О внесении изменений в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.05.2021 № 286 / Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры

11. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18.12.2023 № 111-03-2023 «Об обновлении АИК «Надзор-WEB» / Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры

12. Приказ Волжского межрегионального природоохранного прокурора от 01.03.2022 № 13 «О проведении опытной эксплуатации автоматизированного информационного комплекса «Надзор-WEB» в Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре» / Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры

13. Обзор деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратур в сфере цифровой трансформации и внедрения информационно коммуникационных технологий от 05.05.2024 № 11-04-2024 / Архив Тверской межрайонной природоохранной прокуратуры.

Об авторе:

СПАХОВ Даниил Игоревич – студент¹ курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: dispakhov@edu.tversu.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Н.С. Черных

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н, доцент О.В. Жукова

В статье рассматриваются особенности применения принудительных мер воспитательного характера, анализируются их цели и эффективность по отношению к несовершеннолетним, совершившим преступление.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, уголовная ответственность, освобождение от уголовного ответственности, несовершеннолетние.

Одной из актуальных проблем как общества, так и юриспруденции, является преступность среди несовершеннолетних. Несовершеннолетние, совершившие преступление, рассматриваются с особой точки зрения, поскольку берутся во внимание особенности воспитания, жизненной ситуации, психического развития и возможности осознавать фактический характер и общественную опасность совершенного деяния. Вопрос особенностей уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних регулируется гл. 14 УК РФ.

К несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены следующие виды наказания: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок. В случае освобождения от наказания, они могут быть помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, так же к ним могут быть применены меры воспитательного воздействия.

Несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода.

Основной задачей мер воспитательного воздействия является исправление антиобщественного поведения несовершеннолетнего, с целью исправления его поведения и полной реабилитации общества. Данные меры подтверждают и дополнительно подчеркивают закрепленный в уголовном законодательстве принцип гуманизма, поскольку отбывание реального наказания может оставить след на всю дальнейшую жизнь несовершеннолетнего и еще сильнее оттолкнуть его от общества и соблюдения его норм. Данные меры в определенных случаях позволяют корректировать поведение несовершеннолетнего. К числу таких мер относятся: предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их

заменяющих, либо комиссии по делам несовершеннолетних, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего [1].

Предупреждение является по сути своей профилактической беседой с объяснением несовершеннолетнему, какие последствия повлекли его противоправные действия и предупреждение о недопустимости повторного нарушения закона. В основном данная мера необходима в случае, когда несовершеннолетней в силу своей психологической незрелости не осознает последствия совершенных им противоправных действий [2].

На основании ст. 90 УК РФ в содержание указанных мер входит воздействие на подростка с помощью метода убеждения через беседы; осмысление совершенного им преступного действия через разъяснения; внушение о пересмотре поведения и несовершенства в дальнейшем противоправных или антиобщественных действий; толкование норм морали и правопослушного поведения в обществе. Исходя из этого, видим, что законодатель добивается достижения цели исключительно психолого-педагогическими методами, минуя уголовную ответственность, к которой мог бы быть привлечен несовершеннолетний [3]. Предупреждение является наиболее мягкой и лояльной мерой и почти всегда назначается в связке с иными мерами воспитательного воздействия.

Передача под надзор родителей возможна лишь в случаях, когда влияние родителей на несовершеннолетнего окажет положительный эффект. В случае, если семья является неблагополучной, данная мера может пойти только во вред. Не совсем ясна суть данной меры, поскольку в ст. 63 Семейного кодекса РФ указано, что родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Похожее положение закреплено и в ст. 38 Конституции РФ: «забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей». Родители и так обязаны воспитывать своего ребёнка надлежащим образом, в том числе, чтобы он не совершал противоправных действий, то же самое касается и в случае лиц, заменяющих родителей. Стоит отметить, что в статье напрямую не указаны никакие санкции к родителям, в случае если они не выполняют требования передачи несовершеннолетнего под их надзор. Однако подобные санкции есть в КоАП РФ. Кроме того, неисполнение обязанности по воспитанию в дальнейшем может стать причиной лишения родительских прав.

Возложение обязанности загладить причиненный ущерб возможно лишь в случае соответствующего имущественного положения и наличия необходимых трудовых навыков у несовершеннолетнего. Судом устанавливается так же способ возмещения вреда. Это может быть, как в денежной форме, так и в натуральной, так и исправление собственными силами. Данная мера имеет смысл лишь в том случае, когда несовершеннолетний самостоятельно может загладить причиненный ущерб [1].

Такая мера воспитательного воздействия как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего не

предусматривает перечня возможных санкций по отношению к несовершеннолетнему. Этот список является открытым и применяется на усмотрение правоприменителя, исходя из конкретного случая. Как пример можно назвать ограничение на нахождение на улице после определенного времени [1]. Открытость данного перечня, положительно сказывается на результате применения данной меры воспитательного воздействия, поскольку позволяет применять ее более точно в отношении каждого рассматриваемого случая и более эффективно корректировать поведение несовершеннолетнего.

В случае систематического неисполнения принудительной меры воспитательного воздействия она подлежит отмене с направлением материалов дела в установленном порядке для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Под систематическим неисполнением несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия следует понимать неоднократные (более двух раз) нарушения в течение назначенного судом срока применения принудительной меры воспитательного воздействия (например, ограничения досуга, установления особых требований к его поведению), которые были зарегистрированы в установленном порядке специализированным органом, осуществляющим контроль за поведением подростка [4].

Если обратиться к статистике, то можно увидеть положительную тенденцию в вопросе преступности среди несовершеннолетних. В 2020 году всего было выявлено 33 575 несовершеннолетних совершивших преступления, в 2021 году эта цифра снизилась и составила 29 126, в 2022 году – 26 305 несовершеннолетних [5].

Принудительные меры воспитательного воздействия имеют большой потенциал для применения. Однако, исходя из практики назначаются довольно редко. В случае их назначения возникает другая проблема: отсутствие достаточного количества квалифицированного штата сотрудников, которые могли бы контролировать и заниматься исправлением подростков. Кроме того, редкость назначения подобных мер может быть связана с возможностью условного осуждения. В таком случае несовершеннолетний так же не попадает в места отбывания наказания, но и не получает профилактического воздействия, которое поможет скорректировать его поведение. Очень важно, не просто наказать несовершеннолетнего за проступок, а помочь ему реабилитироваться и исправиться, чтобы данный проступок не перечеркнул всю его дальнейшую жизнь, поэтому, на мой взгляд, применения мер принудительного воздействия требует дальнейшей разработки и совершенствования.

Список литературы

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. - 1536 с.
2. Репьева А.М., Ермакова О.В. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3(49).
3. Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы

назначения и применения // Lex russica. 2018. № 9. С. 112–118.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

5. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения 22.03.2024).

Об авторе:

ЧЕРНЫХ Никита Сергеевич – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nschernykh@edu.tversu.ru.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А.М. Юрченко

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Д.ю.н, профессор Туманова Лидия Владимировна

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые направлены на развитие информатизации гражданского процесса. Также рассмотрены вопросы сущности электронных доказательств в РФ. В статье отмечены проблемные вопросы, возникающие при использовании такого вида доказательств в гражданском судопроизводстве.

***Ключевые слова:** Информатизация гражданского судопроизводства; электронные доказательства; обеспечение электронных доказательств; проблемы, связанные с использованием электронных доказательств.*

Главенствующим правовым институтом в сфере гражданского процесса является доказывания. Доказывания играют важную роль в процессе правосудия, ведь именно используя доказательства субъекты гражданского судопроизводства выстраивают свою позицию, именно с помощью доказательств можно гарантировать определение истины в судебном разбирательстве. То, что доказательства оказывают большое влияние на вынесенное, решения является неоспоримым.

Статья 55 ГПК РФ [1] устанавливает, что «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.»

Для дальнейшего изучения электронных доказательств необходимо установить, что такое процесс доказывания, А.Ф. Клейман определял процесс доказывания как «процессуальная деятельность только сторон, основанная на совокупности соответствующих процессуальных прав и состоящая в утверждениях о фактических обстоятельствах дела, представлении доказательств, опровержении доказательств противника, заявлении ходатайств об истребовании доказательств, участии в исследовании доказательств, дачи объяснений по поводу использованных доказательств.»

Развитие информационных технологий в гражданском процессе не остановилось на осуществлении видеоконференцсвязи, веб-конференций, введение электронного документооборота и др. В связи с развитием научно-технической сферы, плавным переходом многих сфер в цифровую реальность, возник новый вид доказательств – электронные доказательства.

Статья 71 ГПК РФ относит электронные доказательства к письменным, так в данной статье указывается, что «Письменными доказательствами являются

содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", документы, подписанные электронной подписью в порядке»

Исходя из вышеуказанного можно прийти к выводу, что правовая основа доказательства остаётся не изменённой, меняется только способ фиксации той или иной информации. От смены формы на электронную, доказательство не меняет сути, до сих пор выражая человеческую мысль. Большинство правоведов сходится на том, что электронное доказательство не является новым видом доказательства, а лишь изменение формы с письменной на электронную.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» существует разделение на «электронный документ» и «электронный образ документа» [2]. Электронным документом является документ, оригинал которого создан в электронном формате и заверена электронной подписью, а электронный образ документа всего лишь электронная копия письменного документа.

Однако в судебной практике уже можно найти судебные дела, где лица участвующие в деле могут предоставить иные формы электронных доказательств [4]. Технически прогресс породил много различных видов цифровой информации, которую можно считать за электронное доказательство, к таким можно отнести переписки в социальных сетях. Самым доступным способом фиксации такой переписки является скриншот экрана смартфона или компьютера. Скриншоты не должны содержать обязательных реквизитов и других атрибутов письменных документов и поэтому их необходимо заверить у нотариуса, однако даже такое заверение не гарантирует достоверность содержания, так как такой формат может подлежать изменению и на момент предоставления таких доказательств в суд одной стороной, могут быть предоставлены уже совсем в другом виде другой. Из этого вытекает, что скриншоты переписки возможно предоставить в качестве доказательств в суде, если противоположная сторона не оспаривает такие доказательства.

Постановления пленума ВС РФ №57 установило, что суды должны сами решать проверять ли доказательства из сети «интернет». ГПК РФ так же не закрепляет обязанности оценивания судом электронных доказательств, из этого всего вытекает что суд сам решает принимать ли ему доказательства или нет. Создаётся проблемная ситуация, когда граждане не смогут в полной мере осуществить защиту своих прав и свобод из-за того, что суд окажется принимать электронные доказательства [5, с.1]. Возможно для разрешения данной ситуации необходимо разработать критерии, при соблюдении которых скриншот как

доказательство могло гарантировано быть предоставлено в качестве доказательства.

Существует и сложность в изучении переписок, так как переписка представляет собой часто неформальный диалог, в ней могут встречаться как эмодзи, стикеры, различные фото, аудио и видеозаписи. Так как переписка предоставляется в распечатанном виде аудиозаписи выглядят как звуковые дорожки, видеозаписи как фото плохого качества и др. Из этого следует, что скриншот, распечатанный на бумаге, начинает терять свои свойства доказательства из-за невозможности исследовать все части переписки. Для реализации данных доказательств необходимо использовать специальное устройства для считывания и получения информации.

Можно сделать вывод, что электронные доказательства существуют как в форме электронных документов и электронных сообщений. В научной среде к доказательствам предлагается относить фотоизображения, видеозаписи, Смс сообщения и другие.

Главным признаком электронных доказательств будет являться их особая форма. Электронные доказательства, находящиеся в пограничном состоянии между письменными и вещественными [6, с.15-16]. При этом законодательство России строго относит их к письменным, что вынуждает предоставлять их в суде как письменные доказательства, на сторону, которая хочет предоставить такие доказательства ложиться не только обязанность распечатать данные доказательство на бумажный носитель, но также заверить у нотариуса так-как существует возможно подделки с помощью различных графических приложений. При это средняя стоимость заверения у нотариуса электронного доказательства стоит три тысячи рублей за один лист, что являет довольно дорогой процедурой.

Так же необходимо отметить, что электронные доказательства должны отвечать таким критериям как относимость и допустимость. Относимость заключается в том, что доказательство должно быть отнесено к сути дела, а вот с допустимостью всё куда проблематичнее. Обеспечить допустимость может быть довольно проблематично, так согласно статье 60 ГПК РФ невозможно предоставить доказательства, полученные незаконным путём. Исходя из этого следует, что доказательства полученные, к примеру, с помощью секретной видеосъёмки невозможно будет предоставить в судебном разбирательстве [2], а также могут повлечь уголовную ответственность.

Остро стоит вопрос о фиксации такого рода доказательств, так как электронные доказательства, часто являются информацией, размещённой в сети «Интернет» и к моменту предъявления таких доказательств в суд, данная информация может быть удалена.

Также немаловажной проблемой является слабая информационная грамотность как граждан, приходящих за правовой защитой, так и лиц, отправляющих правосудие, имеет место быть плохая техническая оснащённость,

что может приводить к проблемам при предоставлении такого вида документов суду.

Подводя итоги всего вышесказанного электронные доказательства стоит определять, как информация, которая может повлиять на исход судебного разбирательства, находящаяся в любой электронной форме. Они могут существовать в различных формах, таких как электронный документ, аудиозапись, видеозапись, сообщения в социальных сетях и мессенджерах, цифровые изображения и др.

Список литературы

1. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138 ФЗ (ред. от 06.04.2024, с изм. от 04.06.2024)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов"
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 07.08.2013 по делу № 33-2948/2013
4. Решение Дзержинского районного суда г. Оренбурга от 24.07.2019 по делу №2-2396/2019 // Решение Рубцовского городского суда Алтайского края от 13.08.2019 по делу №2-1569/2019
5. Бойко Н.Н. Юлбердина Л.Р. Использование электронного документооборота и электронного документа как доказательства в суде. // Право и государство: теория и практика. 2019. С.2.
6. Зиграева В.И. Электронный документ как электронное доказательство в гражданском судопроизводстве // Современные проблемы теории и практики права глазами молодых исследователей: материалы XIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2020. С. 18.

Об авторе:

ЮРЧЕНКО Александр Михайлович – студент 1 курса юридического факультета, направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция, магистерская программа «Проблемы правоохранительной и правозащитной деятельности», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: a_m_yurchenko@mail.ru